

**СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
2024**

**Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2024**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
2024**

**Санкт-Петербург
2024**

УДК 81'374

ББК 81.2Рус-4

С56

Редколлегия: канд. филол. наук *С.А. Ганичева*, докт. филол. наук *Е.Н. Ильина*, канд. филол. наук *М.Д. Королькова*, канд. филол. наук *О.Н. Крылова* (отв. ред.), член-корр. РАН, докт. филол. наук *С.А. Мызников*.

Рецензенты: канд. филол. наук *Е.Б. Кузьмина*, канд. филол. наук *Л.Н. Донина*.

С56 Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2024 / отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – 160 с.

Сборник содержит статьи участников Всероссийской школы-семинара «Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 2-3 ноября 2024 г.).

ISSN 2658-3763

DOI 10.30842/26583763

DOI 10.30842/265837632024 (вып. 2024)

© Коллектив авторов, 2024

© ИЛИ РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Адамович М.Б. Деепричастный оборот в формулах статейных списков XVI–XVII вв.: лексикографический аспект...4	4
Беляева Е.А. История слов «террор» и «терроризм» в русском языке (лексикографическое описание).....11	11
Голубева А.А. Опыт лексикографического описания окационализмов О.Э. Мандельштама.....20	20
Ду Сянь Междометно-местоименный комплекс <i>ой ты</i> в русском фольклоре.....31	31
Дягилева И.Б. Языковые особенности газеты «Северный муравей» (1830-1832).....38	38
Загуменнов А.В. О синтаксической организации толкований неизвестных слов в текстах второй половины XVII века.....49	49
Заманова И.В. Семантические особенности субстантивов на -ость в лексикографическом аспекте.....57	57
Килина М.Ю. Формы множественного числа абстрактных существительных, выражающих представление об успехе в русском и польском языках (на материале данных словарей и корпусов).....70	70
Королькова М.Д., Шевченко Н.В. Употребление глаголов с недостаточной парадигмой в разных формах речи: корпусное исследование I82	82
Ларина А.А. Грамматические модели релятивных эквивалентов аббреконтрукта как средство представления его семантики.....103	103
Рогатнева А.Б. Лексико-семантическая группа «Облако» в смоленских говорах.....111	111
Филиппова М.А. Вопрос словарной интерпретации фразеологизмов отрицательной и положительной оценки с частицей <i>не</i> в современном русском языке.....118	118
Хайретдинова Э.Ф. Наименования форм ландшафта в говорах Среднего Поволжья.....128	128
Хорошева С.И. Диалектные глаголы в говорах Среднего Поволжья.....139	139
Чэнь Юйцюн О различиях китайско-русских словарей, созданных в России и Китае.....147	147
Сведения об авторах157	157

Адамович Максим Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет

**Деепричастный оборот в формулах статейных списков
XVI–XVII вв.: лексикографический аспект**

В статье рассматриваются дипломатические формулы, репрезентацией которых является форма деепричастного оборота. Материал был получен методом сплошной выборки из статейных списков русских послов. Обсуждается ряд вопросов, которые необходимо решить при лексикографировании формул с деепричастным компонентом: входит ли глагол, от которого зависит деепричастный оборот, в устойчивое сочетание, какие модификации формулы могут быть признаны вариантами, а какие – самостоятельными единицами, как следует показывать широкую вариантность формул. В статье предлагаются конкретные варианты решения данных вопросов за счет введения в словарную статью особых грамматических помет, графического разделения слов-сопроводителей, вариантных и факультативных элементов и т. д.

Дипломатические формулы с деепричастным компонентом являются важным элементом дипломатического языка Московской Руси, должны быть включены в исторические словари и особым образом описаны.

Ключевые слова: формула, статейный список, дипломатический язык, деепричастный оборот.

XVI–XVII вв. – период расцвета приказной культуры, увеличения жанрового разнообразия деловых памятников. В это время появляется новая разновидность официально-делового языка – дипломатический стиль. Его лексика и фразеология формируется главным образом в статейных списках (СтС), которые представляют собой «составленный в форме дневника отчет русских послов о выполнении дипломатических и торговых поручений» [Сабенина 1971: 59].

Изучению дипломатической лексики посвящен ряд работ (см. труды Д.С. Лихачева, О.В. Никитина, А.М. Сабениной, Ф.П. Сергеева и др.). Однако фразеология данной сферы и специальные дипломатические формулы пока не были объектом специального системного лингвистического анализа. В работе О.В. Никитина перечисляются, но подробно не описываются отдельные устойчивые сочетания, используемые в СтС [Никитин 2004: 123], в монографии Ф.П. Сергеева осуществлен анализ некоторых устойчивых сочетаний дипломатических памятников XI–XVII в. [Сергеев 1972: 62–120]. Из новых исследований важно упомянуть работу Е.В. Генераловой и Е.И. Зиновьевой, в которой описываются стереотипные формулы языка Московской Руси XVI–XVII вв. и представлены подобные единицы из СтС [Генералова, Зиновьева 2024: 54].

Объектом настоящего исследования стали дипломатические формулы, репрезентацией которых является форма деепричастного оборота (т. е. включающие деепричастие как обязательный компонент), которые являются частью общего корпуса дипломатических формул, полученных путем сплошной выборки из СтС Ф.А. Писемского в Англию, СтС П.И. Потемкина во Францию, СтС подьячих Н.Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю, СтС Б.П. Благово в Турцию, СтС И.П. Новосильцева в Турцию, СтС Ф.И. Байкова в Китай и СтС переговоров Н.И. Егупова-Черкасского с послами Алтынхана и лабы Дайн Мерген-ланзы.

В настоящем исследовании рассматриваются лингвистические особенности данных формул и возможные пути их лексикографического представления в исторических толковых словарях.

Распространенность деепричастных формул в СтС объясняется особенностями жанра данных памятников: послам необходимо показать сопутствующие действия, намерения, желания договаривающихся сторон – этой цели идеально отвечает деепричастный оборот, обозначающий добавочное действие. См., напр., контексты из СтС Ф.А. Писемского: *И мы*

видя твою любовь к брату своему, а к нашему государю, то ему известно учиним [Лихачев 1954: 138]; *И она, слышав брата своего, а вашего государя, царя и великого князя, здоровье, рада...* [Лихачев 1954: 107]; СтС П.И. Потемкина: *И королевское величество, выслушав того списка и видя братицкую дружбу и любовь великого государя вашего, его царского величества, к его королевскому величеству, зело обрадовался* [Лихачев 1954: 261]; СтС Н.Д. Венюкова и И. Фаворова: *И Никифор и Иван говорили, чтоб богдыханово высочество, желая быть с царским величеством в дружбе и любви, царского величества грамоту принял сам* [Восточная литература].

Анализируемые формулы представляют собой деепричастный оборот при глаголе. В СтС стержневое слово в анализируемых формулах выступает либо только в форме деепричастия (таких формул в нашем исследовании большинство), напр., кто-л. указал (*принял, прислал, велел...*) *желая (хотя) быть с кем-л. в (во) [бра(т)ицкой] дружбе и любви, слыша чью-л. к кому-л. к братицкой дружбе и любви совершенную подвижность радуемся, Говорить (стоять, спрашивать) сняв [же] шляпу (шапки)*, либо, помимо деепричастия, также может фиксироваться в личных формах или инфинитиве, например, *(не) видеv чьих-л. (кого-л.) [пресветлых] очей(-и) и (не) видеть / увидеть чьи-л. [пресветлые] очи(-ей)*.

В качестве главного компонента используются деепричастия от глаголов с семантикой желания (*желать, хотеть*), восприятия (*видеть, слышать*), конкретного действия (*снять*) и чувствования (*любить*). Наиболее частотными являются формулы с деепричастием от глаголов первой группы, так как нужно было проинформировать главу государства о чем-либо и показать расположение послов или принимающей стороны к заключению какого-либо соглашения.

Особенностью формул вообще и исследуемых нами в частности является их высокая лексическая вариативность, частое наличие факультативных компонентов и варьирование

порядка следования компонентов. например, в СтС Б.П. Благово: кто-л. с кем-л. *был в крепкой дружбе и в братстве неподвижно* (*[в братстве] в дружбе и в любви [крепкой]*).

При лексикографировании формул с деепричастным компонентом необходимо решить несколько вопросов: входит ли глагол, от которого зависит оборот, в состав формул (и в связи с этим, на какое слово должна быть выведена формула в историческом словаре толкового типа), какие модификации формулы могут быть признаны вариантами, а какие – самостоятельными единицами, как следует показывать широкую вариантность формул.

При решении всех указанных вопросов следует руководствоваться реальным, а не потенциальным употреблением. Глаголы, от которых зависят деепричастия, с нашей точки зрения, должны быть интерпретированы как слова-сопроводители, а не как компоненты формулы, т. к.

– часто такой глагол находится в дистантном положении по отношению к формуле, напр., СтС П.И. Потемкина: *Великий государь наш, его царское величество, хотя быть во братцкой дружбе и любви с великим государем вашим, съ его королевским величеством, свою царского величества опасную грамоту на послов королевского величества прислал с нами* [Лихачев 1954: 264];

– глаголы, от которых зависит оборот, разнообразны и не могут быть сведены к лексическим вариантам (см. их перечисление и семантическую классификацию выше);

– глагол может как предшествовать формуле, так и находиться после него, напр., СтС Д. Венюкова и И. Фаворова: *Объявляют они, что государь их, его богдыханово высочество, указал то учинить, желая быть с царским величеством в дружбе и любви* [Восточная литература]; *И Никифор и Иван говорили, чтоб богдыханово высочество, желая быть с царским величеством в дружбе и любви, царского величества грамоту принял сам* [Восточная литература].

Близкие по значению глаголы следует показать в виде ряда слов-сопроводителей: открытого с многоточием в скобках (кто-л. указал (принял, прислал, велел...) **желая (хотя) быть с кем-л. в (во) [бра(т)цкой] дружбе и любви**) или замкнутого (**слыша кого-л. (чье-л.) здоровье рад(-а), любя (любячи) кого-л. жалует, послала; говорить (стоять, спрашивать) сняв [же] шляпу (шапки)**). При отсутствии возможности подведения к однотипному ряду слов-сопроводителей их показ может переноситься в иллюстрации, чтобы не перегружать статью.

Формулу следует выводить именно в том виде, в котором она функционирует в текстах статейных списках, т. е. в виде деепричастного оборота, и давать ей либо соотносимое с наречием толкование, либо косвенное толкование типа **кто-л. указал (принял, прислал, велел...) желая (хотя) быть с кем-л. в (во) [бра(т)цкой] дружбе и любви** ‘выражение желания, расположения к установлению дружественных, мирных отношений между государствами’.

При функционировании формулы с компонентом, зафиксированным только в деепричастной форме, необходимо давать помету «*только в ф. дпч.*»; при иных условиях начальный вид формулы может быть в инфинитиве с пометой типа «*чаще в ф. дпч.*», в других случаях иллюстрации должны отражать возможность употребления формулы в виде деепричастного оборота.

Вариативность и наличие факультативных компонентов обязательны к показу в статье, т. к. эти процессы отражают становление формулы как устойчивого сочетания. Графически их следует разграничивать с помощью скобок: круглых для вариантных компонентов и квадратных – для факультативных (см. выше).

Так как часто стержневое слово и / или слово-сопроводитель представлены несколькими вариантами или набором лексем типа открытый ряд, встает вопрос о выведении одного компонента в качестве главного, а иных в качестве вариантных. Здесь, как нам кажется, стоит руководствоваться

частотностью употребления компонентов. Например, в единице *говорить (стоять, спрашивать) сняв [же] шляпу (шапки)* именно глагол *говорить* был выведен в качестве основного среди других слов-сопроводителей из-за его большей частотности по сравнению со *стоять* и *спрашивать*.

В исторических толковых словарях формулы с деепричастным компонентом не всегда выделяются в статье, грамматические пометы при них не ставятся. Деепричастные формы, не оторвавшиеся от глагола по семантике, не даются самостоятельной статьей. В связи с этим кажется целесообразным и формулы с пометой «*только в ф. дпч.*» помещать в таких словарях на начальную форму деепричастного компонента (глагол в инфинитиве), но при этом сопровождать устойчивое сочетание дополнительными грамматическими пометами.

Дипломатические формулы с деепричастным компонентом как важный факт старорусского языка (дипломатического подъязыка) должны быть включены в исторические словари и особым образом описаны; еще лучше, если они станут объектом специального исторического фразеологического словаря, наряду с другими формулами старорусского языка.

Литература

Восточная литература. – Электронный ресурс: <https://vostlit.info/> (дата обращения: 09.11.2024).

Генералова Е.В., Зиновьева Е.И. Истоки русской фразеологии: устойчивые сочетания языка делового и повседневного общения Московской Руси XVI–XVII вв. СПб: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. 462 с.

Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVII вв.). М.: Флинта, Наука, 2004. 266 с.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев; Ред. изд-ва Г.И. Зикеев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 490 с.

Сабенина А.М. Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык. Источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 59–84.

Сергеев Ф.П. Русская терминология международного права XI–XVII вв. / под ред. д-ра филол. наук, проф. М.А. Брицына. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1972. 258 с.

Adamovich M.B. The adverbial turnover in the formulas of the article lists of the 16th–17th centurie: lexicographic aspect

The article discusses diplomatic formulas, the representation of which is the form of the adverbial turnover. The material was obtained by a continuous sampling method from the article lists of Russian ambassadors. A number of issues that need to be resolved when lexicographing formulas with an adverbial component are discussed, whether the verb on which the adverbial turnover depends is included in a stable combination, which modifications of the formula can be recognized as variants and which as independent units, how should the wide variation of formulas be shown. The article offers specific solutions to these issues by introducing special grammatical litters into the dictionary entry, graphical separation of accompanying words, variant and optional elements, etc.

Diplomatic formulas with the adverbial component are an important element of the diplomatic language of Moscow Russia, should be included in historical dictionaries and described in a special way.

Keywords: formula, article list, diplomatic language, adverbial participle structure.

Беляева Евгения Александровна
Институт лингвистических исследований РАН

**История слов «террор» и «терроризм» в русском языке
(лексикографическое описание)**

В статье рассматриваются слова «террор» и «терроризм» в свете обнаружившейся необходимости дифференциации этих понятий и актуализации дефиниций в современном толковом словаре. Существует много работ, исследующих эти понятия с разных точек зрения – юридическо-правовой, социально-политической и историко-философской. Во всех работах отмечается ошибочное восприятие этих понятий как синонимов и отсутствие точного толкования как на уровне толковой лексикографии, так и на уровне узкоспециальной терминологии (например, юридической и правоведческой). Каждая наука стремится дать определение своему предмету исследования; в данной работе «террор» и «терроризм» рассматриваются с лексикографической точки зрения, делается попытка вывести семантические маркеры, которые должны помочь дифференцировать эти понятия и максимально точно истолковать их.

Ключевые слова: террор, терроризм, дефиниция, лексикография.

Динамика современной жизни вызывает быстрый отклик языковой системы на новые реалии. Язык «отвечает» появлением новых слов или новых значений. Век науки и техники дает неисчерпаемый лексический материал, который стараются отразить современная лексикография и неология. Однако Постоянная «гонка» за новыми словами иногда приводит к тому, что некоторые укоренившиеся понятия остаются без внимания. За последние почти 100 лет отечественной лексикографии от Словаря Д.Н. Ушакова до наших дней в толковых словарях прослеживается принцип «заимствования» дефиниций. Не

удивительно, что пользователи продолжают обращаться к авторитетным толковым словарям советского периода (например, Ушаков, Ожегов), несмотря на явно устаревший и идеологически нагруженный характер некоторых толкований.

Словарь русского языка Ожегова (1-е изд. 1949 г.), например, определяет *терроризм* исключительно через *террор*, а в устной речи и даже на уровне терминологии эти понятия могут даже употребляться как синонимы.

Террор. 'Физическое насилие по отношению к политическим врагам'. **Терроризм.** 'Политика террора' [Ожегов 1949: 841].

Электронный Большой толковый словарь (БТС), переосмыслив толкование *террор*, сохраняет дефиницию *терроризм* неизменной: Террор. '1. Юрид. Насильственные действия со стороны противников действующей власти (убийства, похищения людей, захват заложников, производство массовых отравлений, взрывы, поджоги, совершение аварий и катастроф, приводящих к гибели людей или причинению имущественного ущерба), применяемые с целью устрашения мирного населения как средство достижения политических целей. // Карательные, репрессивные меры (тюремное заключение, ссылка, расстрел), применяемые действующей властью с целью подавить своих противников и установить определённый порядок. 2. (чей). Проявляемая кем-л. чрезмерная жестокость, запугивание с целью подавить чью-л. волю, возбудить страх, чтобы подчинить себе'. Терроризм 'Политика и тактика террора' [БТС].

Задача данной работы провести краткий историко-культурный анализ понятий *террор* и *терроризм*. Цель: поиск семантических маркеров, которые должны помочь актуализировать и описать лексемы *террор* и *терроризм* в современном (академическом) толковом словаре.

Как яркий исторический феномен *террор* и *терроризм* исследуются с разных точек зрения – юридическо-правовой, социально-политической и историко-философской, в разных

сферах знания рассматривается свое узкоспециальное понятие. *«Юристы выдвигают на передний план противоправную сторону терроризма и видят в нем преступное деяние... Психологи делают акцент не столько на терроризме, сколько на терроре, – создании в обществе атмосферы страха и паники с целью давления на власть, общественное мнение или отдельные социальные группы и организации. Политологи в зависимости от контекста видят в терроризме или крайнюю форму политического экстремизма, или форму политического протеста»* [Лощаков 2015: 108–109]. В небольшой статье невозможно решить проблему столь многомерных понятий даже на уровне одной дисциплины, однако делается попытка вывести некую лексикографическую системность.

В качестве исходной точки «истории» понятий **террор** и **терроризм** в русском языке в данной работе будет считаться середина XIX века, а именно первая фиксация в Словаре иностранных слов А.Д. Михельсона (1866): ‘ужас, страх’ [Михельсон 1866: 691]. Условно можно выделить три «исторических» периода: 1. Середина XIX в.–1918 г. – «революционно-реакционный» период; 2. 1918–1991 гг. – советский период; 3. 1991 г.–XXI в. – наши дни.

Период с середины XIX века до 1918 года – это время убийств глав и членов правительства, попытки и убийство царя – время **«революционного» террора**. Революционеры видят в убийствах единственный действенный способ борьбы с властью. Это также время радикальных реакционных действий самого правительства, которое пыталось сдержать инакомыслие строгой цензурой, реформами и казнями, что также получило название **террор – «правительственный»**, по аналогии с событиями Великой французской революции конца XVIII в. *Террор ‘вообще царство ужаса, политическая система, достигающая своих задач путем жестоких мер, внушающих ужас и страх... б) Революционный террор или терроризм – вооруженная борьба с правительством в форме убийства отдельных его представителей’* [Павленков 1910: 2532].

Период 1918–1991 гг. насыщен разными «террористическими» событиями. Выдрин О.В. пишет: *«Для советской власти характерно периодическое обращение к слову «террор» для обозначения достаточно разнородных явлений. Условно можно выделить четыре контекста, в которых происходила актуализация слова «террор». Первый – Гражданская война. Второй – укрепление единоличной власти Сталина. Третий – «холодная война». Четвертый – перестройка»* [Выдрин 2009: 140]. Советский период характеризуется чрезмерной идеологизированностью всех сфер жизни и науки, усиленной масштабными историческими событиями. Для данной работы особое внимание заслуживают «Сталинский» период и «Холодная война». В «Сталинский» период сохраняется актуальность вышеназванного *«правительственного» террора*; его синонимом становится понятие *репрессия*: «Большой террор», «Сталинские репрессии». Нужно учитывать, что литература, как художественная, так и публицистическая, где встречается понятие «террор», появляется с середины 1950-х гг. (без учета эмигрантской литературы и зарубежных изданий) с «Хрущевской оттепелью», реабилитацией репрессированных, ослаблением цензуры в вопросе разоблачения культа личности Сталина.

С середины XIX века понятие *терроризм* существует, но «на втором плане». О *терроризме* в «революционный» период, как о явлении историческом, социальном и политическом говорят исследователи, например: *«Член «Народной воли» Кравчинский выпускает памфлет «Смерть за смерть», в котором содержится апология терроризма»* [Ильина-Соловьева 2013: 89]. *«Российскими предшественниками современного терроризма считаются революционные организации «Народная Воля» и «Боевая организация эсеров», которые широко использовали метод политических убийств, пытаясь расшатать и ослабить российское самодержавие накануне его полного свержения»* [Лощаков 2015: 111]. Однако по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) до 1918 г. само

слово **терроризм** почти не встречается, оно фиксируется всего в 34 текстах (62 примера); во второй рассматриваемый период (1918–1991 гг.) – в 72 текстах (135 примеров), при этом на период 1918–1970 гг. приходится всего 36 примеров в 25 текстах (в основном про революционеров конца XIX в., т. е. эти фиксации можно также отнести к первому периоду). Наконец, за третий период (1991 г.–XXI в.) – 1259 текстов (2997 примеров).

	До 1918	1918-1970	1970-1991	1991-настоящее время
террор	318 текстов 1071 пример	541 текст 2205 примеров	253 текста 971 примера	1587 текстов 4886 примеров
терроризм	34 текста 62 примера	25 текстов 36 примеров	48 текстов 104 примера	1259 текстов 2997 примеров

Академическая толковая лексикография отражает языковые реалии через призму литературы. Анализ текстового материала позволяет сказать, что в основном в период до 1970-х гг. слово **терроризм** встречается в исторических ремарках о революции во Франции конца XVIII в. и о русских революционерах конца XIX–начала XX вв., как в художественной литературе, так и в публицистике; в единичных примерах – как «замещающая» синонимия слова **террор**, авторское употребление или переносное значение. Показатели последнего постсоветского периода неинформативны, ввиду отсутствия цензуры, полной свободы идей и мыслей и особого интереса авторов к переосмыслению исторических событий. Тексты этого периода можно отнести ко всем «историческим» периодам понятий **террор** и **терроризм**.

С 1970-х гг. под влиянием международных событий в русском языке снова появилось слово **терроризм**. Смысл этого понятия в сознании перекликается с деятельностью революционеров: убийства на идеологической почве, жертвы.

«О чем мы вспоминаем, когда слышим слово «терроризм»? Об угнанных самолетах, о подвигах «красных бригад» в Италии, о бомбах, подложенных в Иерусалимском храме, об убитых в автобусе израильских школьников... Ну, конечно, о разбойниках» [Анатолий Приставкин. Убить мерзость личного «я». 1991, НКРЯ].

Актуализация слова **терроризм** осталась незамеченной для лексикографии того периода, обновления дефиниций не произошло. Уже тогда, как и в настоящее время, **терроризм** был явлением уникальным, ориентированным не на «узкую» цель, которую, например, ставили перед собой революционеры. Это уже не «политика террора (где террор «физическое насилие по отношению к политическим врагам»)» [Ожегов: 841]. Из понятийного контекста выпал маркер «политический». В Федеральном законе «О противодействии терроризму» есть определение терроризма – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [№ 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023)].

Начиная с 1970-х гг. слова **террор** и **терроризм** в литературе употребляются «параллельно», в основном в публицистике. Это видится естественным в условиях «истерии» «Холодной войны». Выдрин О.В. пишет о ней так: *«прибавляются взаимные обвинения в применении террористических методов обеими сторонами глобального противостояния»* [Выдрин 2009: 141]. Советские газеты активно используют в заголовках слова **террор** и **терроризм** для оценки политики страны-противника, например, *«Международный терроризм и ЦРУ»*, *«Скрытый террор (Правда о полицейских операциях США в Латинской Америке)»* [Выдрин 2009: 142].

Широкий диапазон функционирования понятий **террор** и **терроризм** на таком большом историческом охвате, является причиной разрозненного представления об этих словах.

Например, в своем исследовании *терроризма* Матвеев С.Р. проводит опрос: «Люди старшего поколения говорили «об угнетении народа», о «злодеяниях Сталина»; представители среднего поколения говорили о терроре как о «массовом, силовом воздействии на людей», как об «особых акциях, целью которых является уничтожение народа»; опрошенные мной представители молодого поколения в первую очередь вспоминали о «террористических актах, международном терроризме», об «актах борьбы против конкретных государств» [Матвеев Рычкова 2009: 100].

Лексикографическое описание должно быть нейтрально окрашенным, составленным из простых, понятных однозначных слов. Сложно толковать такие негативно окрашенные слова непредвзято. Подводя итоги анализа всех исторических периодов существования понятий, предлагается выделить семантические маркеры:

Для слова *террор* (разнонаправленность совершаемого действия дает основание утверждать существование двух самостоятельных значений):

1. террор:

- кто: противники действующей власти, правительства;
- действие: убийство;
- против кого: против действующего правительства, отдельных ее членов;
- цель: смена власти, правительства.

2. террор:

- кто: действующая власть;
- действие: устрашение, угнетение;
- против кого: против населения своей страны;
- цель: сохранение своей власти.

Для слова *терроризм*:

1. терроризм:

- кто: противники действующей власти (революционеры);
- действие: убийство;

- против кого: против действующего правительства, ее членов;

- цель: смена власти, правительства.

2. терроризм:

- кто: враг;

- действие: устрашение, убийство;

- против кого: против мирного населения какой-л. страны

- цель: смена власти, запугивание мирного населения.

В толкованиях слов *террор* и *терроризм* невозможно, кажется, избежать прагматической составляющей, негативной оценки. Эти понятия ассоциируются в национальном и международном сознании с жестокостью, насилием, расправами и убийствами мирного населения. Лексикографическая задача – максимально нейтрально описать столь негативно маркированные единицы и описывать подобные единицы непредвзято единообразно.

Литература

Выдрин О.В. «Терроризм» в русском политическом языке (конец XIX–XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. № 38 (176). История. Вып. 37. 2009. С. 138-143.

Ильина-Соловьева Н.А. Террористический дискурс в русской литературе начала XX века // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 4 (12). 2013. С. 88-100.

Лощаков Д.Г. Террор и терроризм в исторической ретроспективе: методологические аспекты // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015. С. 108-115.

Матвеев С.Р., Рычкова Н.М. Понятие «террор» в отечественной науке // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государствен-

ного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. № 1 (5). 2009. С. 100-103.

Михельсон А.Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. М., 1866. 771 с.

Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. С.-Петербург, 1910. – Павленков 1910.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова, 2000. – Электронный ресурс: [https://gramota.ru/poisk?query=террор&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=террор&mode=slovari&dicts[]=42) – БТС.

Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; под ред. С.П. Обнорского. М., 1949.

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» Статья 3. Основные понятия. – Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/

Belyaeva E.A. The history of the words «terror» and «terrorism» in Russian (lexicographic description)

The article examines the words «terror» and «terrorism» in view of the detected necessity to differentiate these concepts and update definitions in a modern explanatory dictionary. There are many works exploring these concepts from different points of view, legal, socio-political, historical and philosophical. All the works notice that perception of these concepts as synonyms is incorrect and that there is a lack of accurate interpretation both at the level of explanatory lexicography and at the level of highly specialized terminology (for example, legal). Each science tries to define its subject of research; in this work, «terror» and «terrorism» are analyzed from a lexicographic point of view, an attempt is made to derive semantic markers that should help differentiate these concepts and interpret them as accurately as possible.

Keywords: terror, terrorism, definition, lexicography.

Голубева Анастасия Анатольевна

Вологодский государственный университет

**Опыт лексикографического описания окказионализмов
О.Э. Мандельштама**

В настоящей работе представлены наблюдения над окказиональными словами в поэзии О.Э. Мандельштама. С опорой на структурную классификацию окказиональных образований выделены и прокомментированы собственно словообразовательные, лексико-семантические и грамматические окказионализмы, созданные Мандельштамом. В качестве основных методов исследования выступают: метод сплошной выборки, методы описательного, сопоставительного, функционального, этимологического, контекстуального и компонентного анализа, метод количественной обработки языкового материала. В результате исследования выяснено, что лексико-семантические и грамматические отклонения Мандельштама реализуются в речевых комплексах синтетического характера, поэтому четкую границу между данными типами новаций провести трудно. На базе анализа текстового материала и научной литературы по теме исследования сформулированы принципы лексикографического описания окказионализмов Мандельштама, представлен перечень компонентов словарной статьи будущего словаря, приведен пример лексикографического описания окказионального образования.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, окказионализмы, авторская лексикография, идиостиль, лингвокреативность, словотворчество, неология.

Поэзия Серебряного века характеризуется небывалым всплеском словотворчества. Новое время с его революционными потрясениями и сменой общекультурной парадигмы требовало, чтобы о нем говорили на новом языке. Стремление к активной

трансформации языка было свойственно всем авангардистским течениям. Особенно продуктивными в области изобретения новых слов оказались представители футуристического направления. Сегодня их окказионализмы имеют наиболее полное и системное научное и лексикографическое описание (см. «Словарь неологизмов В.В. Маяковского» Н.П. Колесникова [Колесников 1991], «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой [Перцова 1995], «Словарь неологизмов Игоря Северянина» В.В. Никульцевой [Никульцева 2008] и др.). Представители акмеистического направления не отличались такой изобретательностью, тем не менее окказионализмы являются важной частью их поэтики и нуждаются в многоаспектном лексикографическом описании.

Поэтический лексикон Мандельштама на фоне языка таких ярких экспериментаторов, как М.И. Цветаева, В. Хлебников, В.В. Маяковский или И. Северянин, выглядит весьма скромно. Однако акмеистическая установка на расширение семантики слова и развитие его ассоциативного потенциала обусловила появление в идиолекте поэта не только лексико-семантических, но и словообразовательных и грамматических новаций. Сегодня их описание **все чаще привлекает внимание ученых-мандельштамоведов.**

Настоящее исследование носит интегративный характер, поскольку опирается на **теоретико-методологические подходы и принципы** ряда смежных лингвистических дисциплин (неологии, грамматики, прагматики, лингвопоэтики). **Объектом** исследования являются окказиональные образования в поэтической речи О.Э. Мандельштама, а **предметом** – специфика их образования и функционирования.

Цель работы – проанализировать особенности образования и функционирования окказиональных единиц в поэтических текстах О.Э. Мандельштама. **Задачи:** 1) сформировать теоретическую базу исследования; 2) выделить в поэтическом корпусе Мандельштама окказиональные образования и их контексты; 3) охарактеризовать мотивировку, средства

образования, ключевые функции выделенных окказиональных единиц; 4) сформулировать выводы о функционально-семантических особенностях окказионализмов в поэзии Мандельштама; 5) на основании анализа результатов исследования предложить принципы составления словаря окказиональных образований Мандельштама.

Как уже было отмечено ранее, в языке Мандельштама представлены все виды окказиональных образований: словообразовательные, лексико-семантические, грамматические. Кратко прокомментируем каждую группу новаций.

I. Наиболее продуктивным с точки зрения включения в поэтический текст словообразовательных окказионализмов для Мандельштама был зрелый период творчества. В 1930-е годы в эстетических установках поэта произошли коренные изменения: поэтика повышенной интертекстуальности и аллюзийности сменилась поэтикой «метафорического шифра» (формулировка М.Л. Гаспарова). Сосредоточенности на «чужом» слове пришла на смену активная работа над созданием «своего». Слова, созданные поэтом в зрелый период творчества, несут большую идейно-эмоциональную нагрузку и зачастую становятся смысловым центром произведений.

В таблице 1 приведены примеры новых слов, образованных по наиболее распространенным в поэзии Мандельштама словообразовательным моделям.

Таблица 1

Имена прилагательные	Глагол и глагольные формы	Имена существительные	Наречия
чистое сложение: <i>ложноклассическая,</i> <i>голуботвердый,</i> <i>остроласковый;</i>	суффиксация: <i>мглил,</i> <i>грамотеет;</i>	сложение основ: <i>небохранилище,</i> <i>душемутитель</i>	суффиксация: <i>хвостато,</i> <i>сверхобычно;</i>
сложение + суффиксация:	префиксация + суффиксация: <i>настраживает,</i>	суффиксация: <i>жизняночка,</i> <i>умиранка,</i>	префиксация + суффиксация: <i>вхруст</i>

<i>тяжелокровный, золотострунный, крутопоклонный;</i> суффиксация: <i>известливый, шароватый;</i> префиксация: <i>полужестка, полупочтенный, безокружное;</i> префиксация + суффиксация: <i>безглагольно (небо), заресничная</i>	<i>отпышет;</i> суффиксация + постфиксация: <i>зыблиться, вельможиться, ясниться</i>	<i>недоразвиток, лазорье;</i> префиксация: <i>полумир, полухлеб, полутюрьма</i>	
---	---	---	--

Статистический и семантический анализ словообразовательных окказионализмов Мандельштама позволяет сделать ряд выводов. С точки зрения морфологической принадлежности, большую часть окказионализмов О.Э. Мандельштама составляют адъективные образования. Чаще всего они образуются способом чистого или сложения с суффиксацией. Компонентами сложных окказиональных прилагательных чаще всего оказываются имена существительные и прилагательные (*черноречивое, слабогрудая, остроласковый*), реже – числительные (*тысячеструнный*). Слова, образованные суффиксальным и префиксальным способами, встречаются значительно реже (*крыластый, шароватый, заресничная*). Малочисленны, но не менее интересны новации Мандельштама в области образования глаголов и глагольных форм (*завороненные, онелепленный, грамотеет, зазябливает*), имен существительных (*моруха, лазорье, полухлеб*) и наречий (*союзно, хвостато, вхруст*). Окказионализмы Мандельштама способствуют расширению семантической структуры образов, поддерживая «поэтику ассоциаций» (свойство, впервые отмеченное и описанное Л. Гинзбург). Они содержат большой массив

лингвокультурологической информации и потому нуждаются в комментариях.

II. Лексико-семантические новации в идиолекте Мандельштама напрямую связаны с акмеизмом – творческим методом, к которому относил себя сам поэт и с которым он ассоциируется в сознании большинства читателей. Большая часть лексико-семантических окказионализмов Мандельштама строится на сочетании несочетаемого. Диктумная часть таких образований обычно представляет собой абстрактное понятие, а модус – его вещественную или эмоционально-оценочную характеристику: «Уж до чего **шероховато время...**» («Полночь в Москве...», 1931), «Я на лестнице черной живу, и в висок / Ударяет мне **вырванный с мясом звонок...**» («Я вернулся в мой город», 1930). Этот ряд примеров можно продолжать, вспоминая сочетания *гибкое дыхание, близорукое небо, хищный язык, выпуклая радость, дремучая жизнь*. В приведенных примерах наблюдается типичное для эстетики акмеизма овеществление абстракции и перенос номинации с описания состояния объекта на описание состояния реципиента. Каждое из неузуальных сочетаний при этом имеет свою историю и требует внимательного изучения деталей его происхождения. Хотя в мандельштамоведческих трудах последних лет предпринимаются попытки чрезмерного обобщения механизмов создания новых смыслов в поэтическом сознании Мандельштама. Например, Павел Успенский и Вероника Файнберг в книге «К русской речи», посвященной анализу мандельштамовской поэтики с позиции лингвистики, возводят генерацию новых смыслов в поэтическом мире Мандельштама к приему переосмысления идиоматических выражений русского языка [Успенский, Файнберг 2020: 93].

III. В группе грамматических окказионализмов Мандельштама выделяется две подгруппы – аномалии в области парадигматики (неузуальное использование грамматических форм) и аномалии в области синтагматики (отклонение от структуры принятых в языке вербальных моделей). Одним из

ярких примеров отклонения от традиционной парадигматики являются строки стихотворения Мандельштама «Наливаются кровью аорты...» (1937), в которых поэт, рассуждая о дате своего рождения, использует количественное числительное в контексте, требующем употребления порядкового: «*Я рожден в ночь с второго на третье / Января в **девяносто одном** / Ненадежном году, и столетья / Окружают меня огнем...*». Неправильная форма числительного возникает здесь, вероятнее всего, из-за наложения грамматически правильного, отражающего объективную реальность сочетания «рожден в девяносто первом году» и оценочного словосочетания «в одном ненадежном году», которое легко вычленяется из контекста (особенно если пренебречь делением текста на строки).

Появление примеров неузальной реализации грамматической сочетаемости в поэзии Мандельштама связано с установкой поэта на повышение семантической сгущенности поэтического текста через стягивание в единый смысловой «пучок» слов с разнонаправленными ассоциативными векторами. Один из ярких примеров аномалий в области синтагматики – сочетание «распроститься в сон», восстанавливаемое по контексту стихотворения «Я по лесенке приставной...» (1922): «*Чтобы розовой крови связь / И травы сухорукий звон / **Распростились**: одна – скрепясь, / А другая – в заумный сон...*».

Грамматические отклонения Мандельштама реализуются в речевых комплексах синтетического характера, поэтому четкую границу между его лексико-семантическими и грамматическими новациями провести трудно. Иллюстрацией данного утверждения может послужить словосочетание «**работать** *речь*» из стихотворения «Стансы» (1935), в котором наблюдается нарушение грамматических норм, связанное с осмыслением непереходного глагола как переходного. Автор сознательно отказывается от поиска синонимичного глагола, обладающего свойством транзитивности.

В другом примере – словосочетании «**мастерица** *виноватых взоров*» – отклонением от языковой нормы является

употребление слова «*мастерица*» с генитивом (тогда как в русском языке возможно его сочетание с инфинитивом (мастерица ворожить, мастерица петь), приложением (мастерица-белошвейка) и т.д.). Лексико-грамматическое нарушение усложняется, кроме того, чисто семантической аномальностью (*мастерица взоров*). По мнению Ю.И. Левина, посредством делегизации речи, которая проявляется в лексико-грамматических нарушениях, в поэзии Мандельштама «*достигается максимальная свобода семантики поэтического слова*» [Левин 1998: 66].

Возможной причиной появления отклонений от языковых норм в поэзии Мандельштама может быть отстраненное отношение поэта к родному русскому языку, возникшее вследствие длительного пребывания в полилингвальной среде. Как известно, с раннего детства вокруг поэта звучали немецкий, польский, русский языки, а также идиш и иврит. Это обстоятельство в качестве отправной точки сознательного нарушения языковых норм в поэтическом дискурсе Мандельштама рассматривает Ф.Б. Успенский в книге «Работы о языке и поэтике О. Мандельштама» [Успенский 2014: 29]. Другой ученый – Л.Р. Городецкий – в книге «Квантовые смыслы Осипа Мандельштама – семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций» объясняет грамматические и лексические аномалии Мандельштама влиянием устройства традиционного еврейского культурного дискурса, Ученый приводит конкретные примеры подобных синтаксических и морфологических отклонений из текстов Талмуда и Торы и соотносит их с аномалиями Мандельштама [Городецкий 2012: 75].

Грамматические новации в лирике поэта остаются малоизученными, поскольку требуют глубокого погружения в мандельштамовский дискурс. Кроме того, они не являются окказионализмами в полной мере, поскольку не связаны с образованием новых форм. Их лексикографическое описание является крайне востребованным, хотя крайне затруднено и на данном этапе развития мандельштамоведения возможно скорее в

формате приложения к словарю или отдельной монографии. Первые опыты многоаспектного лексикографического описания всех типов окказионализмов в поэзии Мандельштама представлены сегодня в виде отдельных статей и монографий и нуждаются в систематизации.

Анализ новообразований, выделенных из корпуса текстов поэта методом сплошной выборки, и научной литературы по теме исследования позволяет сформулировать ряд принципов, на которые необходимо опираться при создании словаря окказионализмов Мандельштама.

1. Словарная статья, прежде всего, должна содержать инвариантные компоненты словарной статьи любого словаря окказионализмов.

2. Особое внимание следует уделить включению в словарную статью лингвокультурологической информации, помогающей расшифровать идейный смысл неологизма и реконструировать историю его создания.

3. Статья должна сопровождаться ссылками на упоминания данного слова в научной и научно-критической литературе.

4. Словарь окказионализмов должен иметь перекрестные ссылки, связывающие словарные статьи, посвященные окказионализмам, входящим в одно словообразовательное гнездо (например, в этом нуждаются окказиональные образования с первым корневым элементом *черно-*: *еж-черноголуб*, *чернолазоревый*, *черноголосый*, *чернолюдье*, *черноречивое*, *чернопахотная* и др.).

Компоненты словарной статьи:

1. заголовочное слово,
2. грамматическая характеристика,
3. контекст употребления,
4. словообразовательная справка,
5. стилистические и эмоционально-экспрессивные пометы,
6. толкование, лингвокультурологическая информация,
7. ссылки на упоминание слова в научной литературе,

8. перекрестные ссылки, связывающие словарные статьи, посвященные окказионализмам, входящим в одно словообразовательное гнездо (например, образования с первым корневым элементом черно-: *еж-черноголуб, черно-лазоревый, черноголовый, чернолюдые, черноречивое, чернопахотная* и др.),

9. синонимы, антонимы, омонимы, паронимы (как в сфере индивидуально-авторских и общезыковых слов, так и среди авторских неологизмов).

Пример словарной статьи:

БОЛЬШЕВЕЯ

Я должен жить, дыша и **БОЛЬШЕВЕЯ**,

Работать речь, не слушаясь – сам-друг, –

Я слышу в Арктике машин советских стук,

Я помню все: немецких братьев шеи

И что лиловым гребнем Лорелеи

Садовник и палач наполнил свой досуг.

«Стансы (Я не хочу среди юношей тепличных...)», 1935

Деепричастие, нес. в., неперех., наст. вр.

Деепричастие образовано от глагола «большеветь» (глагол происходит от политических терминов «большевик» и «большевизм»).

БОЛЬШЕВИ́ЗМ, -а, м. Возникшее в начале 20 в. в России революционное, последовательно марксистское течение политической мысли в международном рабочем движении, получившее свое воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков, созданной В.И. Лениным [МАС I: 106].

БОЛЬШЕВИ́К, -а́, м. Член большевистской партии (первоначально член революционного большинства Российской социал-демократической рабочей партии, возглавляемого В.И. Лениным); последователь большевизма, коммунист [МАС I: 106].

Н.Я. Мандельштам: «О.М. как-то тихонько сказал мне, что в победе в 17 году сыграло роль удачное имя – большевики – талантливо найденное слово. И главное, на большинстве в один

голос... В этом слове для народного слуха – положительный звук: сам-большой, большой человек, большак, то есть столбовая дорога. «Большеветь» – почти что умнеть, становиться большим» [Мандельштам 1987: 206].

Материалы словаря, созданного с опорой на предложенные принципы, могут быть использованы не только при изучении идиостиля Мандельштама, но и при рассмотрении специфики словотворчества разных художников слова.

Литература

Городецкий Л.Р. Квантовые смыслы Осипа Мандельштама: семантика взрыва и аппарат иноязычных интерференций. М.: Таргум, 2012. 416 с.

Колесников Н.П. Словарь неологизмов В.В. Маяковского. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1991. 354 с.

Левин Ю.И. Избранные труды: поэтика. Семиотика: сборник научных трудов. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.

Мандельштам Н.Я. Книга третья. Paris: YMCA-Press, 1987. 346 с.

Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина. М.: Азбуковник, 2008. 379 с.

Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. М.; Vien: Hansen-Liove, 1995. 557 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999. – МАС.

Успенский П., Файнберг В. К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.

Успенский Ф.Б. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 216 с.

Golubeva A.A. Experience of lexicographical description of occasionalisms of O.E. Mandelstam

This paper presents observations on occasional words in the poetry of O.E. Mandelstam. Based on the structural classification of occasional formations, the actual word-formation, lexical-semantic and grammatical occasionalisms created by Mandelstam are identified and commented on. The main research methods are: the method of continuous sampling, methods of descriptive, comparative, functional, etymological, contextual and component analysis, the method of quantitative processing of linguistic material. As a result of the study, it was found that Mandelstam's lexical-semantic and grammatical deviations are realized in speech complexes of a synthetic nature, so it is difficult to draw a clear line between these types of innovations. In the final part of the article, based on the analysis of textual material and scientific literature on the topic of the study, the principles of lexicographic description of Mandelstam's occasionalisms are formulated, a list of components of the dictionary entry of the future dictionary is presented, and an example of a lexicographic description of an occasional formation is given.

Keywords: O.E. Mandelstam, occasionalisms, author's lexicography, idiostyle, linguistic creativity, word creation, neology.

Ду Сянь

Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

Междометно-местоименный комплекс *ой ты* в русском фольклоре

Междометия представляют собой лексико-грамматический класс неизменяемых слов, служащих для нерасчленённого выражения чувств и ощущений человека. В русском языке выделяются первообразные и непервообразные междометия. Особое место в языке и речи занимают междометно-местоименные комплексы, состоящие из примарного междометия и личного местоимения *ты*, служащего для усиления экспрессивного воздействия словосочетания, но утратившего свою семантику. В русском фольклоре междометия и междометно-местоименные комплексы часто используются для выражения эмоций, чувств и отражения языковой экспрессии. В русских народных песнях регулярно встречается междометно-местоименный комплекс *ой ты*, который стоит обычно в зачине и усиливает эмоциональное воздействие текста.

Ключевые слова: междометие, местоимение, междометно-местоименный комплекс, фольклор, былина, народная песня.

Междометия в русском языке – «это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчленённого выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [Шведова 1980: 732]. Известный исследователь междометий А.И. Германович пишет: «Своеобразие слов, включаемых в категорию междометий, заключается в том, что они не являются названием чувств или волеизлияний (вроде существительных, прилагательных, глаголов или наречий). Междометия – «это

слова-сигналы для выражения чувств и воли человека» [Германович 1941: 28].

Лингвисты по-разному оценивают место междометий в системе языка. Отрицал их как самостоятельную часть речи известный немецкий и английский ученый Фридрих Макс Мюллер (1823–1900). Стало крылатым его высказывание: «Язык начинается там, где заканчиваются междометия». Он писал: «Бесспорно, в каждом языке имеются междометия, и некоторые из них могут стать традиционными и войти в состав слов. Но эти междометия – лишь предместья настоящего языка» [Müller, 1866: 352] (перевод П.С. Карабардиной [Карабардина, 2015: 32]). Однако большая часть современных лингвистов признают междометия в качестве особой части речи: «От слов знаменательных они отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, междометия не называют их); в отличие от служебных частей речи междометиям не свойственна связующая функция» [Шведова и Лопатина, 1989: 341].

Выделяются первообразные (первичные, примарные, непродуцируемые) и непервообразные (вторичные, секундарные, производные) междометия. Первичные междометия обычно состоят из одного-двух слогов, в которых закреплён особый состав почти всех гласных и некоторых согласных русского языка: *ой, ай, эй, ох, ах, ух, эх, фу, увы, ого* и др. Вторичные междометия возникают путём использования знаменательных слов в интеръективной функции: *господи, ужас, боже мой, браво* и др.

Особое место в языке и речи занимают междометно-местоименные комплексы, состоящие из примарного междометия и личного местоимения *ты*, служащего для усиления экспрессивного воздействия словосочетания, в котором оно «почти полностью утрачивает своё лексическое значение и интонационно сливается с междометием: *ах ты, ох ты, ух ты, их ты, ишь ты, эх ты, тьфу ты, фу ты, ну ты*» [Шведова, 1980: 734]. Некоторые из этих словосочетаний получили лексикографическое описание (*ух ты* ‘выражает сильное удивление, восхищение чем-либо необычным’ [БТС 1998: 1408]),

однако большинство не учитываются в словарях, хотя и активно встречаются в русском литературном языке и народной речи.

В русском фольклоре, как и в целом в языке, междометия и междометно-местоименные комплексы используются для выражения эмоций, чувств и отражения языковой экспрессии. «Основная цель междометий состоит в том, чтобы показать, что чувствует говорящий в момент речи» [Рыжкина 2009: 8]. В русской народной речи для повышения эмоциональной выразительности речи используется многие примарные междометия, при этом для усиления экспрессии у них может отмечаться усложненная фонетическая структура. Помимо междометия *ой*, которое «выражает чувства боли, испуга, недоумения, радости, сомнения и т. п.» [СРНГ 23: 103], отмечены также сложные единицы *ой-ё* ‘выражает удивление; поддразнивание в шутливом разговоре’, *ой-ей-еюшки* ‘выражает удивление’, *ой-ёченьки* ‘выражает испуг’, *ой-ой-оченьки* ‘выражает удивление’, *ой-ой-ошеньки* ‘восклицание от боли’, *ой-этта* ‘выражает удивление’, *ой-бай*, *ой-пурмой* ‘выражает чувство боли, испуга, недоумения, радости и т. п.’, *ой-оно-то* ‘выражает чувство боли, недовольства трудными обстоятельствами, тяжелой жизнью’ и др. [СРНГ 23: 103-104]. Эти усложнённые междометия могут входить в пословицы, причём можно предположить, что некоторые из них возникли в результате характерной для фольклора рифмовки: *Ой-ой-ошеньки! Болят боченьки; бока болят, а лежать не велят* [Даль 1879: 667].

В словарях литературного языка у междометия *ой*, которое помечено как разговорное, выделено несколько значений: 1) употребляется как выражение неожиданной боли, испуга; 2) употребляется как выражение досады, сожаления, предупреждения о возможных трудностях; 3) употребляется как выражение радости, восхищения и т. п.; 4) употребляется для эмоционального подчёркивания высокой степени проявления какого-либо признака. Особо выделено использование междометия *ой* в фольклоре (помета: народно-поэтическое) ‘при

обращении к кому-, чему-либо с целью усиления эмоциональной выразительности'. Приводится цитата из народной песни: *Ой, мороз, мороз, не морозь меня!* Междометие входит в состав словосочетаний *ой как* и *ой какой*, которые имеют адвербиальное значение 'в высокой степени, очень', а в сочетании с частицей *ли* сохраняет междометную функцию и 'выражает сомнение, недоверие; верно ли? так ли?' [БТС 1998: 706].

В словаре междометно-местоименный комплекс *ой ты* не выделен, тогда как в русском фольклоре он широко используется в былинах и песнях для эмоционального воздействия на слушателя и для подчёркивания идущих после него слов. Комплекс может выражать удивление, боль, неудовлетворенность, жалость и другие эмоции. Т.В. Матвеева отмечает, что «диалекты, языковые нормы которых не кодифицированы, более свободны в использовании разнообразных ресурсов родного языка с целью усиления выразительности речи» [Матвеева 2013: 7].

Этот же комплекс отмечен в свадебных корильных песнях, в которых персонаж-адресат не восхваляется, а порицается. Они относятся к тем участникам свадьбы, по «вине» которых девушка выходит замуж. В них комплекс *ой ты* усиливает эмоциональное воздействие текста, предваряя обращение к дружку жениха, которого характеризуют негативно:

Ой ты, друженька –

Рожя прящицею!

Ой ты, друженька –

Зенка скляницею! [Круглов 1978: 7–8].

Междометно-местоименный комплекс *ой ты* является зачином многих русских песен. Он может сопровождать антропоним, являясь своеобразным введением в текст песни:

Ой, ты Грунюшка, Груняша,

Груня – ягодка моя [Веретенников 2014: 25].

Этот комплекс является также лирическим зачином известной русской народной песни, в которой первоначально воспевались красоты степи и Волги. Затем её подхватили донские

казаки, убрав из текста название реки и актуализировав свою удаль и свободолюбие:

*Ой, ты, степь широкая,
Степь раздольная,
Широко ты, матушка,
Протянулася.
Ой, да не степной орёл.
Подымается,
То донской казак
Разгуляется.*

В этой песне начальное междометие может заменяться на другие единицы: междометия *ах*, *ох*, частица *уж* [Вардугин 1999: 185]. Подобного рода междометно-местоименные зачины встречаются и в других русских песнях: *Ах ты, душечка; Ах ты, ноченька; Ой, да ты, калинушка; Уж ты, поле; Уж ты, сад* [Такун 2005].

Фольклорные мотивы широко используются различными русскими писателями. Они цитируют народные песни, содержащие междометно-местоименные комплексы, создают свои тексты с этими единицами. Русский поэт Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769) в своей статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752) в качестве примера анапеста из «наших подлых, но коренных стихов» приводит текст песни:

*Ой ты полюшко полюшко чистое,
Ничего мне ты, поле, не родило,
Ох ты родило только рокитов куст* [Тредиаковский 2009: 106].

Междометие *ой* в составе комплекса *ой еси* фиксируется в тексте XVII века [СлРЯ XI–XVI 12: 315].

Итак, в современном русском языке происходят активные процессы интеръективизации словосочетаний междометий с местоимениями *ты* и *вы*. Словари литературного языка пока не отражают всех случаев перехода сочетаний примарных междометий с местоимениями в комплексы. Широкое

использование междометий и междометно-местоименных комплексов в текстах русского фольклора свидетельствует о том, что они являются неотъемлемой частью русского языкового сознания.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. – БТС.

Вардугин В.И. Легенды и жизнь Лидии Руслановой. Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1999. 240 с.

Веретеннико И.И. Народные песни Шебекинского района: Переложения и обработки для ансамблей и солистов. Белгород: Изд-во БГЦНТ, 2014. 52 с.

Германович А.И. Междометия как часть речи // Русский язык в школе. 1941. № 2. С. 28-35.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: [в 2 т.]. 2-е изд. СПб., М.: Тип. М. О. Вольф, 1879. 685 с.

Карабардина П.С. Мюллер Ф.М. о происхождении языка // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3(9). С. 32-36.

Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.

Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1978. 215 с.

Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 173 с.

Русская грамматика [в 2 т.] Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. 784 с.

Рыжкина О.А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале пьес А.Н. Островского и А.П. Чехова). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 25 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.-СПб., 1965–2021. – СРНГ.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015. – СлРЯ XI–XVII.

Такун Ф.И. Славянский базар. М.: Современная музыка, 2005. 510 с.

Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы, как стихами, так и прозою. Т. 1. СПб.: Наука, 2009. 667 с.

Müller F.M. Lectures on the Science of Language: Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Müller. New York: C. Scribner & Co., 1866. 416 p.

Du Xian. The interjection-pronoun complex *ой ты* in Russian folklore

Interjections are a lexico-grammatical class of unchangeable words, which serve for non-divisible expression of human feelings and sensations. The primary and non-primary interjections are distinguished. A special place in language and speech is occupied by interjection-pronominal complexes, consisting of the primary interjection and the personal pronoun *ты*, which serves to strengthen the expressive impact of the word combination, but has lost its semantics. In Russian folklore interjections and interjection-pronominal complexes are often used to express emotions, feelings and reflect linguistic expression. In Russian folk songs, the interjection-pronominal complex *ой ты* is regularly found, which usually stands at the beginning and enhances the emotional impact of the text.

Keywords: interjection, pronoun, interjection-pronominal complex, folklore, epic (bylina), folk song.

Дягилева Ирина Борисовна

Институт лингвистических исследований РАН

**Языковые особенности газеты «Северный муравей»
(1830-1832)**

Статья посвящена лингвистическому анализу газеты «Северный муравей» (1830-1832) (далее – СМ), фактически ставшей первым научно-техническим изданием, ориентированным на широкого читателя. Отмеченные стилистические, лексические, содержательные особенности СМ отражают динамичность развития русского языка 30-х гг. XIX в., указывают на ценность газеты как источника для изучения становления научной терминологии и близких ей лексико-семантических групп. Ее основатель Н.П. Щеглов, будучи пропагандистом научных знаний, знакомил читателей с новаторскими идеями и изобретениями, постоянно комментировал и оценивал их, что обусловило соединение в одном издании разностилевых текстов (научного, научно-популярного и публицистического). К важным лексическим особенностям СМ следует отнести использование разнообразных научных терминов, а также терминов сферы финансов и торговли, сельского хозяйства. Большая часть новой терминологии базируется на заимствовании иноязычной лексики и представлена прямыми заимствованиями, кальками и эквивалентными наименованиями. Для обозначения формы, цвета, размеров разных частей и деталей машин, приборов и т.п. в СМ употребляются прилагательные на *-образный*, *-оватый*, и существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Ключевые слова: язык газеты, термины, заимствования, историческая лексикология, русский язык XIX в.

Начало XIX в. отмечено интенсивным формированием газетной журналистики – становлением газеты как особого средства массовой информации, позволявшего, вследствие

технологических особенностей, передавать информацию значительно быстрее, чем раньше. В это время появляются такие газеты, как «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» (1809), «Северная почта» (1809), «Русский инвалид» (1813 г.), «Северная пчела» (1825 г.), «Бабочка» (1830 г.), «Художественная газета» (1836 г.), а также издания, посвященные вопросам промышленности, торговли, земледелия, медицины: «Коммерческая газета» (1825), «Друг здравия» (1833 г.), «Земледельческая газета» (1834 г.) и т.п.

К одному из первых периодических изданий в научно-технической сфере следует отнести газету «Северный муравей», издаваемую с 1830 г. Н.П. Щегловым – профессором физики Санкт-Петербургского университета, членом-корреспондентом Императорской академии наук, а после его внезапной смерти от холеры в июне 1831 г. – Н. Филипповым и географом и математиком А.П. Максимовичем, сохранившими первоначальный облик газеты и основные направления ее содержания. Интересы Н.П. Щеглова были связаны с идеей улучшения жизни в России путем внедрения новых изобретений в сфере промышленности и сельского хозяйства и развития торговли. Газета выходила еженедельно. В качестве ее источников использовались русские издания: «Азиатский вестник», «Журнал Мануфактур и торговли», «Земледельческий журнал», «Журнал Министерства внутренних дел»; множество иностранных изданий: «Allgemeine Oesterreichische zeitschrift» ‘Общий австрийский журнал’, «County Chronicle» ‘Хроника графства’, «Franklin Journal» ‘Журнал Франклина’, «Dinglers polytechnisches Journal» ‘Политехнический журнал Динглера’, «Galignani Messenger» ‘Посланник Галиньяни’ (французское издание на английском языке), а также научное издание «Repertory of Patent-inventions» ‘Справочник запатентованных изобретений’.

В рубрике «Новые изобретения» читателей знакомили с разработками в разных сферах науки и промышленности, в сельском хозяйстве, чтобы «предупредить искательства иностранцев на привилегии и продажу дорогою ценою самых

простых вещей, коих составы давно известны» и «чтобы желающих и знающих иностранные языки избавить по крайней мере от выписывания иностранных журналов, кои обходятся весьма дорого» [СП 1831 № 27: 213]. В рубриках «Внутренние известия» и «Иностранные известия» журналисты освещали новости промышленной и торговой жизни, новые методы развития сельского хозяйства, садоводства, затрагивали проблемы демографии и образования как в России, так и за рубежом – преимущественно в Америке и Европе. В рубрике «Библиография», которую вел сам издатель газеты, были представлены самые значительные книги по научным и экономическим вопросам. На последней, седьмой, странице газеты печатались чертежи к новым изобретениям.

Личность Н.П. Щеглова, главного редактора газеты, во многом определяла направление издания, его стилевые и языковые особенности. Щеглов был горячим пропагандистом научных знаний: не только знакомил читателей с новаторскими идеями и изобретениями, но и постоянно комментировал и оценивал их. Его стиль характеризуется большим числом риторических вопросов и восклицаний, вводных слов и конструкций, непосредственным обращением к предполагаемым читателям – помещикам, купцам, промышленникам, ученым.

Заведение искусственных минеральных вод, в Москвѣ, доставило своим акціонерам прибыли, в 1828 году 18515 рублей, так что на каждую акцію в 3000 рублей причиталось по 295 р. 57 К., и в 1829 году 28274 рубля. Вот новое доказательство, что и у нас полезныя компаніи с выгодною существовать могут! [СМ 1830 № 13: 98]. *Странно, между прочим, что в Саратовской губерніи ни один из помѣщиков не вызвался на сіи полезныя опыты <о посеве Американскаго табака>; а между тѣм сколько жалоб на хлѣб, сколько крику на раззореніе! Кто виноват, ежели не хотят ни чему учиться, ничего не читают и ничего дѣлать не думают, чего правды не дѣлали?* [СМ 1830 № 9: 65].

В этих эмоциональных высказываниях отчетливо прослеживается личность неравнодушного к судьбе России человека, использующего пространство своей газеты как платформу для пропаганды прогрессивных идей в науке, экономике, торговле, сельском хозяйстве, стремящегося своей работой воодушевить соотечественников на изменения, на принятие всего нового. Щеглов как будто соревнуется с Западом, противопоставляя жизнь «инострannую» и «отечественную», стремится опровергнуть хорошо известное мнение о превосходстве всего западного.

Теперь С. Петербургские перчаточные мастера готовят перчатки ничем не хуже иностранных, как мог всякий увериться на выставке произведений отечественной промышленности [СМ 1830 № 3: 18]. Из сообщеннаго в № 26 Лейпцигской Литературной Газеты извѣстія о публичных чтеніях Прагскаго (Богескаго) Университета на 1830 год видно, что там преподают: Минералогію по руководству Г. Рау, Анатомію и Физиологію по руководству Прохаски, Химію по руководству Жакеня, Чистую Математику по Апелътауеру, Естественную Исторію по Эркслебену и проч. Странно видѣть, что в срединѣ просвѣщенной Германіи досель держатся таких руководств, кои у нас давно уже находятся изрѣдка только на Толкучем рынкѣ. Славны бубны за горами!¹ [СМ 1830 № 8: 60].

Издатель поддерживает не все иностранные изобретения и новшества и иронизирует над теми, которые ему кажутся ненужными, избыточными, хотя, как показало будущее, он не всегда оказывался прав.

В Лондонѣ дѣлан недавно Г. Рое забавный опыт над сведеніем с тротуаров снѣга помощію поваренной соли. Вот как Англичане искусны в отысканіи путей к сбыту произведеній

¹ «Пословица: Славны бубны за горами, означающая, что рассказы увеличивают то, что в отдаленіи от нас находится; а зреніе или присутствіе великость онаго уменьшает» [Соколов 1834 1: 152].

своих фабрик! Скребка и метлы мало, надобно посолить еще снѣгъ, чтобы он скорѣе смешался (Galignani Messenger, № 2625) [СМ 1830 № 16: 125].

Таким образом, Н.П. Щеглов, издавая газету «Северный муравей», преследовал самые разнообразные цели, что привело к использованию в издании текстов разных стилей и подстилей речи: научного – при подробном описании новых изобретений; научно-популярного – при рассказе о несложных способах улучшить хозяйственную деятельность; а также публицистического – при осмыслении разных сторон общественной жизни, при стремлении убедить читателей в необходимости нововведений. Ниже приведены примеры текстов газеты, в которых прослеживаются указанные стилевые особенности.

1. Собственно научный стиль речи.

Главное возраженіе против употребленія колесъ с неподвижными лопатками (à aubes fixes) для движенія паровых судов состоит в том, что производимое ими дѣйствіе равняется только хордѣ дуги колеса погруженной в воду, тогда как сила, употребляемая для превозможенія сопротивленія жидкости дѣйствует на всѣ протяженія сей дуги и таким образом издерживается большею частію совершенно напрасно. (Из статьи «Новые изобрѣтенія. Описаніе гидравлическаго колеса с подвижными лопатками, которое можно употреблять на паровых судах и водяныхъ мѣльницах») [СМ 1830 № 33: 277].

2. Научно-популярный подстиль речи.

Г. Д'Арсет, знаменитый Парижскій Химик, нашел, что ежели положить сѣмена в сосуд наполненный парами сѣры, или сѣрноватую кислоту, то всѣ находящіяся в них насѣкомыя пропадают, и что по сему, закупорив таковой сосуд, можно сохранять в нем сѣмена в совершенной цѣлости. (Из статьи «О сохраненіи сѣмен от насѣкомых») [СМ 1830 № 36: 302].

3. Публицистический стиль речи.

Автор сего проэкта <журнала>, Проф. Бутырскій, может быть никогда не будет имѣть случая привести оный в

исполненіе. Но издатель Ствернаго Муравья считает одну мысль его уже любопытною и счастливою. ... В самом дѣлѣ, что значит богатѣть цѣнностями умственными и вещественными? Не иное что, как преуспѣвать на пути усовершенствованія всякаго рода, находить средство к удовлетворенію потребностей человѣчских по мѣрѣ того, как онѣ размножаются; а онѣ размножаются, коль скоро не удерживаются каким либо неодолимым препятствіем. (Из статьи «Проект Журнала Общественнаго Хозяйства, под названіем Производитель») [СМ 1830 № 19: 159].

Одной из важных особенностей языка газеты «Северный муравей» в лексическом плане является широкое употребление терминологической лексики и терминов-вариантов. В издании представлены термины таких научных областей, как физика (*динамометр, динамометрический*), химия (*бром, углеродноазотнокислой свинец*), ботаника (*арракаха, кварцитрон, пыльные головки, рай-грас*), техника (*пирамидальный брусок, рычаг, цилиндр, шпилька, эксцентриск*), а также термины сферы финансов и торговли (*заемные письма, конфискация, маклерские книги, монополия, отпускная торговля*), сельского хозяйства (*прививок, стручечная оболочка*).

Для передачи новых терминологических понятий в материалах газеты используются прямые заимствования, кальки, а также русские эквиваленты. Так, из французского языка было заимствовано слово *калорифер* (франц. *calorifère*), которым обозначали «прибор, служащій для нагрѣванія в зданіях воздуха» [Справочный энциклопедический словарь 1847: 432]. На протяжении двух веков этот прибор совершенствовался, однако его наименование сохранилось до настоящего времени без изменений.

Сушильня нагрѣвается двумя калориферами (особаго рода печами), устроенными под полом ея [СМ 1830 № 15: 117].

В целом ряде случаев в описаниях новых изобретений встречаются термины, не вышедшие за пределы единичных употреблений. К таким можно отнести слово *гидроциклонка*.

Гидроциклонка, или прибор для скорого и дешеваго нагрѣванія нужной в прядильнях или размотывальнях шелка воды и содержанія сей жидкости в какой угодно температурѣ. На сей прибор выдана была во Франціи, в 1821 году, Гг. Друлону и Мьергу привиллегія [СМ 1830 № 4: 30].

Ссылка на источник, приведенная в конце газетной статьи, позволила его найти и определить, что указанный термин был образован от французского составного наименования *machine hydrocycloïque*. Ср. Brevet d'invention de cinq ans, pour une machine appelée *hydrocycloïque*, propre à faire bouillir promptement et à peu de frais l'eau nécessaire dans les filatures de soie, et à donner à cette eau in degree quelconque de chaleur aux sieurs Drulhon et Miergue [Christian: 12]. 'Пятилетний патент на изобретение машины, называемой гидроциклической, способной быстро и недорого кипятить воду, необходимую для шелкопрядильных фабрик, и нагревать эту воду в любой степени господам Друлону и Мьергу.' При заимствовании вместо составного термина *гидроциклическая машина* переводчик использовал однословное наименование, прибавив к иноязычной основе прилагательного русский суффикс *-онк(а)*.

К единичным также относится семантическая калька из французского языка – *постель*, употребленная автором в статье о парижской пекарне с «механическими квашнями» для обозначения закрытого ящика, на котором до выпекания оставляли тесто.

Между печами и квашнями поставлены столы для валянія хлѣбов и ящики называемые постелями. Сіи ящики закрываются совершенно плотно и снабжены выдвигаемыми на каточках лотками, на кои кладутся хлѣбы всѣх сортов, или в чашках и формах, или на полотенцах, дабы они поднялись надлежащим образом. Запертые ящики для сваляных хлѣбов весьма полезны, в отношеніи к опрятности, ибо предохраняют сваляное тѣсто от комнатной пыли и нечистоты платья и рук работников [СМ 1830 № 11: 81].

Достаточно часто новое понятие передавалось в газетных статьях эквивалентами, служившими первым вариантом наименований, позже закрепившихся в русском языке. Так, английское наименование *dash-wheels* было передано в СМ через словосочетание *стиральные паровые колеса*, которое не стало узуальным, так же как и отмеченные в других источниках составные наименования *промывальное колесо* и *прачешная машина*.¹ Первые стиральные машины (*dash-wheels*) представляли собой огромные барабаны, разделенные на четыре отсека, в которые помещались пакеты с тканью и водой; белье стиралось за счет быстрого передвижения барабанов.

Весьма грязное белье полощется в стиральных паровых колесах (dash-weels²), коих описание будет ниже, сперва в горячем и легком растворе мыла, а потом в чистой воде. [В ст. «Описание паровой стирки белья и главного прибора оной, или стирального парового колеса». СМ 1830 № 15: 116].

В СМ представлены термины-варианты, относящиеся к транспортной сфере. Так, в работе Н.П. Щеглова «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами», опубликованной в первых двух номерах газеты, не только доказывается польза железных дорог, но и содержится «ценный лексический материал для наблюдений над путями становления железнодорожной терминологии» [Ледяева 1973: 9]. Например, в статье фиксируются такие составные наименования, как *чугунная дорога*, *металлическая дорога*, *железная дорога*, что отражает широкую вариантность, характерную для терминологии в период ее становления.

При описании новых машин, приборов и их деталей для авторов газеты часто было важно обозначить форму того или

¹ В русском языке в XIX в. закрепилось составное наименование *машина для стирки белья* (от англ. *washing machine*), впервые отмечено в 1842 г. Первая «Компания машинно-паровой прачешной» была учреждена в Санкт-Петербурге 11 ноября 1830 г. [Полное собрание законов Российской империи V: 57].

² В газете опечатка, должно быть *dash-wheels*.

иного предмета. Для этого широко использовались сложные прилагательные со второй частью *-образный*, по модели, активной еще с XVIII в. В СМ отмечено употребление таких неологизмов XIX в., как *вилкообразный*, *змеобразный*, *каплеобразный*, *котлообразный*, *порошкообразный*, *редькообразный*, *снегообразный*, *улиткообразный*, а также окказионализмы *рукояткообразный* и *яйцеобразно-эллиптический*.

*Он <сей прибор> состоит из кирпичной печи, вмазанного в сію печь котла и нѣскольких **котлообразных** сосудов [СМ 1830 № 4: 30]. На верху сего веретена находится **рукояткообразный** рычаг II [СМ 1831 № 30: 237]. Длина нарѣзанной **улиткообразными** ободками части его <винта> в 4 фута и 4 дюйма, а длина головы в 14 дюймов [СМ 1830 № 19: 164]. Плод <арракахи> есть двойная, **яйцеобразно-эллиптическая** ахена [СМ 1831 № 21: 167].*

Еще одним способом указания на форму предмета было использование конструкций *подобный (чему), иметь форму буквы (какой)*.

*На оси H прикрѣпляются многіе шипы и рычаги **подобные U** [СМ 1830 № 7: 35] Над коляскою d возвышается кондуктор, .. коего разрѣз **имѣет форму буквы T** [СМ 1831 № 19: 149].*

В материалах СМ представлен целый ряд прилагательных на *-оватый*, использовавшихся для обозначения как формы (*желобоватый*, *крючковатый*, *листоватый*, *угловатый*), так и оттенков цвета чего-л. (*белесоватый*, *желтоватый*, *зеленоватый*, *красноватый*, *сероголубоватый* <sic>, *черноватый*).

Яркой особенностью научных текстов газеты является употребление существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами для выражения малого размера той или иной детали, например, *болтик*, *гирька*, *рамочка*, *рычажок*, *чашечка*.

Несмотря на то, что газета СМ выходила менее трех лет, она оставила яркий след в истории публицистики, фактически став первым научно-техническим изданием, ориентированным на

широкого читателя. Отмеченные стилистические, лексические, содержательные особенности СМ отражают динамичность развития русского языка 30-х гг. XIX в., указывают на ценность издания как источника для изучения становления научной терминологии и близких ей лексико-семантических групп.

Литература

Ледяева С.Д. История железнодорожной лексики в русском языке XIX века. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1973. 216 с.

Полное собрание законов Российской империи. (Второе) СПб., 1830–1882.

Соколов П.И. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых... Ч. 1-2. СПб.: тип. Рос. акад., 1834.

Справочный энциклопедический словарь / под ред. А. Старчевского. Изд. К. Крайя. Т.V. СПб., 1847.

Description des machines et procédés spécifiés dans les brevets d'invention par M. Christian, tome XV, p. 12. A Paris, 1828. 'Описание машин и процессов, указанных в патентах на изобретения'.

Diaghileva I.B. Characteristic linguistic features of the newspaper «Severnyj Muravej» («The Northern Ant») 1830-1832

The article is devoted to the linguistic analysis of the newspaper «Severnyj Muravej» (1830-1832), which actually became the first scientific and technical periodical aimed at the general reader. The noted stylistic, lexical, and substantive features of the SM reflect the dynamism of the development of the Russian language in the 30s of the 19th century, and indicate the value of the newspaper as a source for studying the formation of scientific terminology and lexical groups close to it. Its founder, N.P. Shcheglov, being a propagandist of scientific knowledge, introduced readers to innovative ideas and inventions, constantly commented on and evaluated them, which led

to the combination of texts of scientific, popular science and journalistic styles in one edition. Important lexical features of the SM include the use of a variety of scientific terms, as well as finance, trade and agricultural terms. Most of the new terminology is based on borrowing foreign language vocabulary and is represented by direct borrowings, calques and equivalents. To denote the shape, color, size of different parts of machines, devices, etc., adjectives are used, ending in *-obrazney*, *-ovatey*, and nouns with diminutive suffixes.

Keywords: newspaper language, terms, borrowings, historical lexicology, Russian language of the 19th century.

Загуменнов Александр Владимирович
Вологодская духовная семинария Вологодской епархии
Русской Православной Церкви

О синтаксической организации толкований неизвестных слов в текстах второй половины XVII века

Актуальность предлагаемой темы обусловлена, во-первых, общим интересом научной общественности к вопросам исторического синтаксиса, а во-вторых – приложением разработок, ставших традиционными для современности, к нетипичному материалу – содержанию интерпретации неизвестных для пишущего слов. Целью исследования мы ставим выявление разных способов построения словарной статьи в анонимных и авторских текстах. Методология работы включает описание, сравнительно-сопоставительный метод, контекстный анализ и анализ по непосредственным составляющим. Лингвистическим материалом выступили и анонимные рукописные книги («Азбуковники»), и авторские тексты, в том числе опубликованные (описание имущества Спасо-Прилуцкого монастыря Петра Ташлыкова, а также «Книга обличений», или «Евангелие Вечное» протопопа Аввакума). В ходе исследования были представлены разные типы предложений с разным вариантом интерпретации их структурных элементов. Новизна исследования обусловлена тем, что впервые рукописные словари XVII века рассматриваются с позиций синтаксической организации словарных статей, что позволяет выдвинуть гипотезу о наличии комбинации способов толкования неизвестных слов со свойственным этим дефинициям лексико-грамматическим построением.

Ключевые слова: лексика, семантика, синтаксис, интерпретация, текст, история языка, XVII век.

I. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», в развитии форм практической лексикографии, т.е.

непосредственной работы со словесным массивом, у всех народов, имеющих письменность, выделяются три сходных периода.

1. Дословарный период. Лексикографические источники в привычном нам виде отсутствуют, но существуют глоссы, основная функция которых «объяснение малопонятных слов» [Гак 1998: 258].

2. Ранний словарный период. На этом этапе может изучаться и «свой» литературный язык в текущем состоянии, и «чужой» через переводные лексиконы на «народный» язык.

3. Период развитой лексикографии. На этом этапе осуществляется «описание и нормализация словарного состава языка, повышение языковой культуры общества», появляются «толковые словари, многие из которых составляются гос. академиями и филологич. обществами» [Гак 1998: 258].

Из этого экскурса возможны два следствия. Во-первых, темой работы Школы-семинара в 2024 году не исключается исторический аспект поднимаемой проблематики. Второе следствие касается уже текстов рассматриваемого столетия. В представленной выше периодизации XVII век оказывается «рубежным»: это ещё не эпоха развитой лексикографии, но уже и не начало раннего словарного периода. Именно «пограничный» статус в эволюции форм лексикографической деятельности позволяет выдвинуть гипотезу, согласно которой в рассматриваемом хронологическом отрезке существует комбинация способов толкования неизвестных слов со свойственной этим толкованиям синтаксической организацией. Дальнейшее изложение строится на параметре известности пишущего: сначала рассматриваются анонимные тексты (рукописные «Азбуковники» XVII в.), затем – источники, чье авторство удается установить.

II. Анализ синтаксической структуры ряда рукописных азбуковников – традиционного для древней Руси жанра сборников, куда входили поучения, основы грамматики и словарь неизвестных или заимствованных слов, – анализ подобного рода

источников оказывается вызовом для традиционной теории синтаксиса. Дело в том, что в школьных и вузовских курсах не учитывается факт наличия в древних памятниках остенсивных определений, сущность которых «состоит в том, что обучающий показывает какой-то предмет и одновременно называет, характеризует его вербально» [Горский 1967: 169]. Именно к такому типу конструкций принадлежат следующие примеры (рис. 1)

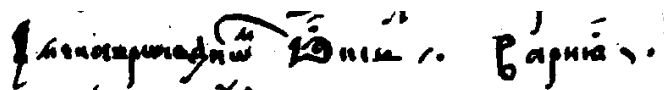

Рис. 1. «Имена присодни» «Ἔστιν / .» и «Ἔστιν \.» [OR Ф.173.1 №199: л. 30 об.]

«Имена присодни», как заголовок рубрики рукописного «Азбуковника», функционирует здесь в качестве единого подлежащего. Последующие два примера идентифицировать гораздо сложнее. С точки зрения специалистов по логике, остенсивное определение «не является чисто вербальным, поскольку включает не только слова, но и определенные действия» [Ивин, Никифоров 1997: 249], но в данном случае «определенным действием» выступает чтение и понимание прочитанного. Гипотетически, с позиций синтаксиса, мы можем рассматривать случаи «Ἔστιν / .» и «Ἔστιν \.» как двусоставные конструкции с подлежащими «оксия» и «вария» и гетерогенными составными сказуемыми с опущенной глаголом-связкой «есть». В пользу такого решения выступает цельность самого высказывания (между существительными и «ударениями» нет иных знаков препинания) и его ограниченность (точкой фиксируется конец, киноварью прописанная первая буква дополнительно фиксирует начало рассматриваемых единиц). Ключевой вопрос – готовы ли мы признать наличие предикативности или «сказуемости» за изначально асемантизированными диакритическими знаками, если они входят в общую синтаксическую организацию толкования?

III. Впрочем, структура статей «азбуковников» XVII в. сама по себе сложна в силу палеографических особенностей употребления знаков препинания. Вот пример конструкции, дробящей потенциально единое высказывание на ряд более мелких единиц: «*Ѡхт'о* (буква глаголь написана сверху над «т») киноварью, обозначает помету 'греческий' – прим. А.З.). *ѡмь .Ѡхт'одѡка . ѡмьнадегть . Ѡхтонкѡ . ѡмьдегт*» [ОР Ф.247 №6: 165 л.]. Различие «малых» (после которых слово прописывалось с маленькой буквы) и «больших» точек позволяет за первыми усматривать функцию современной запятой. В таком случае «*Ѡхто . ѡмь .*» идентично эллиптической конструкции «*Ѡхто, ѡмь*», с потенциально пропущенным пояснительным союзом «то есть» («*Ѡхто, *<то есть> ѡмь*»).

Иной пример синтаксической организации обнаруживаем в статье об океане на этом же листе в рукописи. «*Ѡкіано. (Т)* ('толк' – обведено киноварью кругом – прим. А.З.) *мѡре скорѡ текѡщеѡ, ѡкрѣтѡ всѡ землѡ*» [ОР Ф.247 №6: 165 л.]. В зависимости от того, признаем ли мы «толк» частью синтаксической конструкции, возможны две различные интерпретации приведенного примера. Если да, тогда *(Т)* <есть> *мѡре скорѡ текѡщеѡ* – составное именное сказуемое при подлежащем, прописанным одной буквой, причем подлежащее *(Т)* анафорически связано с предшествующим номинативным предложением *Ѡкіано*. Если придерживаться противоположной точки зрения, то *мѡре скорѡ текѡщеѡ, ѡкрѣтѡ всѡ землѡ* оказывается простой односоставной распространенной синтаксической конструкцией с однородными определениями.

IV. Предваряя переход к текстам, авторов которых возможно идентифицировать, мы бы хотели вернуться на шаг назад и вновь обратиться к примеру из «Азбуковника» «*Ѡхто. ѡмь .Ѡхтодѡка . ѡмьнадегть . Ѡхтонкѡ . ѡмьдегт*», поскольку в

этом контексте транслитерация – культурно-специфический феномен. Для сравнения мы приведем оригинальные лексемы вместе с теми, которые известны нам из анализируемого источника (табл. 1)

Древнегреческий	Транслитерация в «Азбуковнике»	Церковнославянский
ὀκτώ	Ѡхто	ѡсьмь
ὀκτω-καί-δεκα / δεκαοκτώ	Ѡхтодѡка	ѡсьмьнадесятъ
ὀγδοή-κοντα	Ѡхтонкѡ	ѡсьмьдесятъ

Табл.1. Соответствия древнегреческих слов с транслитерацией и переводом на церковнославянский

Сочетание «хт» является попыткой передачи кт [кт] в примерах Ѡхто и Ѡхтодѡка, причем такая мена характерна для живой речи XVII в. (например, «хрестьяномъ» [РИБ, 1875: 867] как ‘крестьяном’), однако в случае с Ѡхтонкѡ это уже оглушение звонкого γδ [гд] (в числах 70 и 80 кт озвончается в γδ); оглушение, произошедшее в силу специфики церковно-книжного произношения «г» как фрикативного [γ] [Успенский 2002]. Отдельно остановимся на словах «восемнадцать» и «восемьдесят».

В первом случае транслитерация единицы представляет собой гибрид, в котором либо пропущен элемент καί [кэ], либо переставлены местами значимые части древнегреческого композита (δεκα-οκτώ / Ѡхто-дѡка). В обоих случаях это неологизм, который исходно не существовал, но для русскоязычного читателя интерпретировался как числительное «18». Ошибкой является и транслитерация Ѡхтонкѡ, отсылающая к совершенно другому слову – ὀγδοήκοστός – ‘восьмидесятый’. По своей семантике эта форма не количественное (в отличие от ὀγδοήκοντα), а порядковое числительное. Тем самым содержание словарной статьи в виде перевода на церковнославянский язык моделирует ситуацию

якобы невозможности адекватной передачи конкретной грамматической формы для русскоязычного читателя, но сама эта ситуация, естественно, вызвана ошибкой пишущего.

V. В текстах иного функционирования толкование малопонятных слов осуществляется через глоссы, чаще всего в формате пояснительной конструкции. Так, в «Переписной книге имущества, казны и вотчин...» Спасо-Прилуцкого монастыря, составленной Павлом Ташлыковым, при перечислении книг обнаруживается *«Книга Лимонарь, сиречь Цветник, печать киевская»* [Переписные книги 2011: 64], однако на следующем листе – *«Книга Цветник, печать мелкая московская»* [Переписные книги 2011: 64], т.е. пишущему известно название «Цветник», но при этом было неизвестно слово «Лимонарь».

Обращаясь к полноценно авторскому тексту XVII века, мы не можем не коснуться (хотя бы на уровне замечания в силу объема публикации) творчества протопопа Аввакума. В его малоизученном с позиций лингвистики сочинении «Книга обличений», или «Евангелие Вечное» включены дефиниции богословской терминологии, которые напоминают своей развернутостью словарную статью. *«Вопросъ: что есть составъ? Ответъ: составъ есть, имже состоитъ вся вещь, являя свойственными образы и всякой вещи ненаписана; естества состави суть отдѣляеми и образы, сирѣчь совокупленія приключшагося; составы, и образъ, и лице тоже есть»* [РИБ 1927: 631]. По сути, в катехизическую рамку (вопрос – ответ) встроено сложное предложение с разными видами связи, причем в рамках этой связи конец синтаксической конструкции с однородными подлежащими (составы, и образъ, и лице тоже есть) на уровне лексической семантики предполагает синонимию трёх существительных – состав, образ и лице, т.е. в данном примере происходит пересечение лексического и грамматического уровней языка. Даже если это компилятивный текст (Кормчая + Большой Катехизис), сам факт его внедрения в авторское сочинение весьма примечателен.

Всеми представленными в нашей статье наблюдениями не охватывается полный перечень способов синтаксической организации толкований в разных типах документов эпохи. Тем не менее этих перечисленных фактов достаточно, чтобы в рассматриваемом хронологическом отрезке предполагать наличие комбинации типовых структурных форм словарных статей как коммуникативных единиц XVII столетия.

Литература

Гак В.Г. Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 258-259.

Горский Д.П. О проблеме значения [понимания] знаковых выражений // Язык и мышление. М.: Наука, 1967. С. 166-177.

Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.

Переписные книги вологодских монастырей XVI-XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда: Древности Севера, 2011. 495 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. 1228 стлб. – РИБ.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 39. Л.: Издание Академии Наук СССР, 1927. 960 стлб.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

ОР Ф.173.1 №199. Азбуковник. [Б.м], XVII в. II+296 [из них 4 чистых] л.; 4° (18,5 x 13,5) см.

ОР Ф.247 №6. Азбуковник. [Б. м.], последняя четверть XVII в. 293 [из них 8 чистых] л.; 4° (19,0 x 14,6) см.

Zagumennov A.V. On the syntactic organization of the unknown words' interpretations in the texts of the second half of the 17th century

The relevance of the proposed topic is proved, first by a general interest of the scientific community in historical syntax's issues. Secondly, its significance is emphasized by the developments' application to the atypical material in the form of the content interpreting of the unknown words for the writer. The goal of the study is to identify different ways of constructing a dictionary article in both anonymous and original texts. The methodology of the work includes description, comparative method, contextual analysis and analysis by direct components. The linguistic material includes both anonymous handwritten books (“Azbukovniki”) and author’s texts. The author's texts include Peter Tashlykov's description of the Spaso-Prilutsky Monastery's property, as well as the “Book of Convictions”, or “Eternal Gospel” by Archpriest Avvakum. The study presents different types of sentences with different interpretations of their structural elements. The novelty of the study is due to the fact that for the first time handwritten dictionaries of the 17th century are considered from the standpoint of the syntactic organization of dictionary articles. This allows us to hypothesize that there is a combination of ways to interpret unknown words with the lexical and grammatical structure characteristic for these definitions.

Keywords: lexis, semantics, syntax, interpretation, text, language history, the 17th century.

Заманова Илона Владимировна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Чжэнчжоуский педагогический университет г. Чжэнчжоу

Семантические особенности субстантивов на -ость в лексикографическом аспекте

В статье рассматривается вопрос о закономерностях эпидигматики субстантивов, оканчивающихся на «-ость», которые обозначают психические свойства человека (например, *радость, кротость, смелость*). На основе анализа обширной базы контекстов можно сделать вывод, что некоторые субстантивы выражают только свойство характера (например, *кротость, склонность*), другие – только состояние (например, *разбитость*), третья группа (например, *робость, разнеженность*) имеет тройную смысловую соотнесённость в пределах одной словесной оболочки, а именно: свойство характера человека (*робость девушки*); свойство всего, что связано с человеком, находящимся в определенном состоянии (*робость взгляда, робость мысли*); психическое состояние от момента времени T1 до момента времени T2 (*волны робости, робость охватила*). Первый тип характеризуется деривацией отвлеченного типа (без семантического приращения к производящей основе), второй и третий – деривацией абстрактного типа (с семантическим приращением). В связи с этим в статье поднимается вопрос о необходимости уточнения структуры семантем субстантивов, оканчивающихся на -ость, в толковых словарях, а также о введении грамматических помет «абстрактное» и «отвлеченное».

Ключевые слова: синтаксическая деривация, свойства и состояния в толковом словаре, отвлеченные и абстрактные субстантивы, взаимодействие лексического и грамматического значений, семантическая парадигма суффикса -ость.

Изучение взаимодействия лексики и грамматики является основой работы современного лексикографа. Обусловлено это двумя факторами – научным осознанием языка как системы, а также стремлением иметь как можно большее количество цифровых лексикографических продуктов, удовлетворяющих прикладным целям. По верному замечанию Н.Ю. Шведовой, «слово одновременно есть единица двух систем – лексической и грамматической, и в то же время оно непосредственный участник коммуникативного акта» [Шведова 2005: 376]. Поскольку, как верно заметил Н.Ф. Алефиренко, лексическое и грамматическое значения имеют единую гносеологическую природу, которая обнаруживается в соотносительности планов содержания единиц лексики и грамматики с внеязыковой действительностью, а также во взаимодействии формы и содержания [Алефиренко 2005: 211], толковый словарь призван не только раскрыть лексический смысл слова, но и показать его место в грамматической системе языка. Осмысление грамматической природы категоризирующих смыслов может быть положено в основу универсальной схемы толкования группы лексики, объединенной этим смыслом. Сказанное в значительной мере касается полей *состояний, свойств, поведений, событий*, поскольку гиперсема их лексико-семантического поля выступает также грамматической категорией, такое поле уже не может быть названо лексико-семантическим, правильнее именовать его номинативно-функциональным¹. Как замечает М.И. Лазариди, при взгляде на репрезентаты становится ясным, что в основе поля лежат «не морфологические категории, как в функциональных полях частеречного типа А.В. Бондарко, а *семантические категории*» [Лазариди 2011: 38].

В данном исследовании автор обращается к категоризирующему смыслу «психическое свойство», выступающему **предметом** исследования, **объектом** являются субстантивы на -ость, образованные от прилагательных и

¹ Термин М.И. Лазариди.

глаголов, обозначающих психические качества человека (типа *строгость, кротость, смелость*). Исследование предпринимается с целью изучения взаимодействия лексической и грамматической составляющей в семантике субстантивов на -ость, а также с целью выявления регулярности в их эпидигматике. Под эпидигматикой понимаем образование мотивированных лексических смыслов [Шмелев 1973: 194]. Под *свойством* понимается «указание на некоторую вычленимую мысленным анализом (анализом через синтез) черту, общую разнородным предметам <...>, и притом устойчиво характеризующую данный предмет» [Павлов 1996: 13]. С точки зрения грамматики, свойства репрезентируются признаковой лексикой.

В «Русской грамматике» обращается внимание на то, что субстантивы на -ость могут быть мотивированы глаголами [Русская грамматика 1980: 161] и прилагательными [Там же: 175]. Суффикс -ённость/-енность выделяется отдельно, мотивирующей базой выступают страдательные причастия [Там же: 153]. Семантические значения суффикса следующие: состояние [Там же: 161], человек (личность); вид, облик (внешность), место, местоположение, пространство (окрестность); поступок (низость, пошлость, крайность, гадость); вещество, продукт (жидкость, копченость); вообще вещь, явление (редкость, новость) и собирательное понятие (живность) [Там же: 174; 176]. Можно сделать вывод о том, что прилагательные мотивируют отвлеченный признак, а глаголы – отвлеченное состояние. Однако психические субстантивы на -ость, которые составляют значительную часть таких образований, по данным исследования контекстов могут отклоняться от этой последовательности.

Чжань Шучунь расширяет семантическую парадигму словообразовательного типа на -ость, представленную в Русской грамматике 1980 г., а также замечает особенности синтаксической деривации. По мнению исследователя, образования могут выполнять разные функции в предложении: 1)

чистое транспозиционное значение, реализующее конструктивную словообразовательную функцию; 2) параметрическое значение, совмещающее конструктивную функцию с устранением семы 'magn'; 3) вторичное мутационное значение. Указанные семантические подтипы представлены у разных слов по-разному: есть слова, которые имеют все три значения (ср. емкость), есть чистые синтаксические дериваты (абсурдность, иррациональность), есть слова, у которых нет функции синтаксических дериватов (личность, крепость) [Чжань Шучунь 2020: 103]. Исследователь выделяет 19 значений, в том числе *радость* как чувство, ощущение, но не рассматривает психическое свойство и состояние в качестве семантического типа. В данной статье мы хотим доказать, что психические субстантивы на -ость должны быть выделены в отдельную функционально-номинативную группу, полисемия которой строится по регулярным правилам: субстантивы могут номинировать свойство характера человека; свойство всего того, что связано с человеком, обладающим определенным свойством или находящимся в определенном состоянии; а также психическое состояние **вне зависимости** от исходного значения производящей основы. **ПС (психические субстантивы)** на -ость чаще всего имеют три сигнификата в пределах одной словесной оболочки.

На примерах контекстов рассмотрим все указанные варианты значений.

Субстантивы на -ость, в которых доминирует семантика свойства характера человека

1. Некоторые ПС на -ость выступают синтаксическими дериватами прилагательных, от которых они образованы. Синтаксическими дериватами вслед за Е. Курилович и Е.С. Кубряковой, будем считать такие образования, которые не имеют семантического «довеска» в сравнении со своей производящей базой [Кубрякова 1981: 156], облегчают построение фраз в речи [Земская 1981: 87] и, следовательно, могут быть названы отвлеченными [Чернейко 1997: 67].

Абстрактными субстантивами будем называть те, которые в значительной степени отклонились от лексического смысла своей производящей базы. Такие ПС именуют различные положительные и отрицательные качества человека как личности. К данной группе могут быть отнесены, например, лексемы *склочность*, *скользкость*, *строгость*. Пронаблюдаем их функционирование в контекстах, взятых из НКРЯ.

*Пренеприятная толстая баба занимала одно время ответственные посты, но ввиду неграмотности и **склочности** съехала, однако сохранила повадки ответственного работника* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977), НКРЯ]. Здесь возможно перефразировать часть, включающую второе сказуемое: баба съехала, потому что была неграмотная и склочная. Следовательно, *склочность* выступает синтаксическим дериватом и тривиально обозначает свойство.

То же наблюдается в следующих примерах: *Ему казалось, что учёл и **скользкость** Руслана, способного и на мелкое воровство, и на нелепое хамство; всё это были человеческие черты* [Н.Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015, НКРЯ] (Руслан был скользким). *В ее **строгости** и внутренней сдержанности, в умении владеть красками голоса с помощью самых лаконичных средств жила абсолютная достоверность, которая волновала, потрясала и удивляла* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996), НКРЯ] (она была строгая)¹.

2. Лексемы на -ость и -ённость/ -енность, обозначающие только состояния

У некоторых субстантивов на -ость значение свойства почти не функционирует в контекстах. Эта группа малочисленна, представлена не отвлеченными, а абстрактными (с семантическим довеском) дериватами. Производящая база тесно связана с глагольностью (как правило, страдательными причастиями). Но могут быть и отадъективные образования.

¹ Довольно часто у них наблюдается метонимический способ образования значения 'свойство того, что связано с таким человеком'.

Сюда можно отнести, например, *благодсть*, *ясность*, *ярость*, *раздумчивость*, *огорченность*, *оскорбленность*, *опечаленность*, *разбитость*, *расслабленность*. Данные лексемы употребляются чаще в значении состояния, но не свойства: *Главное, он Фетюкова-шакала пересек и вот теперь тянул дым, пока губы стали гореть от огня. М-м-м-м! Дым разошелся по голодному телу, и в ногах отдалось и в голове. И только эта благодсть по телу разлилась, как услышал Иван Денисович гул: – Рубахи нижние отбирают!...* [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961), НКРЯ]. *Обе плакали, то ли от боли, то ли благодсти* [Евгения Некрасова. Ложь-молодежь. Повести-близнецы // «Волга», 2016, НКРЯ]. *Вытащил пол бутылки водки и небольшой «ваккуратный», как любил говорить, стакан и выпил. Через минуту пришла ясность. Сейчас он расскажет все Елене, а потом вызовет Таню, откроет ей тайну отцовства, и пусть она тогда решает, что ей делать с этим наследством* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000, НКРЯ]. *Потом танцуют под магнитофонные записи, но все шейки да брейки, которым Алеша не обучился, и он, как старообрядец, невпопад новым ритмам, ходит поодаль, приобняв соседку по столу, в танговой раздумчивости* [В.Г. Распутин. Новая профессия (1998), НКРЯ]. *Раздумчивость поглощает меня, как только я приезжаю под густую сень крымский прибрежных сосен // *раздумчивость благовоспитанных девушек раздражала Печорина?* [контекст автора]. *Он проводил меня до сеней и, стоя в раскрытых дверях, зачем-то сказал мне вслед, может быть, все же тронутый моей огорченностью* [А.Т. Твардовский. Печники (1953-1958), НКРЯ]. *Мне не хочется закончить мою книгу итогов нотой грусти и огорченности* [Ф.И. Шаляпин. Моим детям (1932), НКРЯ]. *Он вошел своей кошачьей, мягкой походочкой, но вошел молча, без улыбочки, даже височков не приглаживая, и поклонился с выражением сдержанной, но глубокой огорченности* [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 5 (1867), НКРЯ]. *Говорил он негромко, но горячо и*

*страстно, и я все не мог справиться с чувством какой-то большой душевной усталости и **разбитости*** [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]. *Из салона вышли, когда уже было темно, и, преодолевая чувство разбитости и **опустошенности**, закатились в какой-то ужасно дорогой ресторан рядом, в Музейном переулке* [Ада Самарка. Муха-цокотуха // «Октябрь», 2013, НКРЯ].

3. Субстантивы на -ость, -ённость/ -енность, совмещающие три значения: свойства характера; свойство всего того, что связано с характером или состоянием; психическое состояние

Данные образования мотивируются как глаголами, так и прилагательными. Например *робость, отважность, разнеженность, вдохновенность, благородство, благостность, безвольность, брезгливость, буйность, враждебность, чистосердечность, храбрость, холодность и др.*

На примере функционирования лексемы *робость*, покажем регулярность вариаций семантического содержания.

*А. Продавищицы ей делали замечания, Нюра не обращала на них внимания. Ее очень увлекло это занятие – перебирать товары. Она прямо преобразилась вся. И куда девалась ее деревенская **робость**, нерешительность! Она тащила Ивана все дальше и дальше...* [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972), НКРЯ].

*Б. По кротости и **робости** своего нрава он, кроме самого нежного сожаления о своем приятеле да болезненного недоумения, ничего не выказал... но все в нем лопнуло и опустилось* [И.С. Тургенев. Конец Чертопханова (1872), НКРЯ].

*В1. Она только смотрит на меня исподлобья, а я чувствую, как во мне приливают и отливают волны отваги и **робости*** [Фазиль Искандер. Письмо (1969), НКРЯ]. *В2. **Робость**, трусость казались Березкину временным состоянием, чем-то вроде простуды, которую можно вылечить* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960), НКРЯ].

В трех группах этих контекстов означаемым выступает разная сущность. В первом контексте лексема *робость* репрезентирует свойство характера человека, т. е. *Нюра была робкая, что обычно свойственно всем деревенским женщинам*. В контексте мы имеем дело с субстантивным полным дериватом по прилагательному *робкий*. При этом никаких семантических приращений у субстантива не наблюдается. Нет темпоральных ограничений. Употребление субстантива *робость* в контексте обусловлено экономичностью при речепорождении.

Во втором контексте видно, что *робость* относится к генетиву лексемы *нрав*. Подобная позиция наблюдается и в следующих словосочетаниях: *робость взгляда, робость мысли, робость голоса*. Очевидно, что здесь происходит метонимический сдвиг: поскольку человек в состоянии робости проявляет его телесно, можно приписать это свойство по состоянию всему, что связано с человеком в этот момент. Итак, второй контекст показывает свойство того, что принадлежит или связано с человеком в состоянии робости.

Наконец, третья группа контекстов показывает, что робостью названо состояние, оцениваемое слегка отрицательно, со слегка усиленным сердцебиением, при котором человек думает, что другой человек или ситуация опасны для него, поэтому он не хочет продолжать свою деятельность. Робость имеет темпоральное ограничение, она протекает от момента T1 она посмотрела (контекст B1) / он заболел (контекст B2), до момента T2 она перестала смотреть (контекст B1) / он выздоровел (контекст B2), сердце человека, дыхание, когнитивные функции изменяли свои показатели в течение этого временного периода. Примечательно, что в третьей группе контекстов *робость* представляет собой субстантивный дериват, связанный по смыслу с глаголом *робеть*. На наш взгляд, в контекстах используется субстантив, подчеркивающий неконтролируемость состояния, дериват получает семантическое приращение.

Более четко обогащение семантики у деривата можно наблюдать в следующем контексте лексемы *раскрытость*: *Мне*

*работалось трудно, но хорошо, что я объясняю тем состоянием душевной **раскрытости**, которая естественно возникла от соприкосновения с «корнями»* [В.О. Савченко. Фадеев (2017), НКРЯ]. Здесь наблюдается связь с психическим значением глагола раскрыться/ раскрываться, связанного метафорически с физическим миром, однако *раскрытость* лишена значения поступательности (у глагола она есть), лексема приобретает более тесную связь с локализацией в сердце, описывает внутреннее состояние человека.

Лексемы данной группы могут быть представлены в словаре следующим образом:

Разнеженность, и, ж. 1. Свойство по знач. прилаг. разнеженный. *Эгоизм и **разнеженность** стали предметом насмешек детей; особенно высмеивали дети тележку, на которой ребенка привозили в школу* [В. Сухомлинский. Семья Несгибаемых // «Юность», 1969, НКРЯ]. 2. Свойство всего, что связано с разнеженным человеком. *Во мне поднимался протест против **разнеженности** и «добрых» побуждений мягкой и слабой души* [В.Г. Короленко. Испытание (1891), НКРЯ]. 3. Состояние, оцениваемое положительно или отрицательно в зависимости от ситуации, при котором человек думает, что объект очень хороший, нуждается в защите, поэтому он хочет помочь ему и защитить его, возможно, раньше он так не думал. Внешние проявления: сложенные и выдвинутые вперед губы, приподнятые внешние уголки бровей, влажные глаза. *А я желаю мира вашему очагу и внуков, которых буду считать как своих, потому что ты, Павел, был мне всегда как сын. А ты, Даша, будешь мне как дочь, которая... Тут Тимур Саламович запнулся. У многих, знающих в чем дело, защищало в глазах. Состояние **разнеженности**, вызванное алкоголем, тому способствовало* [А.И. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010, НКРЯ]. *В некоторой **разнеженности**, еще раз прочитав письмо от матери, изучал он расписание сеансов, гадая: идти или не идти?* [Анатолий Азольский. Глаша // «Новый Мир», 2003, НКРЯ].

В толковых словарях значения определяются только на основании словообразовательного критерия, в некоторых случаях не достаточно ясно, почему был выбран тот или иной вариант толкования:

Подавленность – *свойство* по 3 знач. прилаг. подавленный (угнетенный, удрученный, мрачный – о человеке); мрачное, угнетенное *состояние*. *Чувство* подавленности. *Искусственная тишина, шепот, осторожные шаги прислуги выражали не внимание, а подавленность и страх.* Герцен. Былое и думы. *Никогда в своей жизни я не видел такой всеобщей, глубокой душевной подавленности. Офицеры сидели мрачные и задумчивые.* Верес. На япон. войне [БАСЗ XVII: 403].

Приниженность – *состояние* по знач. прилаг. приниженный. *Постоянная нужда наложила на Гейбовича отпечаток приниженности.* Брегова, Сибирское лихолетье Ф. Достоевского [БАСЗ XX: 340].

Угнетённость – *состояние* угнетенного (во 2-м знач.); подавленность, удрученность. *Теперь в мешавшемся мозгу Раменского не было мысли, была только невыносимая угнетённость и звериное ощущение саморазрушения.* Верес. Исполнение земли [БАС XVI: 209].

Робость – боязливость, неуверенность в себе. *Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка.* Гоголь. Ночь перед рождеством [МАС III: 720].

Приземленность – *свойство* по знач. прилаг. приземленный. *Приземленность мечтаний* [МАС III: 410].

Выводы:

1. Субстантивы на -ость, а также -ённость/ енность обладают сложной семантической структурой. Производящая база в большинстве случаев определяет доминирующую семантику (прилагательные влияют на доминирование семантики свойства, а причастия и глаголы мотивируют семантику состояния). Однако это происходит не всегда (ср.: *всесильность, высокомерность, гадливость* могут иметь значения транспонированного свойства, а также абстрагированного

состояния). Распределение по группам свойств и состояний представляется более сложным и не может быть выявлено только на основании словообразовательного критерия. Можно утверждать, что появления значения состояния на базе свойства является новым семантическим процессом. По сведениям Р.М. Цейтлин, в древнерусском языке 51 слово на -ость (и с вариантом -есть) в абстрактном значении, все они были образованы от прилагательных, их общее значение – качество или свойство по значению мотивирующего прилагательного [Цейтлин 1986: 192], значение состояния отсутствует.

2. Регулярность полисемии психических субстантивов на -ость (а также -енность) заключается в том, что некоторые субстантивы отражают только свойство характера (типа *кротость*), некоторые тяготеют только к состоянию (типа *разбитость*), наконец, существует обширная группа (типа *робость*, *разнеженность*), которая представлена тройной смысловой соотнесенностью в пределах одной словесной оболочки: свойство характера человека; свойство всего, что связано с человеком в определенном состоянии; психическое состояние. Логично, на наш взгляд, вводить пометы «отвлеченное» для лексем первого типа, «абстрактное» для второго типа и третьего типов.

3. Изучение взаимодействия грамматического и лексического значений свойств и состояний может способствовать правильному представлению полисемии субстантивов на -ость; от неоднозначного компонента «свойство и состояние по прилаг...» можно отказаться, выделив свойство и состояние отдельными лексико-семантическими вариантами. Важным представляется вопрос о введении грамматических помет «абстр.» и «отвлеч.».

Литература

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Т. 1-27. М.; СПб., 2004-2021 – БАСЗ.

Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 57-71.

Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. Бишкек, 2011. 356 с.

Национальный корпус русского языка. – Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru> – НКРЯ.

Павлов В.М. Качественность и субстанциональная семантика // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 8-53.

Русская грамматика под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык. 1985-1988 – МАС.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1948-1965. – БАС.

Цейтлин Р.М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI в. София: Изд-во Болгарской академии наук, 1986. 356 с.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 319 с.

Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. 640 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 273 с.

Шучунь Ч. Семантические особенности существительных с суффиксом -ость в современном русском литературном языке //

Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. 26(4). С. 101-108.

Zamanova I.V. Semantic features of the nouns with -ость ending in the lexicographic aspect

The article examines the issue of the paradigmatic patterns of the nouns with -ость ending in Russian, which denote the psychic properties of a person (for example, *joy, meekness, courage*). Based on the analysis of an extensive database of contexts, it can be concluded that some substantives express only a property of character (for example, *meekness, squabbling*), others denote only a state (for example, *vulnerability*), and the third group (for example, *timidity, effeminacy*) has a triple semantic correlation within a single verbal shell: a property of a person's character (*girl's timidity*); the property of everything related to a person in a certain state (*timidity of gaze, timidity of thought*); psychic state from the moment of time T1 to the moment of time T2 (*waves of shyness, shyness seized*). The first type is characterized by the derivation of the grammatical abstract type (without semantic increment to the generating base), and the second and third characterized by the derivation of the lexical abstract type (with semantic increment). In this regard, there is a need to clarify the structure of the substantives with -ость ending polysemy in explanatory dictionaries. There is also a need to provide the supplemental about grammar and lexical abstractness.

Keywords: syntactic derivation, properties and states in an explanatory dictionary, lexical and grammatical abstractness, interaction of lexical and grammatical meanings, semantic paradigm of the suffix -ость.

Килина Мария Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

**Формы множественного числа абстрактных
существительных, выражающих представление об успехе
в русском и польском языках
(на материале данных словарей и корпусов)**

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу имен существительных, репрезентирующих понятие *успех* в русском и польском языках: *успех* – *sukces*; *удача*, *везение* – *powodzenie*, *romyślność*. Данные лексемы относятся к категории абстрактных существительных, которые обычно не имеют форм множественного числа. Однако в некоторых случаях происходит изменение грамматических признаков таких единиц – появляются нормативные формы множественного числа. В ходе анализа толковых словарей русского и польского языков были определены особенности семантики рассматриваемых единиц, проведён контекстуальный анализ примеров употребления рассматриваемых лексем в форме множественного числа на материале национальных корпусов русского и польского языков. В результате анализа контекстов сделан вывод о том, что конкретизация значений абстрактных существительных в форме множественного числа происходит в близкородственных языках схожим образом. Кроме того, выдвинуто предположение о том, что использование форм множественного числа отвлеченных существительных в речи может быть ограничено в связи с наличием в их составе суффиксов *-ость*, *-ość*; *-ени/я*, *-enie*.

Ключевые слова: абстрактные существительные, множественное число, лексикализация, успех, sukces, корпус.

Абстрагирование является важным свойством мышления, раскрывающим процесс развития познания. Так, в славянских языках традиционно выделяется группа отвлеченных (абстрактных) существительных. Авторы Русской грамматики

1980 г. под редакцией Н.Ю. Шведовой определяют отвлеченные (абстрактные) существительные как слова, «называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния» (напр., *слава, смех, благо, доброта* и т.д.) [Русская грамматика 1980: 460]. Такие существительные являются *singularia tantum*, т.е. обычно не имеют форм множественного числа [Там же]. Исследователи обращают внимание и на невозможность сочетания отвлеченных существительных с числительными, т.е. на тот факт, что эти слова не подвергаются счету [Виноградов 1986: 137]. Однако отсутствие форм множественного числа у слов *singularia tantum* не значит, что от них нельзя образовать формы со значением и признаками множественного числа [Там же: 471]. Неслучайно А.А. Зализняк отмечает, что *singularia tantum* – это слова с потенциально полной парадигмой [Зализняк 1967: 58].

В рамках данной работы были проанализированы примеры употребления форм множественного числа имен существительных, выражающих представление об успехе в русском и польском языках: *успех – sukces; удача, везение – powodzenie, pomyslnosc*. Материалом исследования стали толковые словари русского и польского языков («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, «Словарь русского языка» под ред. П.А. Евгеньевой, «Wielki słownik języka polskiego PAN», «Słownik języka polskiego PWN»), а также тексты, зафиксированные в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), и в сбалансированном корпусе Национального корпуса польского языка (далее НКЯП).

Для настоящего исследования большое значение имеет тот факт, что отвлеченные существительные *singularia tantum* могут образовывать формы множественного числа, имеющие значение, отличное от значения формы единственного числа [Русская грамматика 1980: 471]. Авторы Русской грамматики пишут, что такие существительные во множественном числе называют проявления каких-либо качеств, свойств, эмоциональных

состояний (напр., возможность – возможности, красота – красоты) [Там же]. В.В. Виноградов также говорит о том, что «конкретизация и индивидуализация отвлеченных понятий, сопровождающаяся возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков, нередко обогащает эти слова формами множественного числа» [Виноградов 1986: 137]. М.Г. Шкуропацкая в целом относительно существительных *singularia* и *pluralia tantum* замечает, что они могут образовывать формы противоположного числа, но обязательно с измененным значением [Шкуропацкая 2011: 316]. В этих случаях категория числа является лексико-грамматической категорией (формы числа позволяют различать значения) [Там же].

М.Г. Шкуропацкая в своей работе выделяет несколько степеней лексикализации отвлеченных существительных: высокую, частичную и неустойчивую [Там же: 317]. Существительные с высокой степенью лексикализации исследователь считает отдельными лексемами, т.к. у них отсутствует корреляция форм единственного и множественного числа (напр., *радости жизни*) [Там же]. Частичная лексикализация предполагает сохранение возможности употребления отвлеченного существительного и в форме единственного, и в форме множественного числа, при этом в единственном числе слово обозначает абстрактное чувство, качество, состояние, а во множественном числе актуализируются семы событийности, конкретного воплощения чувства-состояния и повторяемости [Там же]. Наконец, примерами неустойчивой лексикализации будут окказиональные употребления слов *singularia tantum* во множественном числе (ср. использование таких слов в художественных текстах) [Там же].

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой и в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова приводятся следующие дефиниции слова *успех*: ‘положительный результат, удачное завершение чего-л.’; ‘общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений’ [МАС IV; БТС]. Необходимо особо

отметить, что форма множественного числа данного слова зафиксирована в словарях: так, в словаре под редакцией С.А. Кузнецова *успехи* – ‘хорошие результаты в учебных занятиях, достижения в освоении, изучении чего-л.’ [БТС]. Как видим, у существительного *успех* наблюдается либо высокая степень лексикализации, либо частичная лексикализация по классификации М.Г. Шкуропацкой. Трудно сказать, насколько значение слова *успехи* отличается от значения слова *успех*; мы склоняемся к тому, что эта форма множественного числа в настоящее время занимает промежуточное положение между коррелирующей формой и самостоятельной лексемой.

В современных толковых словарях польского языка зафиксировано два значения существительного *sukces*: ‘состояние, которое возникает в результате достижения поставленной цели в какой-то области’; ‘состояние, которое возникает в результате достижения высокой позиции в какой-то области’ [WSJP]; ‘удачный результат какого-то предприятия, достижение поставленной цели’; ‘обретение славы, богатства, высокой позиции и т.п.’ [PWN]. Можем видеть, что словарные значения русского *успех* и польского *sukces* очень похожи. Важно, что авторы польских словарей не фиксируют особое значение для формы множественного числа существительного *sukces*, но приводят примеры употребления этого слова во множественном числе (*życzyć sukcesów* – желать успехов). Это может быть связано с тем, что в польском языке форма множественного числа данной леммы является коррелирующей. Далее мы представим результаты проверки этого тезиса на корпусном материале.

В современных толковых словарях русского языка существительное *везение* представлено как ‘благоприятное стечение обстоятельств; удача’ [БТС; МАС I], при этом отмечено, что слово является разговорным. Понятно, что данное значение возникло на основе значения производящего глагола *везти*; соответствующее значение глагола, в свою очередь, является результатом метафорического переноса физического

перемещения в пространстве на условное перемещение человека к благоприятным обстоятельствам, положению.

По своей внутренней форме на существительное *wezienie* очень похоже слово *powodzenie*, производное от глагола *powodzić się*. В современном польском языке лексема функционирует в значениях ‘достижение поставленной цели при выполнении какого-то действия’, ‘состояние, характеризующееся тем, что какой-то человек или вещь нравится другим людям’ [WSJP]; ‘удачный ход вещей, успех, желаемый результат’; ‘популярность, успех’ [PWN]. Кроме того, в словарях можно найти примеры употребления слова во множественном числе (*powodzenia i porażki* – успехи и поражения). Заметим, что оба значения существительного *powodzenie* очень похожи на значения слова *sukces*, а следовательно, и на значения слова *успех*. Второе значение лексемы *powodzenie* можем соотнести со значениями выражений *иметь успех у кого-то, пользоваться успехом у кого-то* в русском языке.

Слово *удача* в настоящее время имеет значение ‘счастливое, благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела; везение’ [БТС], или же ‘совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение’ [МАС IV]. Таким образом, существительные *wezienie* и *удача* в современном русском языке очень близки по смыслу, настолько, что толкуются в словарях друг через друга. Из рассматриваемых нами польских лексем ближе всего по значению лексемам *удача* и *wezienie* польское слово *pomyślność*: в современном польском языке оно имеет значение ‘состояние, соответствующее чьим-то ожиданиям и желаниям и являющееся результатом благоприятного стечения обстоятельств’ [WSJP]; ‘состояние, в котором все складывается удачно’ [PWN].

Мы провели контекстуальный анализ примеров употребления форм множественного числа всех перечисленных существительных. Выборки были сбалансированы вручную: для

анализа были взяты первые 60 случайных примеров из общего числа 154 примеров употребления формы *успехи* в текстах 2011 г.; 60 из 65 (с вычищенными повторами) примеров употребления формы *sukcesy* в текстах 2011 г.; первые 28 из 378 примеров употребления формы *удачи* в текстах с 2000 по 2011 гг.; 28 однозначных примеров (т.е. таких, в которых исключена возможность омонимии форм) употребления формы *powodzenia* в текстах с 2000 по 2011 гг.; 4 примера употребления формы *wезения* в текстах с 2000 по 2011 гг.; 3 однозначных примера употребления формы *potyślności* в текстах с 2000 по 2011 гг. (здесь и далее корпусные данные на 24.11.2024). Примеры употребления русских лексем были выбраны из текстов основного корпуса НКРЯ, примеры употребления польских лексем – из текстов сбалансированного корпуса НКЯР.

В результате корпусного анализа были выявлены следующие факты.

Форма *успехи* чаще встречается в значениях ‘положительный результат действия’ (18 примеров), ‘достижения в учебе, в освоении чего-то’ (9) и в качестве формулы (напр., вежливости) (14):

Успехи интересующей нас ветви океанологии – биогеохимии – также связаны с появлением инновационных методов исследования. В. Авилов, С. Авилова. Океан – единый живой организм, 2011 [НКРЯ].

Байрон приплывал сюда три раза в неделю учить язык (чтобы потренировать мозги), хотя успехов добился скромных (“не алфавит, а Ватерлоо”, сказал он). Е.Ю. Деготь. Венеция, 2011 [НКРЯ].

Успехов тебе на нелегком поприще #:)). Форум: Апгрейд дачной кухни, 2011–2013 [НКРЯ].

Форма *sukcesy* чаще встречается в значениях ‘победы в соревнованиях’ (12), ‘положительный результат действия’ (5), ‘личные достижения’ (3) и ‘достижения в сфере бизнеса’ (3):

Od dawna nie interesował się już sportem, a trudna sytuacja materialna zmusiła go do sprzedaży większości pamiątek

wywalczonych podczas bogatej w sukcesy, ale krótkiej, bo przerwanej poważnymi problemami z kręgosłupem kariery. R. Musioł. Skoczkowie z małego Zębu trafiają na pucharowy tron, 2011 [NKJP] (Он давно уже не интересовался спортом, и тяжёлая финансовая ситуация вынудила его продать большинство трофеев, полученных в течение богатой успехами, но короткой карьеры, прерванной серьёзными проблемами с позвоночником).

Po trzydniowych sukcesach przestępców, do głosu doszła Temida, która potraktowała ich ostro. Krótkie sukcesy, długie odsiadki, 2011 [NKJP] (После трёхдневных успехов преступников слово взяла Фемида, которая отнеслась к ним весьма сурово).

Ratował się słuchaniem rozgadanego Tomaszka i Antosi, wyliczaniem w myślach tego, co w życiu osiągnął: miłość dzieci, przyjaźń żony, wspólne sukcesy, wzajemne zrozumienie. G. Plebanek. Nielegalne związki, 2011 [NKJP] (Он спасался тем, что слушал болтливого Томашка и Антосю и перечислял в уме то, чего добился в жизни: любви детей, дружбы жены, совместных успехов, взаимопонимания).

Podkreślano również sukcesy, jakie na polskim rynku odniosły malborskie firmy z kapitałem zagranicznym. Powrót z za morza, 2011 [NKJP] (Особое внимание обращалось на успехи, которые на польском рынке имели мальборкские фирмы с иностранным капиталом).

Мы выделяем значение ‘личные достижения’, в целом соотносимое со значением ‘успехи в общем смысле’. Форма **sukcesy** в значении ‘успехи в общем смысле’ встретила 27 раз, однако из всех примеров подавляющее большинство (26) извлечены из одного текста «Szkola Sukcesu» А. Ламека, который представляет собой тематически ориентированное пособие, поэтому мы не считаем целесообразным учитывать эти примеры в общей статистике.

В проанализированных примерах существительные **успех** и **sukces** во множественном числе употребляются в схожих контекстах. Заметим, что для формы множественного числа польской лексемы значение ‘достижения в учебе’ не является

достаточно регулярным, но интересно, что оно в принципе появляется в примерах:

– *Pociągala mnie muzyka, pierwsze sukcesy, dlatego najpierw studiowałem wychowanie muzyczne – mówi jubilat.* Jubileusz artysty, 2011 [NKJP] (– Меня привлекала музыка, первые успехи, поэтому сначала я изучал музыкальное воспитание, – говорит юбиляр).

Также обращает на себя внимание частотность значения ‘победы в соревнованиях’ у формы *sukcesy*; в основном это контексты, в которых упоминается спорт.

Примеры, представленные в корпусе, свидетельствуют о том, что форма множественного числа *powodzenia* очень близка по значению формам *ucnexu* и *sukcesy*, но не настолько, насколько обе эти формы близки друг другу. Форма *powodzenia* чаще встречается в значениях ‘успехи в общем смысле’ (9), ‘положительные результаты’ (4) и ‘личные достижения’ (4):

Życie nie jest, niestety, tylko pasmem powodzeń i przyjemności, czasami trzeba zapłacić. S. Dąbrowski. Były agent Schmidt, 2003 [NKJP] (Жизнь, к сожалению, не только череда удач и удовольствий, иногда приходится платить).

Natomiast bez większych powodzeń kończy się próba określenia dnia Jego [Chrystusa] narodzin. J. Gać. Ziemia Święta: Kulturowy przewodnik śladami Jezusa, 2009 [NKJP] (Однако попытка определить день Его [Христа] рождения не увенчалась особыми успехами).

Powodzenia szkolne i życiowe uczniów w ogromnej mierze zależą od siły związku dwóch środowisk: nauczycieli i rodziców oraz jakości ich współpracy. M. Mendel. Sprzymierzeńcy w wychowaniu, 2010 [NKJP] (Успехи детей в учебе и в жизни в огромной степени зависят от того, насколько тесно связаны две среды: учителя и родители, а также от качества их совместной работы).

Эта форма может встречаться и в значениях ‘достижения в учебе’ (2) и ‘победы в соревнованиях’ (2), что подтверждает ее семантическую близость с формами *ucnexu* и *sukcesy*:

Założono, że po okresie przystosowania się dziecka do warunków szkolnych, można mówić o ich powodzeniach i

osiągnięciach w nauce. ks. J. Śledzianowski. Rodzina wielodzietna, 2009 [НКJP] (Предполагается, что после периода адаптации ребенка к школьным условиям можно говорить о его успехах и достижениях в учебе).

Форма **удачи** в основном встречается в значении ‘положительные результаты’ (16), но необходимо уточнить, что это всегда результаты, в той или иной степени независимые от человека, т.е. в определенной степени случайные:

Впрочем, в моем кремлевском «шопинге» случались и удачи. [Б. Грищенко. Посторонний в Кремле, 2004, НКРЯ].

Форма **удачи** также достаточно часто встречается в своем словарном значении ‘счастлирое стечение обстоятельств’ (7):

Скопившись, ее забота о других возвращалась к ней дождем удач или попросту везением. [П. Акимов. Плата за страх, 2000, НКРЯ].

Формы **везения** и **pomyślności** в корпусах встречаются крайне редко; так, в НКРЯ было найдено только 4 вхождения для формы множественного числа **везения**, во всех примерах лексема употреблена в словарном значении ‘счастлирое стечение обстоятельств’:

Он поймал такси буквально возле дома – помимо других везений, в его жизни было еще и это: такси или любая попутка выныривали из-под локтя, стоило только руку поднять... [Д. Рубина. Белая голубка Кордовы, 2008-2009, НКРЯ].

Форма **pomyślności** также встретила в корпусе только 3 раза, из них в 2 примерах она функционирует в качестве формулы и в одном употребляется в словарном значении:

Samych pomyślności filmowych i duuuużo ról w filmach! [Rozmowa – Adam Fidusiewicz, 22.09.2003, НКJP] ([Желаю успехов на поприще кино и кучи ролей в фильмах!]).

Nie będę musiała spać wprost na mokrym piasku, a wobec tego, że wszyscy śpiemy ubrani, mogę przeciągle gwizdać na kolce. W ogóle same pomyślności. [В. Обертыńska. W domu niewoli, 2005, НКJP] (Мне не придется спать прямо на мокром песке, а поскольку мы

все спим в одежде, мне будет плевать на шипы с высокой колокольни. В общем, сплошные удачи).

Можем выдвинуть предположение, что низкая частотность форм множественного числа этих существительных связана с особенностями их морфемного состава. В Русской грамматике 1980 г. указано, что слова с суффиксом *-ени/я/* имеют значение отвлеченного процессуального признака, а слова с суффиксом *-ость* – значение отвлеченного состояния [Русская грамматика 1980: 150, 161, 174]. Польский исследователь И. Буркацкая в монографии «*Kombinatoryka sufiksalna w polskiej dezywacji odrzeczownikowej*» пишет, что суффикс *-ość* в польском языке очень продуктивен и образует слова, называющие черты, характеристики, указывающие на обладателя этих черт, на предмет, явление [Буркацкая 2012: 70]. Следовательно, оба суффикса в русском и польском языке образуют в основном отвлеченные существительные, что может препятствовать свободному использованию форм множественного числа носителями в речи. Ср., например, слово *успешность*, для формы множественного числа которого в основном корпусе НКРЯ нет употреблений, тогда как в единственном числе оно встречается 815 раз.

Таким образом, проведенный анализ корпусных примеров показал, что для форм множественного числа существительных *успех*, *sukces*, *powodzenie* и *удача* справедливо утверждение об актуализации каких-то более конкретных сем. Кроме того, формы множественного числа лексем *успех* и *sukces* обладают высокой степенью лексикализации, т.е. регулярно употребляются в значениях, отличных от словарных значений формы единственного числа. Формы множественного числа слов *powodzenie* и *удача* тяготеют к такому же регулярному употреблению, однако занимают, скорее, промежуточное положение. Наконец, формы множественного числа слов *везение* и *pomyślność*, по всей видимости, употребляются окказионально. Сопоставление единиц русского и польского языка показало, что процесс конкретизации значения отвлеченных существительных

в форме множественного числа протекает в славянских языках схожим образом. Закрепление таких форм множественного числа может быть обусловлено совокупностью факторов; в некоторых случаях ему могут препятствовать морфемы. Отдельно стоит отметить, что, несмотря на суффикс *-enie*, образующий отвлеченные существительные, форма множественного числа лексемы *powodzenie* обладает достаточно высокой частотностью в текстах корпуса. Этому могла способствовать общая для польского языка тенденция к образованию отглагольных существительных; стоит учесть и семантическую близость лексемы со словом *sukces*, которая проявляется, в частности, в том, что как переводческий эквивалент для обоих этих слов в русском языке может выступать слово *успех*.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Электронный ресурс: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 18.11.2024). – БТС.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 371 с.

Национальный корпус русского языка – Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.11.2024). – НКРЯ.

Русская грамматика: [в 2 т.] / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 789 с.

Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания, 2, 2024. С. 7-34.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999 – Электронный ресурс: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 18.11.2024). – МАС.

Шкуропацкая М.Г. Категория числа имени существительного как сфера взаимодействия между грамматикой и лексикой // Мир науки, культуры, образования, № 4 (29), 2011. С. 315-318.

Burkacka I. Kombinatoryka sufiksalna w polskiej derywacji odrzeczownikowej. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 2012. 229 s.

Narodowy Korpus Języka Polskiego – Электронный ресурс: <http://nkjp.pl/> (дата обращения: 18.11.2024).

Pęzik P. Wyszukiwarka PELCRA dla danych NKJP // Narodowy Korpus Języka Polskiego. Warszawa: PWN, 2012. S. 253–279.

Wielki słownik języka polskiego PAN – Электронный ресурс: <https://wsjp.pl/> (дата обращения: 18.11.2024).

Kilina M.Y. Plural forms of abstract nouns expressing the notion of success in Russian and Polish (based on the dictionary material and corpora)

The article is devoted to the comparative analysis of nouns that represent the notion of success in Russian and Polish: *успех* – *sukces*; *удача, везение* – *powodzenie, pomyślność*. These lexemes belong to the category of abstract nouns, which usually do not have plural forms. However, in some cases, the grammatical features of such units can change – they develop normative plural forms. The semantic features of the units were determined based on the analysis of explanatory dictionaries of the Russian and Polish languages. The contextual usage of lexemes in their plural form was analysed on the basis of texts in the national corpora of the Russian and Polish languages. It was concluded that the concretization of the meanings of abstract nouns in the plural form occurs in closely related languages in a similar way. In addition, it has been suggested that the use of plural forms of abstract nouns in speech may be limited due to the presence of suffixes *-ost', -ość; -eni/j/, -enie* in their composition.

Keywords: abstract nouns, plural form, lexicalization, *успех* (success), *sukces* (success), corpus.

Королькова Мария Денисовна
Шевченко Надежда Викторовна
Институт лингвистических исследований РАН

Употребление глаголов с недостаточной парадигмой в разных формах речи: корпусное исследование I

Статья посвящена анализу количественного употребления в корпусах глаголов с недостаточной парадигмой. Для анализа реализаций были выбраны глаголы, у которых по данным нормативных источников отсутствует форма первого лица единственного числа. На основе опыта носителей и по данным интернета были собраны альтернативные формы для указанных глаголов. Было определено количество употреблений для ненормативных форм указанных глаголов, и соотношение фиксаций позволило установить, что более популярны подобные формы в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: глаголы, дефектные глаголы, недостаточные глаголы, интернет-коммуникация, Национальный корпус русского языка, НКРЯ, Генеральный интернет корпус русского языка, ГИКРЯ, Один речевой день, ОРД.

Известно, что в речи мы используем много слов и форм слов, которые не зафиксированы в нормативных и других лексикографических источниках. Отсутствие нормативной и другой лексикографической фиксации не подразумевает, что слова не существует, но взаимосвязь нормы и узуса показывает недостаточную изученность этого вопроса. Известно, что потенциал к словопроизводству в русском языке больше реализаций, которые мы видим. Это подтверждают многочисленные исследования речевых механизмов в образовании глаголов, например см. [Виноградов 1986; Зализняк 1987; Улуханов 2015, 2017; Валентностные классы 2018] и др.

Современная грамматика русского языка выделяет несколько видов глаголов по индивидуальным особенностям

набора форм: недостаточные и избыточные глаголы, первые из которых не имеют в кодифицированном языке определенных личных форм, чаще всего формы 1 л. ед. ч. в настоящем или будущем времени (ср., например, глагол победить, не образующий в кодифицированном литературном языке форму буд. вр. ед. ч. 1 л.), а вторые имеют несколько форм (капает – каплет, метает – мечет), образующих дублирующие парадигмы (URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/verb/>, дата обращения: 17.10.2024). Оба эти явления – естественные проявления языка, обусловленные языковым процессом, но недостаточно изученные с точки зрения причин и особенностей возникновения. «Среди личных глаголов немало таких, которые неупотребительны в формах 1 и 2 л., а также в формах повелит. накл., что связано прежде всего с лексическим значением глаголов» [Русская грамматика 1980: 580].

В исследованиях ученых выделяются группы глаголов с лексико-семантическими ограничениями: 1) глаголы так называемых бестиальных действий (типа *нести/несть* ‘класть яйца’, *наседеть* ‘высиживая птенца, согреть (яйцо) своим телом’ и т. д.; 2) глаголы, используемые для обозначения процессов и состояний природы (натуральные глаголы): *застыть* ‘о воде: превратиться в лед’, *застлать* ‘закрывать, покрыть туманной пеленой (о чем-н. движущемся, стелющемся)’; 3) глаголы граминальные, обозначающие действия, процессы, состояния растительного мира: *обвиться* ‘охватив, обвив что-н. собой, сомкнуться’, *зеленеть* ‘покрываться свежей травой, листвой’; 4) глаголы, связанные субъектной семой с названиями органов и частей человеческого тела (мембруальные): *нарвать* ‘опухнуть и загноиться’, *застынуть* ‘сильно озябнуть’, *неметь*, *щемить* и т. д.; 5) глаголы, имеющие субстанциальную сему «конкретный предмет» или «вещество»: *затвердевать* ‘становится твердым’, *затаскаться* ‘истрепаться в носке’, *засыпаться* ‘о сыпучем: попасть куда-н. внутрь’, *засориться* ‘стать засоренным’ и т. д.; 6) глаголы, обозначающие действия и состояния разного рода механизмов: *отключиться* ‘выключиться из сети’, *отставать* ‘о

часах: показывать более раннее время, чем в действительности’, *ходить* ‘работать – о механизме часов’ и др.; 7) глаголы, объединенные пропозитивной, событийной семантикой их субстанционального компонента, т.е. с именами чувств и другими типами отвлеченных имен (*судьба, природа*): *знаменоваться* ‘означать, свидетельствовать о чем-н.’, *захватывать* ‘сильно увлекать’, *захватить* ‘распространиться на что-н.’, *затянуться* ‘продлиться на какой-н. срок’, *брать* ‘захватывать – о злости и некоторых других чувствах’, *наказывать* ‘осуществлять расплату, возмездие за что-л.’ (*Судьба наказывает тех, кто причинил зло людям* и т. д.; 8) глаголы (их трудно отнести к тому или иному синтагматическому классу), способные сочетаться с любыми предметными и пропозитивными именами, например: глагол *насчитываться* ‘быть, иметься в каком-н. количестве’; *меркнуть* ‘постепенно утрачивать яркость, блеск’ (это может быть и *звезда*, и *взгляд*) и др. [Гурин 1999: 161-169].

1. Глаголы, обозначающие действия, свойственные животным. В описание значения таких глаголов включено понятие названия того животного, которому характерно то или иное действие: *блеять* (овца, коза), *квакать* (лягушка), или название части тела: *когтить* (*коготь*).

2. Глаголы, обозначающие действия не одного-двух, а многих людей: *толпиться*.

3. Глаголы, обозначающие действия, свойственные природе, веществам, механизмам, но не человеку: *буксовать* (*буксует*).

4. Глаголы цветообозначения, т.е. глаголы, обозначающие становление признака: *алеть, белеть, зеленеть, краснеть, рдеть* и др. В БАС все названные глаголы имеют и 1-е, и 2-е лицо, которое при их использовании по отношению к растениям или в значении «виднеться» отсутствует [БАС: 103, 386; 4: 1185-1186; 5: 1587-1588; 12: 1049-1050]. В словаре С.И. Ожегова (2016) глаголы *белеть, зеленеть, краснеть* имеют 1-е и 2-е лицо, но не имеют его во 2-м, 3-м или 4-м значениях, т.е. когда

употребляются по отношению к растениям или в значении «виднеться». Глаголы *алеть* и *рдеть* не имеют 1-го и 2-го лица [Ожегов: 29, 48, 195, 253, 541]. Поэтому условно все названные глаголы цветообозначения можно отнести к 4 группе, где из-за семантических сдвигов может отсутствовать или отсутствует 1-е и 2-е лицо. В устной и особенно в разговорной речи 1-е и 2-е лица названных глаголов может быть употреблено вне зависимости от смысла.

Как видно из описания разных групп глаголов с неполной личной парадигмой, эти глаголы требуют особого внимания при их изучении иностранными учащимися, прежде всего, при спряжении.

Таким образом, среди глаголов с недостаточной парадигмой, не имеющих формы первого лица единственного числа, существуют те, что не могут иметь ее по семантическому принципу, а есть не имеющие ее по фонетическому принципу. Среди этих глаголов есть две группы: те, у которых есть нормативная форма, но используются и другие, не зафиксированные формы, и те, у которых нормативной формы в парадигме нет.

Разные словари неоднозначно фиксируют одни и те же глаголы. В одних словарях у ряда глаголов может быть 1-е лицо, в других – нет. Это касается глаголов цветообозначения, типа *алеть*, *рдеть* (БАС утверждает наличие в них 1-го лица ед. ч., а словарь С.И. Ожегова – нет), некоторых фонетических форм глаголов (БАС утверждает наличие форм 1-го лица в глаголах *вверзить*, *галдеть*, *гвоздить*, *зарысить*, *затмить*, а словарь С.И. Ожегова – нет).

Фонетические формы 1 л. ед. ч. у ряда глаголов, как говорится выше, считаются недопустимыми из-за нарушения благозвучия, хотя в смысловом плане они вполне оправданны, т. к. это активное действие лица: «Не говорят *бдю*, *дерзю*, *дудю*, *ерундю*, *убежю*, *очучусь*, *побежю*»; «Нет в узусе и таких форм, как *побужю* (от *победить*), *убежю* (от *убедить*), хотя в системе они, бесспорно, есть и потенциально выводимы по аналогии с такими

во всех отношениях безупречными формами, как *награжу* (от *наградить*), *осажу* (от *осадить*)» [Русский язык 2020: 103].

Особенность фонетических форм недостаточных глаголов состоит в изменении звукового облика при образовании личных форм. В.П. Москвиным выделяется у русских недостаточных глаголов два способа образования: «1) антистекон (замена звука): *бузить* – *бужу*; 2) эпентеза (вставка звука): *затмить* – *затмлю*» [Москвин 2015 1: 60]. Для большинства этих глаголов при образовании 1 л. ед. ч. характерен, по определению В.П. Москвина, т.н. антистекон (замена звука –*д/ж*).

Вопросы кодификации и нормы вторичны по отношению к самой языковой природе, они регулируют вопросы употребления тех или иных форм, а к собственно лингвистическому относится вопрос возможностей языка и причин порождения или отсутствия подобных форм. Поэтому, в первую очередь, интерес вызывает наличие и употребительность разных форм у названных глаголов.

Известно, что языковые модели реализуются в разных формах речи по-разному, что вызывает необходимость сравнивать письменную, устную речь и интернет-коммуникацию для получения более-менее полной картины языковой реализации.

Для анализа были произвольно взяты несколько глаголов с недостаточной парадигмой по данным нормативных источников. Путем поиска были собраны ненормативные формы 1-го лица ед. ч. (опыт носителей, лингвистические корпусы, интернет). По полученным формам осуществлялся поиск в следующих корпусах русского языка: Национальный корпус русского языка, основной корпус (здесь и далее – НКРЯ) для реализаций в письменной речи, Корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (здесь и далее – ОРД) – в устной повседневной речи, Национальный корпус русского языка, подкорпус «Социальные сети» (здесь и далее – НКРЯ СС) и Генеральный интернет корпус русского языка (здесь и далее – ГИКРЯ) – для анализа интернет-коммуникации.

Существует ли у слова нормативная форма, определялось по орфографическому словарю [Лопатин, Иванова 2013] и словарю трудностей русского языка [Еськова 2014].

Важно было проследить за сохранением основного значения глагола.

Описание материала

Общей чертой рассматриваемых форм глаголов является их малая частотность. Тем ярче видны отдельные частотные формы, например, *бдю* (см. ниже) в ГИКРЯ. Рассмотрение специфики их употребления представляет собой отдельное направление прагматических исследований с использованием полевых методов. Все примеры приводятся с сохранением орфографии источника.

Среди глаголов, которые не имеют нормативной формы 1 л. ед. ч., рассматриваются формы от глаголов:

***бдеть*, ненормативная форма *бдю*:**

НКРЯ (3 фиксации): *Но я за собой бдю, не усердствую, для порядка поью – и живу дальше* (Анатолий Кириллин. *С собой не возьму* // «Сибирские огни», 2012); – *Я тебя не разбудила? – Нет, я бодрствую, бдю, – сообщила дочь. – Ну что, возвратилась?* (Ирина Безладнова. *Такая женщина* // «Звезда», 2001); *В крупных слезах я бдю уже которую ночь!* (Юлий Даниэль. *Письма из заключения* (1966-1970)).

НКРЯ СС (9 фиксаций): *реклама / раскрутка сайтов, неважно с чем:) чем больше переходов по ссылке-тем выше сайт в поиске... резкостиникакой, просто бдю " Елка, почитаю и посмотрю трёхколёсные, может зря я к ним с недоверием, я вообще с тех пор как прошлым летом путешествовала по Италии обожаю Италию и всё что с ней связано, действительно всё для людей и с заботой о них!* (Выбор коляски, 2022); *Бдю за чатом пока всё спят всегда позову админа* (Чат для художников, 06.07.2022); *Сродни "я художник я так вижу" С другой стороны можно оправдать свою криворукость авторским видениемHILARI, ещё бдю"* (Клубы по интересам. Тихий омут, 2020); *сименс ц 65 с жпрсом и ик портом за тыщу а*

бдю ту там есть??? *Куплю скайстар3 TT-Budget S1401* (Барахолка, 2006-2019); *Я блот бдю* (Чат для художников, 18.05.2019); *Вроде руку на пульсе мониторингового рынка врн держу, видимо недостаточно бдю.* (Флудилка раздела v1.2020, 2016); *Ромочка в палате, и сейчас он спокойно дремлет, а я бдю, и буду его будить каждые полтора часа, чтобы он не заснул глубоко, после наркоза нельзя впадать в глубокий сон* (Всем передавал огромный привет!!! (vk, 28.12.2015); *Бдеть! Бдю! Бороздить!* (vk, 20.06.2015); *А сплю я и так плохо, почти ваще не сплю, бдю, чтоб кризис не начался.* (Кризис 30-летнего возраста (у мужчин), 2005-2012).

ГИКРЯ (550 фиксаций), например: *нет времени даже в жжж коммент написать. Френды я вас бдю, но не успеваю писать* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/funky_lizard/61923); *Не сплю уже двое суток. Бдю. К сожалению, бдю суету и являюсь её свидетелем* (URL: <https://m.livejournal.com/read/user/rafaelius/5169>); *какое счастье - пакет в руках. Ну и рефлекс – я же бдю. Мама ребенка даже понять не успела, что это было* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/alice_one/111129); – *Кто спящая?! Я не спящая! Я бдю! – Закричала Виола, вскочила на ноги и тут же упала обратно* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/mockin_byrd/3671); *Пока остывает приготовленное, я сижу на кухне и бдю)))* *Иначе – будет съедено без меня* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/mewsette_/119949/comments/p1).

Бузить, ненормативная форма **бузю**:

НКРЯ – нет фиксаций.

ГИКРЯ (40 фиксаций на русском языке ¹), например: *"Почему я все время бузю, вредничаю, обижаюсь и т. п.?"* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/lesvesla/100900>); *отпуск... который, возможно, уже и накрылся... медным тазиком: (Мож поэтому бузю, ? Пойду-ка в спортзал схожу, дабы обезопасить*

¹ Материалы на других славянских языках в исследование не включаются.

коллег, родственников и знакомых :) (URL: Туда-сюда...: kroki_eg (livejournal.com))

Галдеть, ненормативная форма **галдю**:

НКРЯ (1 фиксация): – *И совсем я не так галдю*, – сказал *Изя миролюбиво*. (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный, 1972).

ГИКРЯ (1 фиксация): *и тд, всё в атком духе. простите меня плз. я галдю всё лето*. (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/kabarawka/52562>).

Галдеть, ненормативная форма **галжу**:

НКРЯ – нет фиксаций.

ГИКРЯ (3 фиксации): *с лихвой..... и вьёт свои сети... Иринка..... а я всё галжу.....про Любовь.....* (URL: ГИКРЯ, без ссылки); *Блин вообще нечего делать :(сижу тут на форуме www.ru галжу :)* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/gp_aka_gopal/33072); *нельзя зайти в кафе, где я кофе хочу попить? не галжу, не шумлю, никому не мешаю... сижу, починаю примус* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/moose_kazan/240152/comments/p1).

Дудеть, ненормативная форма **дудю**:

НКРЯ (1 фиксация): *Греюсь и дудю (дуду? дужу?) себе под нос что-нибудь интеллектуальное, вроде «Ах, вы, глазки (д) голубые, мне вас больше не видать..* (Юлий Даниэль. Письма из заключения, 1966-1970).

ГИКРЯ (12 фиксаций), например: *мебель, может съезжают...)* *Кстати, открытие – сурдина на иврите будет ам'ам. Дудю понемногу. Утром, днем и вечером. Последнее достижение – нота соль.* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/spikkar/94883>); *дарить мне подарки!.. Великолепная Дашка подарила мне флейту. Теперь я дудю (учусь играть то есть) когда можно* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/mirr_ra/51053); *Умею читать и разбирать ноты, но медленно. 2. Под настроение дудю на блок-флейте 3. Могу выдуть из обычной флейты пять нот* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/_lestar_/456098); *День № 8. купила губную гармошку и вечерами,*

перед сном, печально дудю в неё как пленный немец. Смотри-ка! Скоро я научусь дудеть (URL: http://m.livejournal.com/read/user/fuzi_m/98970); *Дудю – значит существую!* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/aktqnf/62224/comments/p1>); *Чего меня на музыку потянуло, не знаю. Сижу дудю. Оказалось шикарная штука для успокоения нервов. Моих. Не окружающих.* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/muquaribun/116862>); *Еще кучу всякого сделали, дудку поставили с отдельной кнопкой, теперь дудю как паровоз))) сегодня с утра уже подудел одному "шумахеру"))* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/de_maniac/67184); *выросла у меня в саду На веранде я сижу и дудю в дуду Пусть соседи злятся, и исходят потом* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/mborg/168086>); *Купила себе вот такую блок-флейту и дудю в неё второй день. Пытаюсь сыграть "Greensleeves", что-то даже получается* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/iffin/552422>).

Большинство примеров фиксируют слово дудеть в прямом значении 'играть на дудке или каком-либо другом духовом инструменте', но в одном примере в ГИКРЯ представлено и идиоматичное переносное значение 'разг. однообразно и надоедливо говорить о чем-либо; повторять, твердить одно и то же': *если прописать подобные шокирующие данные в отчете..... И опять я дудю в свою любимую графоманскую недофэнтезийную дуду.* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/flronetinayzl/14990>).

В примере из НКРЯ видно сомнение героя при выборе формы, в отличие от данных ГИКРЯ, где авторы сообщений не сомневаются в выборе формы.

Дерзить, ненормативная форма ***дерзю***:

НКРЯ (1 фиксация): – *Не дерзи. – Я не дерзю. То есть не держу.* (В.П. Катаев. А+В в квадрате, 1917).

ГИКРЯ (57 фиксаций), например: *Я огрызаюсь, я дерзю, строю из себя жесткую, безпощадную, но вы не знаете как многое осознала; Я увидела как я бываю не права, когда дерзю и оговариваюсь с родными, когда закатываю скандал любимому*

человеку; всем дерзю и хамлю! короче хам; А чего ты не говоришь, то я дерзю? или дерзлю?))) Я ж ужасно невоспитанная, да; Я сегодня дерзю, отпускаю саркастичные шуточки, матерюсь, а знаете почему? (URL: ГИКРЯ, без ссылки); а я сегодня хамлю я хамлю и дерзю) вчера хотелось плакать, но сдержалась, перед машикой неудобно хыхы))) (URL: http://m.livejournal.com/read/user/twice_typical/77094/comments/p1); на продавцах или маршрутиках. 5. прихожу в магазин, выпендриваюсь и дерзю в отношении сервиса (чем вам помочь? – материально! (URL: http://m.livejournal.com/read/user/lagu_lagu/296237/comments/p3); опаздываю на работу, засиживаюсь там до вечера, заигрываю с сисадмином, дерзю начальству, ленюсь, отчаянно совершенно ленюсь, рисую, ничего не пишу (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/aesly/33525>).

Ерундить, ненормативная форма **ерундю**:

НКРЯ – нет фиксаций. Важно подчеркнуть, начальная форма **ерундить** представлена в НКРЯ всего 8 вхождениями.

ГИКРЯ (7 фиксаций): *наступает в 3 часа дня, поднимает боевой дух. меня прёт. Ерундю людей. они веселятся от чего-то мое призвание – повышать людям настроение* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/lo_ollipop/5639); *ага, у неё)) Да ниши, я не ерундю – просто удивилась существованию такого мнения))* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/shoko_lapka/161408/comments/p5); *Какие-то всё загогулины и перевертышии получают. Вывод – вывода нет! Просто ерундю тут потихонечку... А вообще, сегодня пятница, и я иду пить* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/lena_rapunzel/10759); *понедельник. выходная я, отпускная я, рабочее место ничего не значит, ерундю и хочу рассказывать про то, как было, но не получается* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/passodobl/189802>); *написано: "а может, ты просто ПРИВЫКЛА, что ты ее любишь" ерундю совсем, или в этом есть доля смысла?* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/passodobl/223307>); *из слов и фраз на холсте ворда, а пока просто ерундю в своем ЖЖ и помогаю мужу* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/nik_snider/

55895/comments/p3); удивленно подсказывают. А я понять не могу и еще больше ерундю. Недопереученная пианистка, которая Борис Борисыч (URL: http://m.livejournal.com/read/user/nastasja_345/31075).

Рысить, ненормативная форма **рысю** не имеет вхождений в НКРЯ, и имеет 6 вхождений в ГИКРЯ, например:

зари и до зари. прыжок вольтрап и джигитовка, прыжок, галопом, рысю, в шаг. Затем домой идем (ГИКРЯ, без адреса); Рысю и галопирую) (ГИКРЯ, без адреса); рысю в ижевск (ГИКРЯ, без адреса); лошадкой! Она идёт и я иду, она рысит и я рысю. Один раз даже получилось что наши лошади боком шли, обычно плотют мало. Так что я обычно вздыхаю так завистливо и рысю дальше к метро, на работу. Там все-таки платят побольше (<http://m.livejournal.com/read/user/kolitch/10969>).

Победить имеет три варианта формы первого лица единственного числа: **победю**, **побежу** и **побежду**, и многие контексты в корпусах свидетельствуют о сомнении и демонстрируют перебор вариантов форм при их использовании, что показывает определенное равноправие между ними. Отдельно приводим контексты, где присутствует несколько форм:

НКРЯ: «А ведь по-русски нельзя сказать от первого лица единственного числа: «Я побежу...» или «Я победю...», – подумал Сережа. (Евгений Евтушенко. Ягодные места, 1982).

ГИКРЯ, например: *В детстве всегда мучил вопрос как правильно сказать – "я тебя победю" или "я тебя побежду", и сейчас мучает)); мне и даром не надо – Чуду-юду я и так победю.... Владимир Высоцкий; я дракон и я тебя победю.... нет..побежу!.....не....карочь ты падёш передо мной (URL: ГИКРЯ, без ссылки); Приобщаю мужа к правильному питанию. Всё равно я победю ... побежу..)) Надеюсь и со спортом подружусь такими темпами! #пп#правильноепитание#правильное_питание (URL: ГИКРЯ, без ссылки); еще не зарегина!!! Держись там у меня! В следующем точно победю,*

нет побежду.. не... ну в общем ты поняла!!! (URL: http://m.livejournal.com/read/user/kar_damon/57161/comments/p2); Как правильно: "победу витерана" или "побежду валитирана"? Никак! У глагола "победить" нет формы 1-го лица ед. Вопрос как правильно сказать – "я тебя победу" или "я тебя побежду", и сейчас мучает)) (URL: ГИКРЯ, без ссылки); мороз, Лишь бы медом был вымазан нос! nbsp; Победу... Нет, побежду ! Побежду я любую беду, Лишь бы были все лапки в меду (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/citlalizs/111268>); кто в Адидасе и кто в Абидасе. Вернусь и победу... побежду... ну, в общем, протриумфирую над рефлексирующим соперником. (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/meshavkin/33577>); что-то там делать. Но я не выгорю, нет. Победу (нет, побежду (с) Винни-Пух) любую хандру и умело спрячу (URL: http://m.livejournal.com/read/user/_volta_/206480); хорошо, что там не было "победу" и "побежду"... (URL: http://m.livejournal.com/read/user/sherry_1111/62730/comments/p1); не имеет будущего времени первого лица. Нельзя сказать "победу" или "побежду". Но – мы победим. Будущее время множественного числа Жизнеутверждающе. (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/myjj/63248>); Спасибо! Вот как лень свою побезу, побежду))) , тьфу, ну ты поняла, так сразу покажу фотки. (URL: http://m.livejournal.com/read/user/mavi_boncuk/20921/comments/p1); так! Кофе называется "эспрессо". "эспрессо"! 3. Как правильно: "победу" или "побежду"? Никак! У глагола "победить" нет формы 1-го лица единственного числа (URL: http://m.livejournal.com/read/user/pretty_grace/33965); и не написал открытым текстом, то я победу природную лень, побежду время и расстояния, одержу победу над всеми препонами (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/kotionische/42093>); я победу, не, я побезу... ой не.. то есть побежду (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/lenivka/319642>); скажите, а как правильно. Я побезу я победу я побежду (я побеждаю не катит, я же не начала еще ничего (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/jackara/228627>); от того, как он говорил в детстве: победу,

побежу или побежду. Это выражение отношения человека к победе, или лидерству, в принципе (URL: http://m.livejournal.com/read/user/movie_show/232460); *Только этого мне не хватало Но я опять победу (побежу, побежду) себя. ;)* *И вообще, все просто отлично.* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/ne_zanuda/19437); *искать, учить, читать... смотреть... эх! И Китай я победу! или побежду!.. ха) или выйду победителем в этой неравной битве))* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/nepipeya/12873>); *мааааленький кусочек, полностью покажу позже... когда я всех победу, или побежду ? ну вообще позже покажу:)))* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/maru_sechka/22387).

ненормативная форма **победю**:

НКРЯ (2 фиксации): – *Как получится. Я «победю» тебя... Папа рассмеялся и, чуть расспросив про жизнь-бытьё, поспешил к начальнику лагеря.* (Салават Вахитов. Разорванное сердце Адель // «Бельские просторы», 2013).

ГИКРЯ (65 фиксации), например:

Участвую в конкурсе :) Вот интересно, победу или не победу :)); Я всех победу и защиту! #e_ertolkovich #Belarus #Беларусь @Новогрудок (URL: ГИКРЯ, без ссылки); *тем, что хочу похудеть и убрать живот. Говорю – "Или я победу живот, или он победит меня"* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/t_a_r_n_a_t/6102); *желтая овальная луна смотрит и смеется надо мной. «Все равно победу!» – подумала я, и отвернулась и направилась к дому.* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/volkova1998/3333>); *пошли гулять.целый день вместе гуляли. может фотки выложу... если лень победу))* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/revelation/23347>); *пожират со всеми оставшимися конечностями и протезами, но я обязательно победу все обстоятельства и стану принцессой))))))))))* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/kozjvkina/8780>); *С другой – надежда еще не кончилась на то, что всех победу и наше дело правое.* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/chepuhovinka/164673>); *все*

понимаю, но вот не сложилось. Надеюсь как-то все же победу это в конце концов. (URL: http://m.livejournal.com/read/user/kir_ogglirin/57589/comments/p1); о, ты снова в свободном плавании... я тут если победу температуру, то постараюсь в чт притопать... (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/nserg/204359/comments/p1>); похвастаться (и не только похвастаться), осталось еще немного, и я победу всех своих драконов, тогда можно будет и за приятности приниматься (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/marinagiller/359393>).

Ненормативная форма **побежу** (в значении 'одержать победу'):

НКРЯ (2 фиксации): *Мы будем судорожно искать и найдем положительную степень от «лучший» и сравнительную от «хороший», именительный от «мне» и дательный от «я». «Я побежу» от «победить» ждет поэта. Все эти новые формы, вызванные к жизни как оружие против смысла, ибо смысл и содержание шокированы этими странными родами, заполнят скоро страницы книг и строки имажинистов. (В.Г. Шершеневич. 2×2=5, 1920). Бери, бери! – сталкер подмигнул ему и ссыпал гильзы в протянутую детскую ладошку. Все, теперь я побежу! Смотри, какие огромные – это будет спецназ! – радостно завопил мальчуган. (Дмитрий Глуховский. Метро 2033, 2005).*

ГИКРЯ (44 фиксации), например:

Я ЖИВУ! Пришла мысль уехать в Питер))) Сейчас здесь себя побежу, а дальше посмотрим. Часть вещей просто выбросила, надоели. (http://m.livejournal.com/read/user/masha_skorynina/95370); Это типа я завтра. Такая крутая – крутая, всех побежу, ля-ля-ля. Ругайте меня с 12 до 16. Ругайте последними словами (http://m.livejournal.com/read/user/jana_nox/495940); Если сегодня побежу я, а не компьютер, то это появится на страницах ЖЖ (<http://m.livejournal.com/read/user/lexyrussian/1862>); Я как-нибудь побежу. (сказал я твердо, хотя поджилки дрожали) (<http://m.livejournal.com/read/user/urzik/808870/comments/p2>); мама не горюй. Так что не пропускайте

репортажи, как только побежу интернет – будет еще интереснее. (<http://m.livejournal.com/read/user/protendersi/90978>); *Да хворобы одолели, теперь я их, так и побежу их всех.))* *Что-то год у меня "урожайный" на это* (<http://m.livejournal.com/read/user/shpilkes/121614/comments/p1>).

У ненормативной формы **побежду** в письменной речи прослеживается приоритет церковного стиля:

НКРЯ (9 фиксаций):

Девушки подписывали не глядя, рассуждая так: вероятность победы слишком мала, если же я все-таки побежду, то согласна на все! (Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009); *Умея много не ожидать от будущего, зная свои силы и возможности, я побежду, в конечном счете – это ясно.* (Г.С. Эфрон. Дневники. Т. 2, 1941-1943); *Когда Он увидит мое искреннее и твердое желание исцеления от душевного расслабления, мою теплую молитву о том, тогда скажет мне: возьми одр твой и ходи, – и я встану с одра сердечного расслабления и пойду, то есть, удобно – по благодати Его – побежду все страсти и совершу всякую добродетель.* (Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина о покаянии и Св. Причащении, 1903); *Сказал Господь владыке моему: будь по правую руку мою, пока побежду врагов твоих.* (Л.Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий (1902) // «Толстовский Листок – Запрещенный Толстой», № 6, 1995); *Я теку на брань и побежду; хочу, да по прибытии моем в Киев, когда сердца народные упоеваться будут радостию, – хочу, да первый, кто поздравит меня с победой, – будет прелестная София.* (В.Т. Нарезный. Славенские вечера, 1809); *Ни что же успеет враг на него, и сын беззакония не приложит озлобитый его, изсеку от лица его враги его, и ненавидящие его побежду».* (А.И. Богданов. Описание Санкт-Петербурга, 1751); *Отвещает Павел святой, яко рассуждают учителя церковнии: вся сила вражия, и все оружие его есть в теле, убо и глаголет: аз егда телу моему одолею, егда тело мое порабошу, то и в нем всю вражю побегну силу, тем самым бесов проклятых от себе*

отжжену, и непреборимый победитель буду. (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700-1722); *Егда побежду тело, то все мое совершу и дело.* (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700-1722); *Аз имам веру Божию, надеюся, яко побежду.* (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700-1722).

ГИКРЯ (27 фиксаций), например:

маленькое свинство для будущих победителей. Андрюха нашел такой выход: "Я побежду" (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/klaklo/362828>); *света меньше чем нужно (или я не могу...)). Если как-то побежду – вылож(д)у* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/ae187/12661>); *или бурным, каждый уверенно скажет себе: «Всё преодолею и сим побежду».* (подсмотрела у Бориса Акунина – новогоднее) (URL: http://m.livejournal.com/read/user/son_neson/69911);

предстательство Твое стяжав, Пречистая, не убоюся : пожену враги моя и побежду я, во един оболкийся, яко в броня кров Твой (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/aspammer/570355/comments/p1>); *совмещать аутотренинг "я побежду болезнь!" с питьем чаев – медов – лимонов – трав – витаминов? =>* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/goldfish/279781/comments/p1>); *В таком случае Задорнов не победит. А я побежду!* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/bryaka/10267/comments/p1>); *отношения человека к победе, или лидерству, в принципе. У Ваньки "побежду".* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/movie_show/232460); *прогрессором дальних миров, Полечу на Сараки я, пускай он суров, Побежду там Неизвестное Отечество, Принесу тем самым пользу человечеству.* (URL: <http://m.livejournal.com/read/user/noon22/41013>); *я это... 33 буквы освоил, а 7 нот никак не побежду :)* (URL: http://m.livejournal.com/read/user/blood_again/14696/comments/p1).

Убедить, ненормативная форма **убедю**:

НКРЯ: *Не послушают? Убедю. Скажу, ехайте в Израиль к деду своему Науму, пока он еще с крыльца не двинулся.* (С.Е. Каледин. Тахана мерказит, 1995);

ГИКРЯ:

Убежу и убежду:

Тем более, я здесь Никто, меня всё равно не станут слушать. – Сейчас я их убеждю! Убежусь? Убегу! (Юлия Рабинович. Алисы не стареют, 2015);

Я их убедю. Я их убежусь. Я их убеждю. (П.П. Улитин. Ксенофоб (1970) // «Волга», 2013);

– Ваше величество, я должен заметить вам, что вы выразились резко: ограничение прав монарха – вовсе не позорный акт. Сейчас я убежусь вас в этом... Все это время вы разделяли со мной тот взгляд, что пора дать империи большую самостоятельную волю... (Р.Л. Антропов. Герцогиня и «конюх», 1903);

Вряд ли я вас убежду в моем взгляде, – но мне крайне желательно было бы, чтобы вы убедили меня. (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й, 1877);

Шелестеть, ненормативные формы **шелестю** и **шелесту**, не имеют фиксаций в НКРЯ.

Шелещу

НКРЯ (1 фиксация):

Я снял холодноватые сапоги, в туфлях, позевывая, шелещу длиннейшей широченной газетой «Русское Слово». (Р.Б. Гуль. Конь рыжий, 1952).

Один, не зафиксированный в НКРЯ пример из литературы, представлен в творчестве Д.И. Хармса:

И сон ленивыми перстами

Твоих касается ресниц.

И я бумажными листами

Не шелещу своих страниц¹.

ГИКРЯ (12 фиксаций), например:

думаю и совсем неслышно вздыхаю . совсем растворилась в воздухе и шелещу где-то глубоко словно темно-зеленый лист (http://m.livejournal.com/read/user/ma_rj/6874); *американских*

¹ Цит. по: Хармс Д. Полное собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1997. С. 277-278.

фильмов ... по крайней мере, я все-таки уже не шелещу, как это было сегодня после кладовки ... \$ однако, мне понравилась рекомендация (<http://m.livejournal.com/read/user/ashamaria/87344>); Почему-то не глотаю обжигающий кофе. Шелещу вокруг, потягивая аромат и потом, уставившись на чашку, забираю тепло (<http://m.livejournal.com/read/user/raschudesatajak/13218>); и бредём к источнику веселья. - Что происходит?! – прямо в ухо шелещу Коту. - Мы ж даже не опятьдесятграммились! (<http://m.livejournal.com/read/user/choray/156852>);

Шкодить, ненормативные формы **шкодю** и **шкожду** не имеют фиксаций в НКРЯ.

шкодю

ГИКРЯ (54 фиксации), например:

Сегодня ровно год как шкодю на дорогах и не совсем на дорогах. (http://m.livejournal.com/read/user/photo_ilius/4481); Но это мой блог. И я тут шкодю. Муахахаха!!! (http://m.livejournal.com/read/user/tolstaya_kniga/8929); Кто же тот счастливец (или счастивица =)??? P.S. Шкодю, шкодю, каюсь, но настроение такое, мммм, веселое!!!!!!! (<http://m.livejournal.com/read/user/butterffly/127124/comments/p1>); я не пишу и не читаю, а только болтаю и шкодю)) (<http://m.livejournal.com/read/user/bezhala/602700>); PS Вчера остановилась и вспомнила, что уже год шкодю на машинке ... PPS играем водевиль ... (http://m.livejournal.com/read/user/_rutt_/75061); к Семиному лотку и обязательно оглядывается, ну, смотрите, я же шкодю, ловите меня. Играет в догонялки. (http://m.livejournal.com/read/user/cousin_ka/9496); А я вот так шкодю и плачу. А N желеет и гладит по головке. (http://m.livejournal.com/read/user/man_ia_ko/156677); Патамушта я исчезла с его АйФоня. Значит – шкодю. Ну и ладно. Ну и не буду. (http://m.livejournal.com/read/user/_fro_/2970952).

Шкожду не имеет фиксаций в ГИКРЯ и других источниках.

Настоящее исследование является короткой заметкой, обращающей внимание на соотнесение лексических реализаций в речи разных источников.

Анализируемые слова неравномерно распределены в разных формах речи, и их нормативность часто обусловлена историческими причинами. На этих примерах ярко виден неравномерно проходящий процесс нормализации форм в русском языке, с учетом того, что у глаголов вроде *затмить* форма *затмлю* является нормативной, в отличие от *затмю*, а у глаголов типа *бороздить* нормативная форма *борозжу*, в отличие от *бороздю* при практически равных количественных показателях употребления в разных формах речи.

Отсутствие неcodифицированных форм недостаточных глаголов в устной речи может быть продиктовано наличием мгновенной реакции оценки на живую речь, таким образом в интернет-коммуникации мы позволяем себе больше свободы, чем при устном общении. Но эта гипотеза требует проверки полевыми методами.

Литература

Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Отв. ред. С.С. Сай. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 624 с.

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.; 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 709 с.

Генеральный интернет корпус русского языка, URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/> (дата обращения: 15.12.2024). – ГИКРЯ.

Гурин Г.Б. Личная парадигма глагольного пассива: соблазны интерпретации // Культура: соблазны понимания: В 2 ч. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. Ч. 1. С. 161-169.

Еськова Н.А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014. 536 с.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 1987.

Корпус русской повседневной речи «Один речевой день», URL: <https://ord.spbu.ru/> (дата обращения: 15.12.2024) – ОРД.

Москвин В.П. Недостаточные глаголы в современной русской речи // Русский язык в школе. М.: 2015. № 1. С. 60-67.

Национальный корпус русского языка, основной корпус, URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.12.2024). – НКРЯ.

Национальный корпус русского языка, подкорпус «Социальные сети», URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggW> (дата обращения: 15.12.2024). – НКРЯ СС.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2016.

Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Русский орфографический словарь: около 200000 слов / Отв. ред. В.В. Лопатин, О.Е. Иванова, 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. 896 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1948-1965. – БАС.

Улукханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М., 2015. 330 с.

Улукханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. 516 с.

Храковский В.С. Приглагольные аспектуально-модальные показатели в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2024. Т 20. Ч. 1. С. 227-247.

Korolkova M.D., Shevchenko N.V. Usage of defective verbs in different speech forms: a corpus-based study. Part I

In this essay we analyze the quantitative parameters of the usage of Russian defective verbs as represented in electronic corpora focusing on the verbs which lack the 1st person singular form in Standard Modern Russian. Drawing from the everyday colloquial experience of native speakers as well as the data available on the Internet, we provide a bunch of alternative forms for the verbs in question. Having detected the number of tokens representing nonstandard forms for each of the aforementioned verbs as well as the interrelation between their instances, we come to the conclusion that such forms are prevalent in the Internet-communication.

Keywords: verbs, defective verbs, Internet-communication, Russian National Corpus, RNC, General Internet-Corpus of Russian, GICR, One Speech Day, OSD.

Ларина Алина Андреевна

Донецкий государственный университет

**Грамматические модели релятивных эквивалентов
абброконструкта как средство представления его семантики**

Статья посвящена описанию семантической эквивалентности релятивных и презентативных дешифровальных стимулов на примере аббревиатурных групп с абброконструктами *авиа-*, *авто-*, *энерго-*, *муз-*, *бак-*, *нефте-*, *броне-*, *мор-*, *бур-* и др. Автором определено понятие «дешифровальный стимул», представлена типология дешифровальных стимулов (презентатив, релятив, модификатив), установлено формальное соответствие интерпретативов и презентативов. В статье рассмотрено понятие эквивалентности, представлено определение гнезда эквивалентности, описана методика определения значений различных абброконструктов и соответствующих им адъективов. Автором описан ономаσιологический подход, а также его значение для определения семантики абброконструктов. Приведены примеры словарных статей прилагательных, значение которых определены при помощи описанной в статье методики установления семантики абброконструкта и прилагательного. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для коррекции описаний значений дешифровальных стимулов в словарных статьях Словаря сложносокращенных слов.

Ключевые слова: абброконструкт, дешифровальный стимул, релятив, презентатив, модификатив, гнездо эквивалентности.

Целью предлагаемой статьи является определение общей модели использования эквивалентов сложносокращенного слова для трактовки значения абброконструкта и выделение основных принципов, необходимых для осуществления семантических трактовок абброконструктов. Основной задачей является определение закономерностей реализации презентативных

дешифровальных стимулов в качестве базовой дешифровки абброконструкта. Объектом исследования определены сложносокращенные слова. Предметом выступает релятивный дешифровальный стимул, осуществляющий ономаσιологическую интерпретацию абброконструкта.

Под абброконструктом мы понимаем конструкт аббревиатуры, сокращенный эквивалент какого-либо слова коррелирующего с ней словосочетания [Теркулов 2016: 16]. Например, абброконструкт *мор-* эквивалентен слову *морской* (*морфлот – морской флот*), для абброконструкта *бур-* выделяется эквивалент *бурильный* (*буринструмент – бурильный инструмент*) и др.

Эквивалент аббревиатуры – это 1) словосочетание, совпадающее по значению и функциям с аббревиатурным словом и употребляющееся с ним в эквивалентном тексте; 2) компонент словосочетания, деривационно и семантически соответствующий абброконструкту или композитному конструкту, а также абброконструкт или композитный конструкт по отношению к соответствующему ему компоненту словосочетания [Теркулов 2016: 22], например *нефтесмесь – нефтяная смесь, нефтесодержание – содержание нефтепродуктов, нефтеразлив – разлив нефти, нефтеторговля – торговля нефтью, нефтепоставки – поставки нефти*.

Множественная эквивалентность характерна для сложных аббревиатурных обозначений на синхронном срезе языка. Множественной эквивалентностью обладает, например, сложносокращенное слово *автозапчасти*, для которого в текстах мы обнаруживаем расчлененные корреляты *запчасти на авто; запасные части автомобиля; автомобильные запчасти; запчасти для автомобиля; запчасти для автомобилей; запасные части к автомобилям; запасные части для автомобилей; запчасти для авто; запасные части для авто; запчасти на автомобили; автомобильные запасные части; запчасти на автомобиль; запчасти к автомобилям; запчасти автомобиля; запчасти автомобилей; запасные части для автомобиля*. Это

формирует гнездо эквивалентности аббревиатуры, под которым мы понимаем единство актуально сосуществующих словосочетаний, объединенных мотивационной связью и отношениями формально-семантической эквивалентности с аббревиатурой. Например, для аббревиатуры *нефтехранилище* обнаруживаются следующие эквиваленты, формирующие ее гнездо эквивалентности: *хранилище нефти*, *хранилище нефтепродуктов*, *нефтяное хранилище*, *хранилище для нефтепродуктов*, *хранилище для нефти*.

Причиной множественной дешифровки становится наличие у аббревиатурного конструкта, входящего в структуру слова, нескольких дешифровальных стимулов: гнездо эквивалентности – это совокупность реализаций дешифровального стимула одного сложносокращенного слова [Бровец 2016: 52]. Под дешифровальным стимулом мы понимаем «стереотип расшифровки аббревиатурного конструкта» [Теркулов 2016: 19].

Дешифровальный стимул представлен в языке тремя разновидностями:

1) Презентативной (базовая дешифровка, обобщенная квалификативную трактовка конструкта сложносокращенного слова, представляющая собой адъективное словосочетание, например *авиасоглашение* – *авиационное соглашение*, *морпехота* – *морская пехота*, *энергоресурс* – *энергетический ресурс*);

2) Релятивной (регулярные стереотипные модели расшифровок, которые реализуются в актантной и актантно-числовой семантике эквивалентных словосочетаний [Теркулов 2017: 76]. Актантную роль возможно определить при помощи глубинных падежей, например, *нефтепоставки* – *поставки нефти* – дистрибутив, *диетотерапия* – *терапия диетой* – собственно медиатив, *культработник* – *работник отдела культуры* – поссессив, *нефтьесмесь* – *смесь нефти* – фабрикатив, *автовидеорегистратор* – *видеорегистратор автомобиля* – поссессив, *нефтьетерминал* – *терминал нефти* – дестинатив).

3) Модификативной (включают в свой состав дополнительный ономазиологический признак, отсутствующий в

структуре сложносокращенного слова, например *нефтепродукт* – *продукт переработки нефти*, *нефтепотребление* – *потребление нефтепродуктов*).

Презентативные дешифровальные стимулы обычно представляют собой относительные прилагательные, обозначающие признак объекта через отношение к другому объекту.

Ономасиологический подход предполагает определение актантной роли аббревиатурно-эквивалентных слов, т. е. сокращенных компонентов аббревиатур, в эквивалентных текстах. Такими словами в стимулах реляционного декодирования являются существительные. Это связано с тем, что именно существительное играет в предложении актантную роль, понимаемую как роль элемента событийной пропозиции.

Разновидностью этого подхода является прогнозирование релятива с опорой на его семантику (толкование). Е.Н. Михайлова утверждает: «Прогнозирование релятива связано с наличием референта в толковании сложносокращенного слова и его актантной реализации в эквивалентном словосочетании» [Михайлова 2018: 77]. В значении сложносокращенного слова **автовозждение** «управление автомобилем» есть референт «автомобилей», который полностью реализован релятивным дешифровальным стимулом **возждение автомобиля**, например: **втвозждение** и обучение теории идут рука об руку до получения прав! – Начинаящие **возждение автомобиля** женщины равно как и продолжающие обучаться составляют сегодня примерно половину от всех обучающихся у нас. [<http://avtoshkolaspb.com/uroki-vozhdeniya-dlya-nachinayushchikh-dopnakaty>]. В значении сложносокращенного слова **автотовары** «автомобили, комплектующие и аксессуары к ним как предмет торговли» присутствует референт «автомобили», который может быть реализован в эквивалентном словосочетании **товары для автомобилей**, например: **Автотовары** – это такая категория **товаров для автомобилей**, которая включает в себя огромное количество видов.

Семантика абброконструкта и прилагательного определяется через семантику эквивалентных интерпретативных конструкций, что позволяет нам использовать эквивалентностные отношения «абброконструкт – презентатив – интерпретатив» для определения системы значений абброконструкта и презентатива. Таким образом, можно говорить о семантическом соответствии презентативов и релятивов, т. е. о возможности использовать конструкцию с релятивом для интерпретации презентатива – прилагательного. Например, на основе сопоставления *автобензин – автомобильный бензин, бензин для автомобиля* выделяется значение прилагательного «предназначенный для автомобиля», у *автоколонна – автомобильная колонна, колонна из автомобилей* отмечается значение «состоящий из автомобилей», *автотелевизор – автомобильный телевизор, телевизор в автомобиле* – «находящийся в автомобиле», *автокомпрессор – автомобильный компрессор, компрессор на автомобиль* – «устанавливаемый на автомобиль», *автодетали – автомобильные детали, детали автомобиля* – «являющийся принадлежностью автомобиля», *автокража – автомобильная кража, кража из автомобиля* – «осуществляемый из автомобиля» и т.д.

Ономасиологический анализ презентативных и релятивных дешифровальных стимулов позволяет нам определить семантику и представить систему значений абброконструктов:

1) *инвестдоговор – инвестиционный договор* (презентатив) – *договор инвесторов* (релятив): *инвестиционный* как «объединяющий инвесторов»;

2) *нефтеимпорт – нефтяной импорт* (презентатив) – *импорт нефти* (релятив): *нефтяной* как «реализующий ввоз нефти»;

3) *военакадемия – военная академия* (презентатив) – *академия военных* (релятив): *военная* как «обучающая военных»;

4) *энергокризис – энергетический кризис* (презентатив), *кризис в энергетике* (релятив): *энергетический* как «возникший в энергетике».

Применение приведенной выше методики позволяет составить словарные статьи для различных аббреконтруктов и соответствующих им прилагательных:

Авто-, Автомобильный, -ая, -ое: предназначенный для автомобиля (*автобензин*); состоящий из автомобилей (*автоколона*); находящийся в автомобиле (*автокомпьютер*); устанавливаемый на автомобиль (*автобагажник*); являющийся принадлежностью автомобиля (*автозапчасть*); использующий автомобиль (*автоперевозки*); специализирующийся на ремонте автомобиля (*автосервис*); характерный для автомобиля (*автополомка*).

Авиа-, Авиационный, -ая, -ое: предназначенный для авиации (*авиадвигатель*); использующийся в авиации (*авиамасло*); осуществляемый авиацией (*авиаудар*); проводящийся за авиакомпаниями (*авианадзор*); осуществляющийся на авиалайнере (*авиакруиз*); работающий в авиации (*авиамастер*); исходящий от авиадвигателя (*авиашум*); объединивший авиалюбителей (*авиакружок*); специализирующийся на авиабилетах (*авиакомпания*); контролирующий правила авиабезопасности (*авианадзор*).

Бак-, Бактериальный, -ая, -ое: изучающий бактерии (*баклаборатория*); направленный на бактерии (*бакэксперимент*); выявляющий наличие бактерий (*баканализ*); осуществленный бактериями (*бакзагрязнение*).

Муз-, Музыкальный, -ая, -ое: специализирующийся на изучении музыки (*музшкола*); лечащий музыкой (*музтерапия*); созданный для музыкантов (*музкружок*); рассказывающий о музыке (*музпрограмма*); собравший музыкантов (*музгруппа*); отведённый для музыки (*музчас*).

Нефте-, Нефтяной, -ая, -ое: осуществляющий перемещение нефти (*нефтеэкспорт*); предназначенный для нефти (*нефтебак*); получаемый из нефти (*нефтепродукт*).

Энерго-, Энергетический, -ая, -ое: происходящий в энергетике (*энергокатастрофа*); объединивший энергетиков (*энергосаммит*); предъявленный за использованную энергию

(*энергосчет*); необходимый для производства энергии (*энергоресурсы*); используемый в области энергетики (*энергооборудование*); осуществляющийся в сфере энергетики (*энергоконтроль*); возникший в энергосистеме (*энергосбой*); выделяемый энергоустановкой (*энергомощность*).

Семантическое соответствие презентативных и релятивных дешифровальных стимулов позволяет говорить о возможности использовать конструкцию с релятивом для интерпретации презентатива – адъектива и определить систему значений аббреконтруктов. При помощи текстового анализа мы смогли определить, что презентативные и релятивные дешифровальные стимулы эквивалентны. Опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что эквивалентность дешифровальных стимулов определяется формальным соответствием релятивов и презентативов, которые требуют подробного анализа и тщательного описания, что и предполагается осуществить в последующих исследованиях по данной тематике.

Литература

Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е.В. Горохов, Н.М. Зайченко и др. Макеевка: ДонНАСА, 2016. С. 51-57.

Михайлова Е.Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов // Новые горизонты русистики. 2018. Вып. 6. С. 74-80.

Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. Вып. 3(29). Языкознание. Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. С. 13-24.

Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 73-97.

Larina A.S. Grammatical models of relative equivalents of an abbroconstruct as a means of representing its semantics

This article is devoted to the description of the semantic equivalence of relative and presentational decoding stimuli using various abbreviation groups as examples. The author defines the concept of "deciphering stimulus", presents a typology of decoding stimuli (presentative, relative, modificative), and establishes a formal correspondence between interpretatives and presentatives. The article examines the concept of equivalence and presents a definition of an equivalence nest. The author examines a technique for determining the meaning of various abbreviated constructs and corresponding adjectives. The author describes an onomasiological approach and its implications for determining the semantics of abbreviated constructs. The author provides examples of various dictionary entries for adjectives, the meanings of which are determined using the technique for determining the semantics of an abbreviated construct and an adjective described in the article. The results of the study can be used to correct the descriptions of the meanings of decoding stimuli in dictionary entries of the Dictionary of Compound Abbreviated Words.

Keywords: abbroconstruct, decoding stimulus, relative, presentative, modificative, equivalence nest.

Рогатнева Анастасия Борисовна
Смоленский государственный университет

Лексико-семантическая группа «Облако» в смоленских говорах

Смоленские говоры представляют собой важную область для изучения, так как способствуют расширению знаний об особенностях южных говоров в целом. Большой интерес вызывают слова, обозначающие явления погоды (метеорологическая лексика), которые остаются малоизученным тематическим пластом лексики русских говоров. Данное исследование поставило перед собой цель рассмотреть лексико-семантическую группу «Облако» смоленских говоров с позиции влияния аффиксального окружения на процесс становления семантики. Полученные результаты подтвердили выдвинутую перед нами гипотезу, согласно которой в метеорологической группе лексики смоленских говоров ключевую роль в передаче семантики играет окружение корневых морфем. Также нами был рассмотрен вопрос уникальности изучаемых единиц с позиции их морфемной структуры и словообразовательной модели в сравнении с другими южными говорами, вопрос этимологической природы данной группы лексем и морфонологические преобразования, отразившиеся на внешнем облике этих лексем.

Ключевые слова: региональная лингвистика, семантика, аффиксальное окружение, смоленские говоры.

Смоленские говоры представляют собой сложное явление за счет неоднородной диалектологической истории области. По этой причине интерес к диалекту Смоленска неиссякаем и требует большей научной проработки.

В нашем исследовании мы решили обратить внимание на лексему «облако», которая представлена в смоленских говорах следующими единицами: *бóлоко, болáк, болочѝна, болочѝнка,*

заволо́ка, на́волочь, облачи́на, за́мози, потягу́шки, мо́рок. Данная группа слов, объединенная лексически, выделяется, в первую очередь, различными мотивирующими основами и способами образования, а во вторую, этимологической отдаленностью литературного варианта и диалектной лексемы (близки (но различны по начальным об-, в- или не имеют префикса) или близость отсутствует). По этой причине, задачами нашего исследования являются не только рассмотрение роли аффиксального окружения на формирование лексем, но и попытка этимологического объяснения становления рассматриваемых единиц. Важной частью нашего исследования является также сопоставление смоленских говоров с говорами южными: брянскими и курскими. Полученные данные позволят сделать вывод о специфике становления смоленского говора.

Исследуемые слова можно разделить на три группы с позиции мотивирующих основ и этимологической отдаленности (в сравнении с литературной нормой):

1. Общая мотивирующая основа; слова этимологически близки (не имеют префикса/ имеют начальное об-): *заволо́ка, на́волочь, облачи́на.*

2. Общая мотивирующая основа; слова этимологически отдалены (имеют начальное в-): *бо́локо, бола́к, болочи́на, болочи́нка.*

3. Разные мотивирующие основы; слова не имеют этимологической связи: *за́мози, потягу́шки, мо́рок.*

Прежде чем рассматривать сами лексемы, обратимся к этимологии. О.Н. Трубачев предполагает, что «облако» произошло от *obvelkt'i, то есть облака как бы покрывают, одевают небо [ЭССЯ 31: 87]. Отметим, что в этимологической основе произошли морфонологические изменения на границе префикса *об-/о- и корня, начинающегося с v- (утрата v после шумного b), а также чередование корневого гласного (ступень *e в глаголе/ ступень *o в имени). Подробнее вопрос изменения исходного комплекса obv- мы рассмотрим на примере второй группы.

Рассмотрим первую группу слов. Две лексемы из трех имеют полногласие, не сохранившееся в литературной норме: *заволо́ка*, *на́волочь*. Но причина кроется, вероятнее всего, в производной основе «волочить», родственной этимологической основе.

- Первая лексема *заволо́ка* ('низкие облака, туман'), (*сянни свету божыга ни видна, зъвалока кругом. САФ. Святцево* [ССГ 4: 49]) образована от «заволакивать» путем усечения суффикса -ива и последующей субстантивации.

- Вторая лексема *на́волочь* ('облако, туча, туман'), (*навыльць усе уремя. Хъч бы солнушка глянула. ЕЛЬН. Н. Боровка* [ССГ 6: 143]) образована от «наволакивать» путем усечения суффикса -ива и последующей субстантивации или же глагола «наволочь» путем субстантивации со смещением ударения.

Примечательно, что рассматриваемые лексемы с учетом производящих основ отличаются префиксами, которые и формируют их лексическое различие: префикс за- обозначает покрытость, закрытость, заполненность [Лопатин, Улуханов 2016: 81], а префикс на- – «накопится в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [Лопатин, Улуханов 2016: 106].

В данной группе осталась одна лексема, отличающаяся от предыдущих сохранением неполногласия и начальное об-

- Третья лексема *облачѝна* ('облако, небольшая тучка'), (*с етый аблачины дыжжа ня будить. САФ. Клемятино* [ССГ 7: 123]) образовано от «облако» с помощью суффикса -ин(а) со значением предмета, такого же, как названный мотивирующим словом, но меньше его [Лопатин, Улуханов 2016: 382].

Показательно, что данная группа лексем не уникальна для смоленских говоров, а является общей для южных говоров. Так, лексема *заволо́ка* встречается в курских говорах, но с акцентологическими изменениями [СКГ 4: 87]); лексема *на́волочь* встречается и в курских [СКГ 6: 180]), и в брянских [БОС: 209]) говорах с тем же значением; а лексема *облачѝна* в рассматриваемых областях не встречается.

Обратимся ко второй группе. Но прежде чем говорить о словообразовательном аспекте, раскроем вопрос изменения исходного комплекса *obv-* в рассматриваемых словах: появление начального *b-* в данных лексемах связано с преобразованием **obv-* > *ob-* (что мы наблюдали в предыдущей группе) с дальнейшей утратой начального гласного *o*. Особенностью данной группы является также сохранение полногласия во всех рассматриваемых лексемах.

Теперь возвратимся к словообразованию. Вероятнее всего, данную группу мотивирует устаревшее имя существительное «оболоко», таким образом:

- Первая и вторая лексемы *бóлоко* ('облако'), (*бълыка на неби шеры*. СМОЛ. Агапоново [ССГ 1: 215]), *болáк* ('облако'), (*пагода сяння надёжныя: разъм и сонца выглитить, а то и бълак найдеть, ды и дош пайдеть*. ДЕМ. Капжурино [ССГ 1: 212]) являются прямым следствием утраты начального гласного *o*. Данные лексемы различаются лишь родовой принадлежностью и местом ударения.

- Третья лексема *болочíна* ('облако'), (*эта бълачина сичас сонца закрытьть*. ЕЛЬН. Матренино [ССГ 1: 218]) образована от *бóлоко* с помощью суффикса *-ин(а)*, за значением предмета, названный мотивирующим словом с изменением родовой принадлежности [Лопатин, Улуханов 2016: 384].

- Четвертая лексема *болочíнка* ('кусочек облака'), (*Это какоето слизистое вещество, похожее на густой студень; находят прямо на поле пли вообще на сыром месте после дождя; уверяют, что это оторвавшиеся частицы от облаков*. Добров. 1914 [ССГ 1: 218]) является производным от третьей лексемы путем суффиксации (суффикс *-к(а)* со значением одного куска вещества, материала, названного мотивирующим именем существительным [Лопатин, Улуханов 2016: 468]).

Данная группа также встречается только в брянских говорах с тем же значением [СБГ 1: 87, 67, 68]), кроме лексемы *болáк*, которая не представлена ни в одной из рассматриваемых областей.

В третьей группе мы рассмотрим слова, отличающиеся мотивирующей основой.

- Первая лексема *зámози* ('перистые облака'), (*аблѣка замызи к нинастю*. ГАГ. Двоешки [ССГ 4: 90]) может иметь связь с лексемой «мазать». Однозначно можно сказать лишь о префиксальном способе образования данной лексемы.

- Вторая лексема *потягушки* ('облака'), (*Што-та многа сянни п̆тягушык на неби*. СМОЛ. Туринщина [ССГ 8: 19]) образована от глагола «потягивать» с помощью суффикса -ушк(и). Данная модель не является типовой и регулярной.

- Третья лексема *мóрок* ('облако'), (*на небу плыветь морьк*. РУДН. Боярщина [ССГ 11: 256]) является полногласным вариантом «мрак». Предположительно, значение формируется следующей логической цепочкой: облака перекрывают солнечный свет, а, следовательно, создают «мрак».

Данная группа слов не встречается в южных говорах со схожим значением.

Подведем итоги нашего исследования. Лексемы, обозначающие «облако», неоднородны по своей структуре, распространенности и этимологической основе. Большая часть слов соотносится с исторической основой, и по этой причине являются образованиями южных говоров, за исключением лексемы *болáк*, которую можно причислить к образованиям смоленских говоров. В первой и во второй группе отчетливо наблюдается влияние аффиксального окружения на становления семантики. Третья группа, не имеющая этимологически родственной основы, является уникальной для смоленских говоров (отсутствует в других южных говорах). В ней аффиксальное окружение является скорее средством оформления лексемы, а не конкретизации значения, которое формируется на ассоциативной почве.

Литература

Брянский областной словарь / авт.-сост. Е.П. Гарбузова и др. Изд. 2-е, испр. и доп. Брянск, 2011. 361 с. – БОС.

Лопатин В.В., Удуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

Словарь брянских говоров / под ред. В.И. Чагишевой, В.А. Козырева. Т. 1–5. Л., 1976-1988. – СБГ.

Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой, Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974-2005. – ССГ.

Словарь курских говоров: вып. 1-7 / сост. Л.О. Занозина, Л.И. Ларина, науч. ред. Т.А. Пименова. Курск: Изд-во КГУ, 2004-2014. – СКГ.

Хильманович Г.И. Словарь курских народных говоров. Бирск, 2017. 228 с.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева (вып. 1–31), А.Ф. Журавлева (вып. 32–39), А.Ф. Журавлева и Ж.Ж. Варбот (вып. 40), Ж.Ж. Варбот (вып. 41–42). Вып. 1-42. М., 1974-2021. – ЭССЯ.

Rohatneva A.B. Lexico-semantic group «Snow» in Smolensk dialects

Smolensk dialects are an important area for study, as they contribute to the expansion of knowledge about the peculiarities of southern dialects in general. Of great interest are the words denoting weather phenomena (meteorological vocabulary), which remain a little-studied thematic layer of the vocabulary of Russian dialects. This study aims to consider the lexico-semantic group «Cloud» of Smolensk dialects from the perspective of the influence of the affixal environment on the process of semantics formation. The obtained results confirmed the hypothesis put forward before us, according to which the environment of root morphemes plays a key role in the

transmission of semantics in the meteorological vocabulary group of Smolensk dialects. We also considered the question of the uniqueness of the studied units from the point of view of their morphemic structure and word-formation model in comparison with other southern dialects, the question of the etymological nature of this group of lexemes and morphological transformations reflected in the appearance of these lexemes.

Keywords: regional linguistics, semantics, affixal environment, Smolensk dialects.

Филиппова Мария Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

**Вопрос словарной интерпретации фразеологизмов
отрицательной и положительной оценки с частицей *не*
в современном русском языке**

Цель статьи – изучение лингвистических особенностей и рассмотрение лексикографической интерпретации фразеологических единиц с семантикой отрицательной и положительной оценки с частицей «не», функционирующих в современном русском языке. Материалом исследования послужили единицы, зафиксированные академическими словарями русских фразеологизмов и словарями русских фразеологических неологизмов, с обращением к данным словарей русской разговорной речи. В статье описывается традиция словарной интерпретации рассматриваемых единиц, особое внимание уделяется симметричным аксиологическим парам фразеологических единиц. Обсуждается концепция грамматической, семантической и функциональной симметрии («зеркальности») фразеологизмов с положительной и отрицательной оценкой и вопрос словарной интерпретации данных единиц. На основании анализа материала пользовательского подкорпуса выделены наиболее продуктивные структурно-семантические модели образования фразеологизмов в современном русском языке.

Ключевые слова: фразеологическая единица, аксиология, положительная и отрицательная оценка, структурно-семантическая модель, симметрия.

Фразеологические единицы (ФЕ) положительной и отрицательной оценки играют важную роль в построении языковой картины мира. Настоящая работа посвящена проблеме отражения в словарной статье лингвистических особенностей группы фразеологических единиц (ФЕ) с семантикой

положительной и отрицательной оценки, соответствующих общей модели «*ne* + X».

Ключевой проблемой для сбора и анализа фразеологического материала со значением оценки является установление аксиологических рамок, которые бы ограничивали круг ФЕ до единиц с семантикой общей положительной и отрицательной оценки.

Особую сложность при составлении классификации представляет рассмотрение концепта коннотации как комплексного явления, включающего широкий спектр эмоций и суждений. Ж.В. Краснобаева-Черная приходит к мнению о том, что аксиологическое пространство ФЕ реализуется в семи диапазонах. Основными эмоционально-оценочными характеристиками ФЕ с положительной коннотацией в соответствии с рассматриваемым исследованием можно считать следующие понятия: «хорошо, одобрять, удовлетворять, ценный, интересоваться, утверждать, соблюдать норму», с отрицательной – «плохо, не одобрять, не удовлетворять, неценный, не интересоваться, отрицать, не соблюдать норму» [Краснобаева-Черная 2015: 85].

В данной работе при сборе и систематизации материала данное ранжирование было сужено до следующих аксиологических характеристик:

1. X вызывает у говорящего эмоциональную реакцию одобрения // неодобрения.

2. X вызывает у говорящего эмоциональную реакцию удовлетворения // неудовлетворения.

3. Говорящий утверждает существование X в рамках // вне рамок социальной или субъективной нормы.

Понятия «хорошо // плохо» и «ценный // неценный» в таком случае условно включаются нами в п. 1, а ФЕ, относящиеся к лексическому выражению понятий «интересоваться // не интересоваться» и «утверждать // отрицать», выносятся за рамки проводимого исследования как периферия оценочной фразеологии.

Материал исследования составили единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей современной русской идиоматики (А.В. Жукова, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского) и разговорной речи (Л.П. Крысина, В.В. Химика) с обращением к контекстам Национального корпуса русского языка для подтверждения и уточнения функционирования выделенных единиц.

На основании выделенных аксиологических характеристик была разработана следующая семантическая классификация ФЕ:

1. О чем-либо, соответствующем // не соответствующем представлениям о высоком качестве.

2. О чем-либо вызывающем позитивные // негативные эмоции.

3. О чем-либо, возникающем или существующем в рамках // вне рамок социальной или субъективной нормы.

На основании выборки с учетом рассмотренных характеристик был создан пользовательский подкорпус из 82 ФЕ. При аксиологическом разделении материала можно отметить доминирование единиц с отрицательной оценкой объекта с точки зрения одобрения // неодобрения (55 ФЕ). В ходе анализа установлено, что 58 ФЕ формируют 29 аксиологических пар, то есть, пар фразеологизмов с единым семантическим ядром, характеризующихся грамматическим и функциональным параллелизмом, единственным дифференциальным признаком которых становится наличие или отсутствие отрицания (*по кайфу* – *не по кайфу*). Таким образом, из 82 рассмотренных единиц только 24 не имеют симметричной аксиологической пары с положительной или отрицательной оценкой.

При выделении аксиологических пар следует обратить особое внимание на случаи использования частицы *не* для образования фразеологизмов с положительной коннотацией от единиц с отрицательной семантикой. Наиболее ярким примером ФЕ описываемой категории является комплекс единиц, образованных по схеме (*не*) + *ргоп* + застывшая форма *попало*. Так, от фразеологической единицы *что попало* с отрицательной

коннотацией образуется фразеологизм *не что попало* с положительной. От фразеологизма *абы как* с семантикой отрицательной оценки образуется оборот *не абы как* с ядерной семой 'высокое качество'. Данные ФЕ в проводимом исследовании описываются аналогично случаям, когда частица *не* формирует отрицательную семантику, они также составляют симметричные пары, но *не* в данном случае не является маркером отрицательной коннотации.

Анализ симметричных ФЕ позволяет поставить вопрос о том, могут ли они быть интерпретированы в одной словарной статье как конструкции с факультативным компонентом не в скобках.

Во фразеологических и толковых словарях присутствуют различные решения проблемы фиксации семантической и грамматической симметрии ФЕ положительной и отрицательной оценки. Обзор лексикографической традиции отражения грамматической симметрии в словарях позволяет выявить несколько основных вариантов оформления словарной статьи.

Во фразеологических словарях грамматически симметричные фразеологизмы могут даваться в соседних словарных статьях. Так, в «Академическом словаре русской фразеологии» под редакцией Д.О. Добровольского и А.Н. Баранова словарные статьи к ФЕ *цацки-пецки* и *не цацки-пецки* приводятся друг под другом [АСРФ: 751]. Другой лексикографической тенденцией становится включение грамматически и семантически симметричной ФЕ в одну словарную статью, посвященную «парной» единице. Данный вариант демонстрации симметричных единиц представлен во «Фразеологическом словаре русского языка (с лексико-грамматическим комментарием)» А.В. Жукова. В статье, посвященной фразеологизму *не в своем уме*, симметричная единица *в своем уме* приводится после основного значения фразеологической единицы. При этом в конце статьи дается комментарий, включающий в себя толкование частицы *не* в функции формирования отрицательного значения слова или ФЕ

[ФСРЯ: 438]. Для толковых словарей лексики характерна фиксация симметричных ФЕ в рамках одной словарной статьи на ключевое слово во фразеологической модели. Например, в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой ФЕ *по адресу* и *не по адресу* включаются в статью, посвященную лексеме *адрес*, и приводятся в зоне фразеологии [МАС I: 26].

Таким образом, вопрос словарной интерпретации данных единиц нельзя считать окончательно решенным. Принципиально важным при определении пути словарной интерпретации ФЕ в одной или разных словарных статьях представляется фактор доказанной симметрии ФЕ. Считаем возможным предложить разработку единой системы доказательства грамматической, семантической и функциональной симметрии, позволяющей формировать единую словарную статью на основании объединения двух единиц. Доказательной базой признания «зеркальности» ФЕ и включения двух единиц в одну словарную статью должна быть абсолютная семантическая, структурная и функциональная идентичность. Единственным дифференциальным признаком в таком случае остается положительная и отрицательная оценочность.

При этом стоит учитывать ряд семантических и грамматических ограничений.

Прежде всего, необходимо сказать об отсутствии у некоторых фразеологизмов с частицей *не* симметричных ФЕ с семантикой положительной оценки. Рассмотрим два характерных примера. Фразеологическая единица *не в ту степь* включена в семантическую группу «о чем-либо, возникающем или существующем вне рамок социальной или субъективной нормы». При этом этимологически данная единица связана с грамматически симметричным крылатым выражением *в ту степь* (искаж. *тустеп*), впервые употребленном в оперетте «Свадьба в Малиновке». *В ту степь* встречается в более узком оценочном значении («в определенном направлении»), контекстов употребления единицы с симметричной положительной семантикой на данный момент недостаточно для интерпретации

сочетания в качестве узуальной ФЕ. Несомненно, рассматривать подобные единицы в рамках одной словарной статьи невозможно. Подобная проблема фиксируется и при рассмотрении единицы *не то пальто*, входящей в группу «о чем-либо, вызывающем негативные эмоции». Форма ФЕ внутренне мотивирована рифмой «то – пальто» с «ямбической» системой ударений. На данный момент примеры употребления симметричной конструкции «то пальто» в узусе отсутствуют, соответственно, и фиксация симметрии в словаре невозможна. Еще одним примером семантического несоответствия могут служить ФЕ *в лом // не в лом*. Структурно фразеологизму *в лом* со значением ‘неприятно делать что-либо’ симметричен фразеологизм *не в лом* с семантикой ‘выполнение действия не доставляет неудобств’ (вместо ожидаемого ‘действие доставляет удовольствие’). Фразеологизмы оказываются семантически асимметричны при внешней структурной зеркальности. Вопрос интерпретации подобных ФЕ в одной или двух словарных статьях остается открытым и зависит от аксиологических рамок интерпретации материала. Выбранная в ходе данного исследования аксиологическая концепция позволяет интерпретировать данные ФЕ как «зеркальные» в рамках семантической группы «о чем-либо, вводящем в состояние неудовлетворенности, вызывающем негативные эмоции» и предложить их включение в одну словарную статью.

Другим ограничением становится выход семантики рассматриваемых ФЕ за рамки «зеркальности». Особый интерес при анализе данного вопроса представляет фразеологическая пара: *не бог весть как // бог весть как*. Несмотря на грамматические различия, ФЕ объединены общей семой ‘о ком-л., чем-л. плохом, не очень хорошем’. Анализ контекстов позволяет сделать вывод о том, что частица *не* при образовании ФЕ не вносит отрицательную оценку, а служит регулятором интенсивности коннотации. Рассмотрим два примера:

(1) *Как уже известно, в изрубленном и **Бог весть как** сросшемся Витином мозгу засели некоторые сведения из*

новейшей истории страны, по преимуществу политического свойства [НКРЯ].

(2) Окончила **не Бог весть как**, с троечками [НКРЯ].

В данном случае ФЕ с частицей *не* выражает меньшую степень отрицательной оценки, чем ФЕ без нее. Так, фраза «окончила *не Бог весть как*» выражает меньшую степень неодобрения, чем экспрессивное словосочетание «*Бог весть как сросшийся мозг*». При этом обе ФЕ могут быть отнесены к группе единиц с отрицательной оценкой, т.е. не составляют аксиологическую пару.

Особую группу при оформлении словарной статьи составляют пары, в которых фразеологизм со значением отрицательной оценки формируется путем добавления частицы *не* к лексеме, имеющей положительную коннотацию (*айс – не айс*). Необходимо решить вопрос о том, могут ли двухкомпонентные ФЕ, образованные путем добавления частицы *не* к лексеме, имеющей положительную коннотацию (*кайф – не кайф*), или междометию (*ах – не ах*), считаться самостоятельными ФЕ, или их стоит трактовать как варианты фразеологической модели *не X*, где X – любое слово с положительной семантикой (часто жаргонное).

Количественное и качественное рассмотрение данных единиц позволяет сделать вывод о том, что их можно считать фразеологическими сращениями и трактовать как ФЕ по нескольким причинам. Во-первых, все рассматриваемые ФЕ характеризуются ярко выраженной смысловой целостностью, устойчивостью сочетания и эмоциональной выразительностью. Во-вторых, круг ФЕ данной грамматической структуры и семантики, а также круг существительных, от которых они образованы, ограничен (9 ФЕ в современном русском языке). В-третьих, согласно рассматриваемой модели, ФЕ образуются путем добавления частицы *не* не только к существительному, но и к междометию или глаголу. Более того, подобные рассматриваемым единицы, зафиксированные в языке ранее, например, ФЕ *не ахти*, являют собой пример функционирования

фразеологической единицы со связанным компонентом, не существующим вне идиоматического сочетания.

Стоит также отметить, что существующая словарная традиция представления подобных сочетаний также интерпретирует их как ФЕ. Например, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой дает ФЕ *не мед* как фразеологизм в статье о лексеме *мед* со значением ‘о чем-л. неприятном, тяжелом’ [МАС II: 241]. «Большой академический словарь русского языка» приводит ФЕ *не подарок* как фразеологизм в статье о лексеме *подарок* со значением ‘о чем-либо, что не является удовлетворительным, хорошим’ [БАСЗ XVII: 420].

Таким образом, данные единицы предлагается трактовать как фразеологические сращения, образованные по структурно-семантическим моделям *не + N₁* и *не + Interj_{субстант.}*

С учетом сформулированных ограничений представляется возможным выделить группу ФЕ, которые в рамках исследования можно считать «зеркально» симметричными (т.е. имеющими идентичные грамматические, семантические и функциональные характеристики с учетом деления на положительную и отрицательную семантику с помощью частицы *не*). Большая часть из них формирует продуктивные структурно-семантические модели образования ФЕ:

- 1) *не + Pr. по + N₃* (*по фенишю – не по фенишю*),
- 2) *не + Pr. в + N₄* (*в тему – не в тему*),
- 3) *не + проп + попало* (*что попало – не что попало*),
- 4) *не + проп + придется* (*что придется – не что придется*).

Решение рассмотренных проблем в рамках исследования позволяет составить алгоритм проверки пары ФЕ и подтверждения их полной семантической, грамматической и функциональной «зеркальности»:

- 1) ФЕ имеют не менее 3 контекстных употреблений;
- 2) ФЕ грамматически симметричны;
- 3) ФЕ имеют «зеркальную» семантику (говорящий оценивает объект строго в рамках коннотации хорошо // плохо);

4) ФЕ могут выполнять в предложении одну и ту же синтаксическую роль.

Анализ и систематизация рассматриваемых ФЕ – актуальная задача современной фразеологии, фразеологии и аксиологии в аспекте рассмотрения параметра оценки как универсальной категории языка. Предложенная система лексикографической интерпретации позволит фиксировать в словарях современной фразеологии симметрию и асимметрию аксиологических пар ФЕ.

Литература

Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2020. 896 с. – АСРФ.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки // Лингвистическое наследие XX века. М.: КомКнига, 2006. 280 с.

Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Т. 1-27. М.; СПб., 2004-2021 – БАСЗ.

Краснобаева-Черная Ж.В. Аксиологическое пространство фразеологических единиц с положительной оценкой // Гуманитарный вектор № 4, 2015. С. 83-90.

Жуков А.В. Фразеологический словарь русского языка. М.: ФЛИНТА, 2017. 758 с. – ФСРЯ.

Крысин Л.П. Толковый словарь русской разговорной речи / Л.П. Крысин, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 882 с. – Электронный ресурс: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

Национальный корпус русского языка. – Электронный ресурс: <http://www.ruscorgora.ru>. – НКРЯ.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999. – МАС.

Filippova M.A. The problem of dictionary interpretation of phraseological units with negative and positive valuation with a particle *not* in modern Russian

The article is devoted to the problem of the lexicographic interpretation of phraseological units with the semantics of negative and positive valuation with a particle *not*, functioning in modern Russian. The material of the study includes units from academic dictionaries of Russian phraseological units and dictionaries of Russian phraseological neologisms considering the data of dictionaries of colloquial speech. The review of the dictionary tradition of considered units interpretation is presented, and the concept of grammatical, semantic and functional symmetry of phraseologisms with positive and negative evaluation is considered. The concept of grammatical, semantic and functional symmetry («mirroring») of phraseological units with positive and negative evaluation and the issue of dictionary interpretation of these units are discussed. As a result of the quantitative analysis of the units, the most productive structural-semantic models of phraseological phrase formation in modern Russian language are highlighted regarding their semantic potential.

Keywords: phraseological unit, axiology, positive and negative connotation, structural-semantic model, symmetry.

Хайретдинова Эльмира Фагимовна

Самарский государственный социально-педагогический университет

Наименования форм ландшафта в говорах Среднего Поволжья

В статье рассматривается вопрос о существовании в диалектах смежных областей одного региона лексических параллелей в наименованиях форм ландшафта, объединенных семей 'небольшой'. Используются данные архива диалектологических экспедиций в Самарскую, Оренбургскую, Ульяновскую и Саратовскую области, а также данные самарского и оренбургского словарей. Актуальность темы обусловлена тем, что ландшафтная лексика поволжских говоров представляет интерес для лингвистического анализа и отражения на лингвистических картах. Одной из тематических групп, в которых проявляются системные связи лексического уровня, являются слова, называющие малые формы рельефа. Проводится структурный анализ лексических групп, называющих в говорах Среднего Поволжья небольшие впадины и возвышенности. Лексические группы наименований малых форм рельефа рассматриваются как система, включающая слова собственно диалектные, ограниченные территорией употребления, и слова широкого употребления. Прогнозируется существование изоглосс наименований оврагов на данной территории, так как большая часть их представлена лексическими параллелями во всех областях. Наименования холмов представлены разнокорневыми лексемами, образующими соответствия по принципу синонимии.

Ключевые слова: диалектная лексика, ландшафтные наименования, лингвистические карты, говоры Среднего Поволжья, диалектологическая практика.

Данная статья является продолжением исследования наименований небольших оврагов и холмов в говорах левобережной части Среднего Поволжья, входивших в планировавшийся в середине прошлого века так называемый X том «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) [Хайретдинова, 2023: 212-223]. Источником материала послужили данные по говорам Самарской, Оренбургской, Саратовской и Ульяновской областей, собранные в 1940-1950-х гг. для ДАРЯ. Эти сведения представляют собой выборку лексем, обозначающих низменности – ‘овраг’ и возвышенности – ‘сопка’. Нам уже приходилось писать о том, что в архивных материалах по говорам Самарской и Оренбургской областей зафиксированы сходные по составу лексико-семантические группы ландшафтных наименований небольших оврагов и возвышенностей. Сопоставление этих лексико-семантических групп основано на присутствии интегральной семы ‘небольшой’, объединяющей наименования положительных и отрицательных форм рельефа. Вместе с тем между данными ЛСГ выявлены различия в обозначениях географических объектов. Например, слова, обозначающие овраги, в обоих регионах имеют общую интегральную сему, но при этом каждое слово может приобретать уникальные дифференциальные компоненты значения в отдельных говорах. Наличие одинаковых равнозначных наименований оврагов и холмов в говорах смежных территорий со сходными характеристиками ландшафта позволило нам выдвинуть гипотезу о наличии у отдельных лексем изоглосс.

В состав территории X тома ДАРЯ планировалось включения обширной заволжской территории, охватывающее всю Самарскую (ранее Куйбышевскую), западную, центральную и юго-западную часть Оренбургской (Чкаловской), заволжскую часть Ульяновской и Саратовской областей. Эта территория отличается равнинным ландшафтом с характерными небольшими холмами и оврагами. Особенности рельефа зафиксированы в ответах на два вопроса: «Как у вас называется овраг?» и

«Употребляется ли и что обозначает слово *сонка*?» Многие из ответов на данные вопросы были ненулевыми и содержали пояснения. Данные уникальные материалы хранятся в диалектологическом архиве педагогического университета в Самаре.

В рамках нашего исследования мы использовали полную выборку слов по теме «Ландшафт» из материалов экспедиций в села Оренбургской, Ульяновской и Саратовской областей. Этот материал был обобщен студентами в ходе диалектологической практики, проводимой в лаборатории лингвометодических исследований СГСПУ на кафедре русского языка, культуры речи и методики преподавания. Используются также материалы «Лексического атласа самарских говоров» (2021), «Тематического словаря самарских говоров» Т.Е. Баженовой (2020), Словаря оренбургских говоров Б.А. Моисеева (2010) и Словаря уральских (яицких) казаков Н.М. Малечи (2002).

Задачей нашего исследования был сопоставительный семантический анализ лексических единиц и выявление междиалектных соответствий среди слов, относящихся к ландшафтной тематике, объединенных семой 'небольшой'. В выборку входили все варианты названий малых форм рельефа, независимо от того, относятся ли эти слова к диалектному или общенародному фонду.

Наименования низменностей

Для обозначения впадины в материалах в самарских говорах зафиксировано 25 лексических единиц: *ба́лка, барáк, буйрак, враг, вьмоина, дол, доли́на, ендová, э́рик, лог, логови́на, лоци́на, львина, лывинка, львля, обáл, обры́в, под, ров, росошь, суходóл, яр, яро́к, яру́га, яма.*

В оренбургских говорах – 28 слов: *ба́лка, буера́к, водомо́ина, враг, вра́жик, впа́дина, вьмоина, дол, ерик, за́рост, котлови́на, кулачи́на, ключ, лог, лоци́на, овра́жинка, па́дина, промо́ина, размы́в, росошь, ростоша, ростóшка, ростошь, ры́твина, яр, я́рик, яру́га, яма.*

В ульяновских говорах – 12: *буера́к, буера́шник, враг, дол, ендová, водомóйка, обáл, обáлина, низы́, занóга, отнóга, ущéлье;*

В саратовских говорах – 6 лексем: *барáк, буера́к, дол, доли́на, лоци́на, обáлина.*

Слова *балка, буерак, враг, дол, ерик, лог, лощина, овра́жинка, промоина, ростошка, ростошь, рывина* составляют синонимический ряд с доминантой *овраг*, при этом в диалектах они обозначают различные типы естественных впадин, характерных для низменного рельефа. Слова *водоминона, выминона, обрыв, яма* можно отнести к общеупотребительным, то есть общенародным лексемам.

При обобщении неодинаковых по качеству и оформлению материалов мы столкнулись с проблемой семантизации ландшафтных лексем, образующих ЛСГ «Овраг». Как было отмечено, множество наименований малых впадин обладают дифференциальными семантическими признаками, основанными на таких характеристиках рельефа, как глубина, форма, длина, увлажненность и наличие растительности.

Например, ‘мелкий овраг’ (в оренбургских и самарских говорах) означают слова *буерак, лощина, лывина*, а ‘глубокий овраг’ (самарские, оренбургские, ульяновские говоры) – *овраг, обалина, ущелье.*

Семантический признак ‘круглая впадина’ содержится в наименованиях *лы́вля, лы́вина* (самарские говоры), *калаужина, ендová* (ульяновские говоры). Дифференциальную сему ‘удлиненные, узкие, протяженные впадины’ содержат наименования *лоци́на, эрик* (самарские говоры).

Дифференциальные семантические признаки ландшафтной лексики выявлялись следующими способами.

1. Анализ уточняющих справок, записанных от информантов. В материалах они даются в виде поясняющих сочетаний. Например, в оренбургских материалах зафиксированы различия в синтагматике ландшафтных слов, например, *лощина* записано с комментарием ‘мелкий овраг’, а *овраг* – ‘глубокий’

(Гнездовка Екатерининского р-на); *лощина* ‘овраг с пологим краем’, а *овраг* – ‘овраг с крутым краем’ (Емельяновка Матвеевского р-на); *лощина* ‘небольшой дол’ (Мирошкино Тепловского р-на; Немятовка Павловского р-на); *овраг* – «глубже», *буерак* – «мельче» (Нижне-Озерное Краснохолмского р-на).

2. Использование лексикографических материалов. Так, с помощью самарского областного словаря были обнаружены следующие оттенки значений слов: *логовина* – ‘небольшой овраг, поросший мелким кустарником’ (Кинельский р-н) [Баженова, 2020: 39]; *ерик* – ‘узкая недлинная промывина с крутыми склонами и ручьем’ (в Преполовенке Безенчукского р-на, Муранке Шигонского, Мостах Пестравского р-на) [Баженова, 2020: 36].

3. Для семантизации общепотребительных слов использовался этимологический анализ. Например, слова *лог* и *луг* имеют общеславянское происхождение, что могло привести к сближению их значений. Ср.: «лог, род.п.-а «долина, овраг, поле под паром» <...> Сербохорв. *лѡг*, р. *лѡга* «лежание». || От *лежати*. Ср. лит. *atlagai* «поле, долго лежавшее под паром» [Фасмер 2: 509]; «ЛУГ. <...> устанавливается связь с *лог*, *лузь* и диал. *ляга* – «пруд», «болото», «лужа». Можно думать о сопоставлении с алб. *lugine* «долина», «лощина» [Мурзаев 1984: 349]. Лексема *лощина* производна от *лог* (производное от *лежати*) и имеет значение оврага с пологими склонами. Ср. их значение в словаре народных географических терминов Э.М. Мурзаева: *лог* ‘овраг на равнине, обладающий пологими склонами и плоским днищем’ [Мурзаев 1984: 344] и *лощина* ‘отрицательная форма нормальной эрозии с явно выраженными днищами и склонами ... наиболее обычна корытообразная форма в поперечном сечении»; «в ряде районов говорят: *лощина*, *ложбина*, *лог*, не дифференцируя их специфики» [Мурзаев 1984: 348]. В СРНГ у лексемы *луг* отмечено значение ‘лог’ в тверских и томских говорах [СРНГ 17: 174]. Слово *рытвина* восходит к тому же корню, что и *ров*, – и.-е. корню **gau-* ‘вырывать’, ср.:

рытва ‘яма с водой’ [Фасмер 3: 531]. В литературном языке лексема *рытвина* имеет значение ‘яма, канава, промытая водой или выбитая на дороге колесами; промоина, колдобина’ [БАС 12: 1634]; ‘углубление на дороге, выбитое колесами или вымытое дождями’ [МАС III: 746].

4. Вслед за Н.В. Бурко для семантизации наименований рельефа мы использовали словообразовательные признаки [Бурко, 2020]. Указание на небольшую форму впадины естественного происхождения передаются с помощью уменьшительных суффиксов **-инк-**, **-к-**, **-ик-**: *овражинка* – ‘небольшой овраг, овражек’ [Моисеев 2010: 112]. См. также: *ростошка* «Уменьш. **ростóшка**. Земля досталась у *ростошки*. Соль. 6» от *ростошь* ‘овраг, заросший лесом и кустарником’ [Моисеев 2010: 150], образованное с помощью суффикса **-к-**; слово *ерик* ‘небольшой овраг’ [Моисеев 2010: 43], образованное с помощью суффикса **-ик-**, от основы существительного *ер (яр)*.

Таким образом, ЛСГ «Овраг» составляют лексемы со сложной семантической структурой, которые отражают региональные особенности функционирования общеупотребительных лексем, этимологию и словообразование диалектных слов.

Исследование показало, что семантические различия диалектных слов в говорах смежных территорий Самарской и Оренбургской областей минимальны и часто сводятся к деталям, таким как форма или дополнительные характеристики объектов. Основные наименования оврагов демонстрируют межрегиональные лексические параллели, указывая на наличие изоглосс в этих регионах. Например, слово *лѣвина* различается по форме: в самарских говорах (‘круглая яма с пологими краями, заполненная водой’ [Баженова 2020: 39]) – круглая впадина, а в оренбургских (‘канава, небольшой овраг, промытый весенней водой’ [Моисеев 2010: 89]) – удлиненная. В обоих говорах сохраняются общие признаки, такие как небольшие размеры, природное происхождение и наличие увлажненности.

Большая часть наименований оврагов в говорах Среднего Поволжья является собственно лексическими диалектизмами и образует соответственные лексические параллели. Проведем примеры таких лексико-семантических соответствий между самарскими и оренбургскими говорами: *балка – ендова; долина – овраг; вымоина – росошь; лощина – яр; зарост – кулачина; лывинка – яр; барак – лог; котловина – ключ; ростоша – буерак; размыв – рытвина.*

ЛСГ «Овраг» в говорах смежных областей включает общие слова (*балка, дол, ерик, лог*). Можно предположить наличие у этих слов изоглосс на территории Среднего Поволжья. Чтобы сделать подобные обобщения по ульяновским и саратовским говорам, нужны более обширные сведения.

Наименования возвышенностей

В говорах Среднего Поволжья для обозначения небольших возвышенностей, таких как холмы, используется сравнительно небольшое количество слов. Эта лексико-семантическая группа включает следующие лексемы.

В самарских говорах используется 13 диалектных единиц: *бугóр, горá, гóрка, грívка, мар, ком, кóчка, кулiга, кургáн, сóпка, холм, шихáн, шiшка.*

В оренбургских говорах – 13: *бугóр, бугорóк, горá, кóчка, мар, марóк, сóпка, холм, чагýл, шихáн, шихáнов, шiшка, шушкáны.*

В ульяновских говорах зафиксированы 9 слов: *бугóр, бугорóк, горá, мар, сóпка, холм, хóлом, шелóма, шiшка.*

В саратовских говорах – 6: *бугóр, горá, мар, сóпка, сырт, холм.*

Как видим, в наименованиях возвышенностей в говорах смежных территорий Заволжья много общего. В данной ЛСГ слова *бугорок, гривка, кочка, курган, мар, марок, сопка, холм, чагыл, шихан, шишка, шушканы* представлены диалектными лексико-семантическими вариантами и образуют в самарских и оренбургских говорах лексические параллели, зафиксированными в лексикографических источниках [Баженова 2020: 22-25;

Моисеев 2010: 92-185; Малеча 4: 408-410]. Все они являются региональными микротопонимами. Лексемы *бугор, гора, кочка, сонка, холм* зафиксированы в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и употребляются в говорах в общепринятом значении.

В самарских говорах в качестве доминанты среди наименований небольшой возвышенности выступает общеупотребительная лексема *гора* – ‘возвышенное место’ (фиксации в Приволжском, Иса克林ском, Большечерниговском, Кинель-Черкасском, Шигонском районах). Это слово в самарских говорах является более частотным по сравнению с другими единицами синонимического ряда.

В саратовских и оренбургских говорах в данной лексической группе доминирует общеупотребительная лексема *бугор* (Алексеевка Мустаевского р-на; Буденовка Тоцкого р-на; Верхняя Платовка Покровского р-на; Вознесенка Павловского р-на и др. – всего в 10 селах Оренбургской области; Николаевка Балаковского района, Дмитриевка и Большая Таволжанка Ивантеевского района, Толстовка Краснопартизанского района Саратовской области и др.).

Указание на небольшой размер реалии в данной ЛСГ часто выражается с помощью суффикса *-к-*, например, в словах *зривка, сонка, кочка, шишка, марок, бугорок* (‘небольшой холм’).

Семантические различия между диалектными наименованиями небольших возвышенностей в говорах Среднего Поволжья практически отсутствуют.

Главным примером служит лексема *гора*. В литературном языке она обозначает значительную возвышенность, в диалектах же может употребляться для обозначения любого возвышенного места или высокого берега реки. Пример из самарских говоров: «У нас на горе колки растут, видели?» (Тимашево Кинель-Черкасского р-на). В другом контексте: «Тут этой стороной гора была высокая, сейчас подняли эту дамбу, а то дамбы не было, гора вообще была высокая, на горе больница стояла» (Украинка Большечерниговского р-на).

В лексико-семантической группе «Небольшая возвышенность» наблюдаются междиалектные лексические соответствия, представляющие разнокорневые названия одних и тех же реалий. Примером таких параллелей в самарских и оренбургских говорах являются: *бугор – мар; кочка – сопка; шихан – гривка; марок – курган*.

Таким образом, можно сделать вывод, что в говорах Среднего Поволжья существует множество лексических параллелей для обозначения небольших впадин и возвышенностей, что свидетельствует о наличии устойчивого набора общерусских и диалектных лексем. В ландшафтной лексике этих говоров широко представлены тюркизмы, такие как *яр, барак, чагыл, шихан, шушканы* и др.

В говорах сложилась система семантической дифференциации, основанной на отличительных признаках оврагов. Напротив, наименования холмов в этих говорах не имеют такой степени конкретизации. Лексическое многообразие наименований оврагов и общая дезактуализация дифференциальных семантических признаков холмов можно интерпретировать как результат отражения региональных особенностей мировосприятия жителей равнинных сельскохозяйственных областей.

Литература

Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара: СГСПУ, 2020. 192 с.

Бурко Н.В. Наименования небольших оврагов в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 121-132.

Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4-х т. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 2002.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний. Оренбург: ОГПУ, 2010. 192 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–52. М.; Л.-СПб., 1965–2021. – СРНГ.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1957–1960. – МАС.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В.Виноградов [и др.]. М.; Л., 1948–1965 – БАС.

Хайретдинова Э.Ф. Наименования небольших оврагов и холмов в говорах левобережной части Среднего Поволжья // ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИЧНОСТЬ. Выпуск 9: материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых (Самара, 16 декабря 2022 г.) / отв. ред. Т.Е. Баженова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2023. С. 212–223.

Khairtadinova E.F. Names of landscape forms in dialects of the Middle Volga region

The article examines the existence of lexical parallels in the names of landscape forms united by the seme 'small' in the dialects of adjacent regions of the same region. The data of the archive of dialectological expeditions to the Samara, Orenburg, Ulyanovsk and Saratov regions, as well as data from the Samara and Orenburg dictionaries, are used. The relevance of the topic is due to the fact that the landscape vocabulary of the Volga dialects is of interest for linguistic analysis and reflection on linguistic maps. One of the thematic groups in which systemic connections of the lexical level are manifested, are words that name small forms of relief. A structural analysis of lexical groups naming small depressions and hills in the dialects of the Middle Volga region is carried out. Lexical groups of

names of small relief forms are considered as a system that includes dialectal words proper, limited by the territory of use, and words of wide use. The existence of isoglosses of ravine names in this territory is predicted, since most of them are represented by lexical parallels in all areas. The names of hills are represented by lexemes of different roots, forming correspondences according to the principle of synonymy.

Keywords: dialects vocabulary, landscape names, linguistic maps, dialects of the Middle Volga region, dialectological practice.

Хорошева Светлана Ивановна

Самарский государственный социально-педагогический
университет

Диалектные глаголы в говорах Среднего Поволжья

В статье рассматривается проблема определения парадигматических связей в лексико-семантических группах глаголов, зафиксированных в региональных словарях и атласах Среднего Поволжья. Обращение к диалектному материалу позволяет расширить представление о лексике и лексикографии современного русского языка, на обширном материале рассмотреть системный характер лексики. Проблема фиксирования диалектной лексики всегда являлась значимой для лингвистов и в последнее время не теряет своей актуальности. Большая работа была проделана самарской, оренбургской и саратовской лингвистическими школами по отбору лексики Среднего Поволжья. В статье представлены результаты картографирования всех зафиксированных глаголов в говорах Среднего Поволжья и сравнительная характеристика собранного и обработанного материала. Интерпретируемая карта содержит данные, актуальные в плане решения вопроса о сравнительно-типологической характеристике диалектной лексики на территориях. Составлена карта – продолжение изоглоссы лексем «баять».

Ключевые слова: русский язык, диалект, глаголы, лексический атлас, изоглоссы, системные отношения в лексике, Среднее Поволжье.

Актуальность изучения диалектных говоров Среднего Поволжья заключается в том, что системное изучение лексического состава русских говоров является важнейшей задачей современного языкознания. Важность изучения глагольной лексики обусловлена ее принадлежностью к основному словарному запасу языка, большой семантической

насыщенностью. Глагольные слова играют ключевую роль в формировании высказываний и передаче смысла и в диалектных условиях служат для описания разнообразных фрагментов действительности. И вместе с тем глагольная лексика по сравнению с лексикой именной остается недостаточно изученной.

Фактическим материалом послужили лексико-семантические группы глаголов, извлеченные сплошной выборкой из архивных материалов диалектологических экспедиций по говорам Среднего Поволжья, составленные нами и другими студентами Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) в рамках учебной диалектологической практики 2022 и 2023 гг.

Наша задача заключалась в том, чтобы определить семантику анализируемых глагольных слов, выявить ареал их распространения в отдельных номинативных рядах на территории Самарской, Саратовской, Ульяновской и Оренбургской областей, сравнив географию рассматриваемых слов с данными самарского диалектного словаря [Баженова 2020] и лексического атласа самарских говоров [Лексический атлас самарских говоров 2021].

Общий объем использованного в работе лексического материала составляет 92 лексемы.

Перед нами стояла задача анализа глагольных слов на диалектном материале, то есть определение синонимических, словообразовательных и других системных отношений в лексико-семантических группах диалектных глаголов.

В лексико-семантических группах глагольных слов на территории Среднего Поволжья наблюдаются следующие межсловные отношения системного характера:

– отношения дублетности: *запротóрить* – *схоронíть* ‘спрятать, скрыть’; *брухáть* – *брухтáть* – *kozyря́ться* – *пыря́ть* ‘бодать (о корове)’; *брать* – *дергать* – *теребить* ‘убирать с поля лён, коноплю’;

– синонимические отношения: *захováть* – *замули́ть* – *схорони́ть* ‘убрать в надежное место, скрыть, укрыть’; *брехать* – *баять* ‘разговаривать’;

– отношения фонематической вариативности: *сторновáть*, *сторонováть*, *торновáть* ‘переворачивать снопы при молотье вручную’;

– фонетико-акцентологическая вариативность: куры *клохо́чут*, *кло́хчут*;

– лексико-словообразовательные варианты: гусь *га́гает*, *га́кчет*, *гага́вит*; курица *кло́хчет* – *кло́хчийет*, *са́кает* – *сакóчет* и др.

Анализ собранного материала подтвердил в говорах Самарской, Саратовской, Ульяновской и Оренбургской областей существование множества случаев междиалектной синонимии в рассматриваемых ЛСГ глаголов. В отношениях междиалектной синонимии находятся лексемы, имеющие значение ‘петь’ – *играть*, *кричать*, *песнячить*, *загинать*, *припевать*; ‘разговаривать’ – *толми́ть*, *лазготáть*, *бо́тать*, *варакать*, *брехать*.

Диалектные синонимы имеют семантические отличия. Например, *играют* обычно песни, а частушки *кричат*, *орут*; *поют* за столом, а если *играют* – приплясывают или пляшут; *поют* молитвы, а песни и *поют*, и *играют*. Если поют громко, звонко веселые песни, то говорят: *песнячить*: *Раньше идём по улице, песни играем, песнячим (с. Мосты Хворостянского р-на)*. Если поют осмысленно, хором, выводя мелодию на несколько голосов, то *загинают*: *Ты немножко лишнего загинаешь (с. Падовка Пестравского р-на)* [Баженова 2020: 59].

Кроме того, синонимы *петь* и *играть* (песни) на территории Среднего Поволжья составляют междиалектное соответствие. Лексема *петь* встречается в средневолжских говорах повсеместно, широко распространяясь с северо-запада Саратовской области через Ульяновскую область на северо-восток Самарской области по всей территории. На основании новых данных мы смогли уточнить изоглоссы, обозначенные на

картах поволжских атласов. Изоглосса лексемы *играть* растягивается по левому и правому берегу Волги через всю территорию Саратовской области, обходя стороной правобережные районы Ульяновской области, проходит по южным и восточным районам Самарской области до междуречья Сок-Кондурча и заканчивается на территории Ульяновской области в районе устья реки Большой Черемшан. Судя по имеющимся данным, лексема *играть* (песни) сохраняет типологическую закрепленность за южнорусскими говорами и образует устойчивую изоглоссу на территории Саратовской области, далее в южных и восточных районах Самарской области продолжается вплоть до междуречья Сока и Кондурчи и уходит на территорию Оренбургской области, обходя стороной левобережные говоры Ульяновской области, в большинстве севернорусские [Мызникова 2015].

В отношениях дублетности находятся глаголы, **обозначающие процесс уборки льна и конопли: *брать*, *дергать*, *теребить*, *тягать***. В самарских говорах они имеют значение ‘убирать с поля колосья, дергая с корнем стебли растений’. На всей территории Самарской области зафиксировано слово *брать*, сплошной ареал его встречается на северо-западе (Шигонский р-н) и юго-востоке (Богатовский и Борский р-ны). Слово *дёргать* используется на юге (Большечерниговский, Алексеевский р-ны) и на юго-востоке (Кинельский, Борский, Богатовский р-ны). На их фоне глагол *теребить* занимает периферийное положение и очень часто выступает в качестве второго варианта наименования процесса уборки льна и конопли в пределах одного говора.

Анализ имеющихся архивных материалов подтвердил в говорах Самарской, Саратовской, Ульяновской и Оренбургской областей существование многочисленных междиалектных лексических соответствий в ЛСГ глаголов. Так, многочисленную ЛСГ составляют глаголы со значением ‘бодать (о корове)’ – *брухать* (в 13 нас.п.), *брухтать* (23 нас.п.), *kozyрять* (в 6

нас.пн.), *пырять* (в 84 нас.пн.), *колоться*, *пырючить* – единичные фиксации.

В отношениях полисемии находятся многочисленные глаголы речи: *баять*, *калякать*, *брехать*, *толмить*, *лазготать*, *ботать*, *вара́кать*, *брехать* и др. Среди них в средневожских говорах отмечены диалектно-просторечные (*ба́ять*, *калякать*, *судачить*), собственно диалектные (*балáкать*, *балякать гутáрить*, *гутóрить*).

Примеры употребления глагола *калякать* в говорах Самарской области указывают на большой семантический потенциал этого глагола по сравнению с литературным языком. В литературном языке и говорах этот глагол передаёт значение нерасчлененного речевого взаимодействия и используется, главным образом, при указании на непринужденную беседу (*Посидим, попьём чаю и покалякаем*). В самарских говорах глагол *калякать* имеет несколько значений: 1. Владеть речью, говорить. *Он нямой, не калякает (Преображенка Волжского района)*. 2. Говорить, обнаруживая особенности языка. *Пришел назад, мне говорят: «Это полог по-вашему», – эта в Костычах так калякают (Сытовка Шигонского района)*. 3. Говорить между собой, беседовать. *Вот мы с тобой теперь калякаем (Узюково Ставропольского района)*.

Судя по приведённым примерам, в говорах глагол *калякать* является синонимом глагола *говорить*, однако обозначает процесс говорения более дифференцированно. Он отмечен на карте лексического атласа повсеместно.

По лингвогеографическим данным, глагол *баять* бытует на территории Среднего Поволжья прежде всего в говорах с севернорусской основой. Соотнося карту № 69 Лексического атласа самарских говоров и данные «Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И. Баранниковой, которых зафиксирована лексема *баять*, можно провести продолжение изоглоссы лексемы *баять* по территории Саратовской области. Границы употребления лексемы *баять* простираются с севера Саратовской области от Татищевского района, находящегося на левом берегу

р. Волги, и растягивается до северо-восточных границ Саратовской области через Духовницкий, Ивантеевский, Пугачевский и Хвалынский районы, которые прилегают к правому берегу Волги, гранича с Самарской областью, и далее продолжают к северу Самарской области через Сызранский, Ставропольский, Безенчукский, Шигонский и Красноярский районы.

В настоящее время глагол *баять* выходит из активного употребления и крайне редко отмечается даже в речи самых пожилых носителей говора. Устаревшим его считают и сами носители диалектов: *Эта раньше баяли, чай, теперь – говорят (Муранка Шигонского р-на).*

Глагол *гутарить* чаще всего употребляется семантически недифференцированно. Ср. примеры: *И потом <отец> ещё долго мне гутарил, что я удочку-то утопил (Новый Камелик Большечерниговского р-на); Ить гутарила яму: «Ни жанись на ней, она соромница и тебе не пара» (Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на).*

Просторечный глагол *балакать* не образует ареал на карте, так как его фиксации рассеяны по всей территории. Контексты с глаголом *балакать* свидетельствуют о том, что лексико-семантическая структура лексемы *балакать* аналогична слову *калякать*, ср.: *Мы так до вечера с тобой пробалакаем (Мосты Пестравского р-на); У вас в деревне, я чай, по-другому балакають? (Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на).* Как видим, данное слово используется в диалектной речи для обозначения процесса говорения или пустословия, болтовни.

Глагол *балякать* актуализирует значение ‘говорить попусту’, ‘толковать, сплетничать’ и ‘непонятно говорить (о нерусском)’: *Балякают почём зря (Новый Буян Красноярского р-на);*. Он зафиксирован на юге области в южнорусских говорах.

В ЛСГ глаголов речи имеют место и отношения дублетности. Показательно, что семантическую близость глаголов *говорить* и *калякать* отмечают диалектоносители: *Што*

говорить, што калякать, всё то же. У нас и так и эдак <говорят> (Сокский Исаклинского р-на).

В Ульяновской области ЛСГ глаголы со значением 'разговаривать' составляют лексемы *калякать*, а также на территории используется описательная конструкция *говор вести*.

В Саратовской области в значении 'разговаривать' используются следующие лексемы: *баять, балякать, калякать, брехать*. Лексема *брехать* зафиксирована только в одном населенном пункте, и в данном значении имеет помету «пренебрежительное» в словаре.

Глаголы *балáкать, баля́кать, гута́рить* и др., которые также употребляются в самарских говорах в общем значении 'говорить', менее распространены на нашей территории. Глагол *балакать* был зафиксирован в 24 населенных пунктах, *балякать* – в 29 населенных пунктах на юге и юго-востоке Самарской области.

Глагол *гута́рить* был зафиксирован в 28 населенных пунктах и чаще всего употребляется в южной и юго-восточной части Самарской области в районе рек Иргиз и Самара и характерен для южнорусских и среднерусских говоров с южнорусской основой.

Таким образом, глагольные группы, выбранные для нашего исследования, соотносятся между собой с точки зрения междиалектной синонимии, так как все глаголы внутри групп обозначают одно и то же действие, но имеют разные диалектные формы.

Глагольная лексика средневожских говоров характеризуется системной организованностью, показывает существование разнообразных синонимических, родо-видовых и вариативных отношений, образуют устойчивые изоглоссы. При более широком охвате тематических сфер можно обнаружить и другие ЛСГ глаголов, составляющих региональную специфику лексики.

Литература

Баженова Т.Е. Тематический словарь самарских говоров. Самара: СГСПУ, 2020. 192 с.

Лексический атлас самарских говоров: карты и комментарии / под ред. Т.Е. Баженовой. Самара, 2021. 80 с.

Мызникова Я.В. Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума // Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб., 2015. С. 59-71.

Khorosheva S.I. Dialect verbs in the dialects of the Middle Volga region

The article considers the issue of defining paraic connections in lexical and semantic groups of verbs recorded in regional dictionaries and atlases of the Middle Volga region. The appeal to dialect material allows us to expand the understanding of the vocabulary and lexicography of the modern Russian language, to consider the systemic nature of vocabulary on extensive material. The problem of fixing dialect vocabulary has always been significant for linguists and has not lost its relevance lately. A lot of work has been done by the Samara, Orenburg and Saratov linguistic schools to select the vocabulary of the Middle Volga region. The article presents the results of mapping all fixed verbs in the dialects of the Middle Volga region and a comparative characteristic of the collected and processed material. The interpreted map contains data relevant in terms of solving the issue of comparative typological characteristics of dialect vocabulary in the territories. The map is a continuation of the isogloss of the lexeme «bayat».

Keywords: Russian language, dialect, verbs, lexical atlas, isoglosses, systemic relations in vocabulary, Middle Volga region.

Чэнь Юйцюн

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

О различиях китайско-русских словарей, созданных в России и Китае

В статье рассматриваются черты различия китайско-русских словарей примерно одного года выпуска и объема, созданные в России и Китае. Результаты анализа показывают, что созданные в России и Китае китайско-русские словари имеют не только черты сходства, которые объясняются универсальностью структуры современного двуязычного словаря, но и различия, обусловленные типом языка, типом письма, национальной лексикографической традицией и влиянием фактора адресата. Различия между китайско-русскими словарями, составленными в России и Китае, проявляются в макроструктуре – отборе лексических единиц, порядке следования словарных статей, вводных разделах и приложениях после корпуса словарных статей. Микроструктурные различия – это различия в структуре словарных статей, графической, фонетической характеристиках заголовочной единицы и способах ее семантизации, а также в иллюстративных примерах и использовании словарных помет. Выявлено, что микроструктуры сопоставленных словарей различаются больше, чем их макроструктуры.

Ключевые слова: словарная статья, микроструктура словарей, макроструктура словарей, китайско-русский словарь, двуязычная лексикография.

В России XIX век стал началом публикации китайско-русских словарей, поскольку в этот период китайская культура стала более привлекательной для русских исследователей, XX век можно считать периодом «расцвета» в области разработки теории и практики создания китайско-русских словарей. В Китае развитие китайско-русской лексикографии, в основном, происходило во второй половине XX в. [Чэнь 2023]. Тем не

менее, следует отметить, что первый китайско-русский словарь («汉俄词典», «Коммерческое издательство», 1977), изданный в Китае, вышел на год раньше, чем китайско-английский словарь («汉英词典», «Коммерческое издательство», 1978) [陈忠诚 1981: 213]. В настоящее время «в контексте современной внешней политики Российской Федерации и активного российско-китайского взаимодействия на международной арене значимость русского языка в Китае повышается», причем «наиболее перспективными для русского языка являются позиции его в качестве иностранного, как языка, ассоциирующегося с Российской Федерацией – страной-партнером Китайской Народной Республики» [Каплунова 2023: 68]. В связи с этим особый интерес представляет сопоставление китайско-русских словарей, создаваемых в России и Китае.

Материалом исследования являются китайско-русские словари примерно одного года выпуска и объема, созданные в России и Китае: четырехтомный «Большой китайско-русский словарь» («华俄大词典», изд-во «Наука», 1983–1984) под ред. И.М. Ошанина, «Китайско-русский словарь – минимум» («汉俄常用词典», изд-во «Русский язык», 1990) под ред. А.В. Котова, «Большой китайско-русский словарь» («汉俄大词典», изд-во «Живой язык», 2006) под ред. Б.Г. Мудрова; «大汉俄词典» («Большой китайско-русский словарь», изд-во «Цилинь Жэньминь Чубаньшэ», 1992) под ред. Ма Юньсяна, «汉俄实用词典» («Прикладной китайско-русский словарь», издательство «Дяньцзы Гунъе Чубаньшэ», 1991) под ред. Ся Чжуни, «汉俄大词典» («Большой китайско-русский словарь», изд-во «Шанъу иньшугуань», 2009) под редакцией Гу Байлиня.

Проведенное сопоставление показало, что созданные в России и Китае китайско-русские словари имеют не только черты сходства, которые объясняются универсальностью структуры современного двуязычного словаря, но и различия, обусловленные типом языка, типом письма, национальной лексикографической традицией и влиянием фактора адресата.

Различия между китайско-русскими словарями, составленными в России и Китае, заключаются в макроструктуре – отборе лексических единиц, порядке следования словарных статей, вводных частях и приложений после корпуса словарных статей. Они также отражаются в микроструктуре – в структуре словарных статей, графических данных и фонетической информации заголовочных единиц, семантизации, иллюстративных примерах и использовании словарных помет.

Черты различия макроструктуры. По мнению современных лексикографов «в понятие «макроструктура» следует включать состав и взаимодействие всех композиционных частей словаря, объединенных одной целевой установкой, начиная от предисловия и кончая приложениями», таким образом, «к вопросам макроструктуры словаря следует относить определение состава всех частей лексикографического издания, отбор лексики, объем и характер словника, а также принцип расположения словарных статей» [Бобунова 2004: 84].

Исследование позволило выявить следующие особенности.

1. Специальная лексика содержится в российских словарях (17,49%, 6,83%, 6,01%) в меньшем количестве, чем в китайских (17,57%, 26,30%, 21,61%). Если в подходе российских лексикографов относительно включения / невключения в большие словари устаревших слов (1,54%, 0,00%) нет единообразия, то китайские лексикографы включают такие слова в словники больших словарей (1,37%, 0,11%).

2. Китайские словари построены по фонетическому принципу (по пиньиню) и дополняются ключевым указателем (部首检字法¹); в российских словарях (кроме словаря А.В. Котова) словарные статьи расположены по традиционной русской

¹ Ключевая система (部首检字法) исторически самая древняя, получившая наиболее широкое распространение. В словарях, построенных по ключевой системе, нужный иероглиф отыскивается сначала по соответствующему ключу, а затем по числу черт в иероглифе, не считая числа черт в ключе [Горелов 1984: 192; Шеньшина 2007: 82].

графической системе Васильева-Пещурова-Розенберга-Колоколова¹.

3. Если все российские словари начинаются с «Предисловия» / «От автора», то у китайских словарей нет единообразия – словари «大汉俄词典» (1992) под ред. Ма Юньсяна и «汉俄实用词典» (1991) под ред. Ся Чжуня начинаются с «Предисловия» / «От автора», а словарь «汉俄大词典» (2009) под редакцией Гу Байлиня – с приветственных речей академика Российской академии наук Бориса Львовича Рифтина и председателя Иностранной комиссии Союза писателей России Олега Митрофановича Бавыкина.

4. Если среди российских словарей лишь «Большой китайско-русский словарь» под ред. И.М. Ошанина делит правила пользования словарем на пять зон (в двух других российских словарях эти правила даются в виде одной целой статьи) – «Как отыскивать иероглифы в словаре», «Словарное гнездо и как его читать», «Русские эквиваленты и толкования китайских слов и речений. Сопутствующий комментарий», «Транскрипция» и «Nota bene», то три китайских словаря делят

¹ Традиционная русская графическая система Васильева-Пещурова-Розенберга-Колоколова «впервые была разработана и описана в 1866 г. академиком В.П. Васильевым и нашла практическое применение в его учебном пособии «Графическая система китайских иероглифов: Опыт первого китайско-русского словаря» (СПб., 1867). После этого ее разработали О. Розенберг и В.С. Колоколов. Эта система ориентирована на стандартный печатный шрифт (宋体 'сунти'). Система предусматривает классификацию иероглифов по правому нижнему углу иероглифического знака. Словари, составленные по этой системе, содержат 24 раздела. Последние выделяются в соответствии с основными графическими элементами китайского печатного шрифта. Отыскивая иероглиф, нужно сначала определить основную черту, находящуюся в правом нижнем углу иероглифического знака (иногда это будет нисходящая выделяющаяся черта), а затем по указателю найти соответствующую страницу. По этой системе составлено и издано в разное время в Советском Союзе количество китайско-русских словарей» [Горелов 1984: 194].

такие правила на несколько подразделов (6, 3, 9 соответственно) и дают этим подразделам названия, такие как «*条目排列*» (Расположение словарных статей), «*符号*» (Типографские знаки), «*词目释义*» (Дефиниция).

5. Разделы-приложения в российских и китайских словарях различаются по количеству и содержанию. В трех китайских словарях больше приложений, чем в трех российских (соответственно 5, 3, 11 и 1, 2, 2). В российских словарях приложения являются дополнением к содержанию самого словаря (например, в словаре под ред. И.М. Ошанина в конце четвертого тома следует «Добавление» добавлены китайские иероглифы, не включенные в словник данного словаря при сверке с толковым словарем китайского языка «Синь-хуа цзы-дянь» (Пекин, 1972), и их толкования), а китайские словари предоставляют обширную собственно энциклопедическую информацию. Она содержится, например, в таких разделах, как «*世界地名*» (Географические названия), «*中国国家机构、政协、政党和人民团体*» (Государственные учреждения и народные организации Китая), «*汉俄对照化学元素名称表*» (Периодическая таблица элементов на китайском и русском языках), «*中国历代纪元简表*» (Хронологические таблицы по истории Китая), в которых даются общие сведения об конкретном периоде истории (XXVI век до н.э. – XX век н. э.), «*汉俄对照计量单位名称表*» (Таблица единиц измерения).

Кроме того, бесполезно отметить, что лексикографические источники содержатся во всех российских словарях, но в китайских словарях они приводятся не всегда, например, в словаре «*大汉俄词典*» (1992) под ред. Ма Юньсяна такая информация не дана.

Черты различия микроструктуры. С точки зрения современных лексикографов, к микроструктуре следует отнести проблемы построения словарной статьи как отдельной разноплановой системы внутри сложной самостоятельной системы, какой является в общем и целом словарь»

[Дубичинский 2008: 56], а сама словарная статья является «структурной единицей словаря или энциклопедии, представляющей собой относительно самостоятельный текст, который включает заглавное слово (словосочетание, выражение, понятие, термин) и его пояснение (определение, толкование, эквиваленты на других языках и пр.); словарная статья отражает микроструктуру словаря» [Антонова 2005: 30]. Каждая словарная статья «представляет лексические единицы в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик» [Несова 2016: 203].

В результате сопоставительного анализа выявлены следующие особенности.

1. Если словарная статья российских словарей состоит из двух частей (гнездовая статья и описание значения производных лексических единиц), то китайская словарная статья включает три части: отдельно оформленный 字头 ‘заголовочный иероглиф’, 单字条目 ‘словарная статья отдельных иероглифов’ и 多字条目 ‘словарная статья корнесложных слов’.

2. Если в «Большом китайско-русском словаре» под ред. И.М. Ошанина (в отличие от двух других российских словарей) подробно приводятся графические данные о заголовочном иероглифе (порядковый номер, число черт в нем и в квадратных скобках номер ключевого знака), то в китайских словарях таких данных нет. Например, в словаре под ред. И.М. Ошанина *иероглиф 爰 носит в соответствии с графической системой порядковый номер 10853, пишется 13-ю чертами (штрихами кисти), принадлежит к разделу ключа № 61, кроме ключевого знака еще 9 дополнительных черт.*

3. Что касается графического оформления, то в российском словаре под ред. И.М. Ошанина китайские иероглифы даются в полном начертании, а во всех китайских словарях – в упрощенном начертании, причем в словаре «汉俄大词典» под ред. Гу Байлиня и в словаре А.В. Котова соответствующие

традиционные иероглифы перечислены в скобках после упрощенных иероглифов.

4. В российских словарях дается больше фонетической информации, чем в китайских, о чем свидетельствует следующее: а) в российских словарях (словари под ред. И.М. Ошанина и Б.Г. Мудрова) для гнездового иероглифа приводятся не только пиньинь, но и русская транскрипция Палладия с тонами (например, 爱 *ài, ài* 'любить'), в китайских словарях – только пиньинь (например, 爱 *ài* 'любить'); б) если во всех российских словарях чтение указывается для всех иероглифов, то в китайском словаре «汉俄实用词典» чтение указывается только для заголовочных иероглифов; в) в российском словаре под ред. А.В. Котова указано чтение иероглифов в иллюстративных примерах, а в китайских словарях – нет. Например, в словаре под ред. А.В. Котова: «爱 (愛) *ài* <...> 2 нравиться; любить; ~听音乐 *ài tīng yīnyuè* любить музыку 3 легко поддаваться чему-л.; 他~害病 *tā ài hàibìng* он подвержен заболеваниям» [КРСМ 1990: 15].

5. Систематизация значений гнездового иероглифа по классам частей речи разработана лишь в одном из трех российских словарей (словарь под ред. И.М. Ошанина), и уже в двух китайских словарях («大汉俄词典» под ред. Ма Юньсяна и «汉俄大词典» под ред. Гу Байлиня).

6. Иллюстративные примеры даются во всех российских и китайских словарях (кроме словаря «汉俄实用词典»), но в китайских словарях они более обширны по объему и разнообразны по деталям. Например, гнездовая статья иероглифа 按 *àn* (ань) в словаре под ред. Б.Г. Мудрова: «按 *àn* (ань) 1. поступать согласно (чему-л.); согласно, в соответствии, на основании; по; с 2. надавливать, прижимать, нажимать 3. задержать, приостановить 4. примечание, сноска, справка (автора) 5. книжн. исследовать, расследовать» [БКРС 2006: 521], в китайском словаре «汉俄大词典» под ред. Гу Байлиня – «按 *àn*

I **动** <...> II **介** (依照) по чему; в соответствии с чем; согласно с чем, чему; соответственно чему, книжн. ~他的说法 по (согласно) его словам; ~我的意见 по-моему; по моему мнению; ~制度办事 поступать по (согласно) правилам; действовать в соответствии с существующим порядком; ~实际情况处理 решить в соответствии с конкретной обстановкой; решить, исходя из реальной обстановки (из действительности); ~常规 как правило; ~人口计算 на душу населения; расчёт по количеству населения; ~比例发展 пропорциональное развитие; пропорциональность развития; ~需生产 ведение производства с учётом спроса на товар; ~质论价 цена, допускающая колебание в зависимости от качества продукции; установление цен согласно качеству; ~股分红 распределение прибылей по паям; ~件点收 принимать поштучно (по списку, по описи); ~次序 по порядку; в порядке очередности; по очереди; ~年月日次序 в хронологическом порядке; ~姓氏笔划为序 по числу черт иероглифа фамилии; по порядку очередности чёрточек; порядок фамилий расположен по числу чёрточек; ~主义 в прямом значении; ~规定期限 в намеченный (указанный) срок; ~日 по дням; подённо; ~日计酬 подённая плата; ~周 по неделям; понедельно; ~月 по месяцам; помесечно; ~劳付酬 оплата по труду» [汉俄大词典 2009: 5].

7. Если в российских словарях лексикографические пометы даются на русском языке и выделены курсивом, то в китайских словарях (кроме словаря «大汉俄词典» под ред. Ма Юньсяна) пометы указаны по-китайски, за исключением помет для приводимых русских эквивалентов – они даны на русском языке. Например, в китайском словаре «汉俄实用词典» под ред. Ся Чжуняни: «按 ① нажать (что, на что) ② (依照) по (чему); согласно (чему, с чем); в соответствии (с чем); соответственно (чему)» [汉俄实用词典 1991: 4].

Итак, сопоставительный анализ китайско-русских словарей, созданных в России и Китае, позволил выявить, что черты различия между российскими и китайскими словарями проявляются как в макроструктуре, так и в микроструктуре, причем микроструктуры сопоставленных словарей различаются больше, чем макроструктуры.

Литература

Антонова С.Г. Редакторская подготовка изданий. М.: Прометей, 2005. 126 с.

Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: КГУ, 2004. 443 с.

Горелов В.И. Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1984. 216 с.

Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флинта, 2008. 432 с.

Капдунова М.Я. Русский язык в современном Китае // Социоллингвистика, 2023. № 1 (13). С. 60-71.

Китайско-русский словарь – минимум / сост. А.В. Котов; под ред. В.И. Горелова. 2-е изд. М.: Рус. Яз., 1990. 813 с. – КРСМ.

Несова Н.М. Представление словарной статьи в двуязычных словарях // Вестник РУДН, 2016. № 03. С. 202-208.

Чэнь Юйцзюнь. Об истории составления китайско-русских словарей в России и Китае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. № 1. 67-77.

Шеньшина М.А. Как не заблудиться в китайских словарях: начальный уровень: современный комплексный подход к самостоятельному изучению любого иностранного языка. М.: Восток-Запад, 2007. 119 с.

陈忠诚. «汉英词典»与«汉俄词典»的一些比较. 辞书研究. 上海: 上海辞书出版社. 1981. № 02. 第 213–216 页. (Чэнь Чжунчэн. О сравнении «Китайско-английского словаря» и «Китайско-

русского словаря» // Исследование лексикографии. Шанхай: Изд-во «Шанхайское лексикографическое», 1981. № 2. С. 213–216.)

汉俄大词典. 上海: 上海外语教育出版社. 2009. 2877 с.
(Большой китайско-русский словарь. Шанхай: Шанхай Вайюйцзяюй, 2009. 2877 с.)

汉俄实用词典. 北京: 电子工业出版社. 1991. 759 页.
(Прикладной китайско-русский словарь. Пекин: Издательство «Дяньцзы Гунъе Чубаньшэ», 1991. 759 с.)

Chen Yuqiong. On the differences between Chinese-Russian dictionaries created in Russia and China

The article deals with the differences between Chinese-Russian dictionaries of approximately the same year and volume created in Russia and China. The results of the analysis show that Chinese-Russian dictionaries created in Russia and China have not only similarities, which are explained by the universality of the structure of a modern bilingual dictionary, but also differences due to the type of language, type of writing, national lexicographic tradition and the influence of the addressee factor. The differences between Chinese-Russian dictionaries compiled in Russia and China are manifested in the macrostructure – the selection of lexical units, the order of dictionary entries, introductory sections and appendices after the corpus of dictionary entries. Microstructural differences are differences in the structure of dictionary entries, graphical, phonetic characteristics of the head unit and ways of its semantisation, as well as in illustrative examples and the use of word marks. The microstructures of the compared dictionaries differ more than their macrostructures.

Keywords: dictionary entry, microstructure of dictionaries, macrostructure of dictionaries, Chinese-Russian dictionary, bilingual lexicography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адамович Максим Борисович – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, maksim.adamovich.00@inbox.ru

Беляева Евгения Александровна – младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, belyaeva87@yandex.ru

Голубева Анастасия Анатольевна – магистрант, Вологодский государственный университет, Вологда, nastyagolubeva.1999@mail.ru

Ду Сянь – аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт русского языка и словесности, Волгоград, 1256618347@qq.com

Дягилева Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, diaghileva@mail.ru

Загуменнов Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, духовная образовательная организация высшего образования Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви, Вологда, zaw1991@mail.ru

Заманова Илона Владимировна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, lizhecu@163.com

Килина Мария Юрьевна – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, kilina.my@mail.ru

Королькова Мария Денисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, skifane@gmail.com

Ларина Алина Андреевна – магистрант, Донецкий государственный университет, Донецк, alinalarina709@yandex.ru

Рогатнева Анастасия Борисовна – студентка, Смоленский государственный университет, Смоленск, rogatnevaanastasia11@gmail.com

Филиппова Мария Алексеевна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, mari.filipova.al@mail.ru

Хайретдинова Эльмира Фагимовна – студентка, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, hairetdinovaelya@yandex.ru

Хорошева Светлана Ивановна – студентка, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Skhorosheva13@mail.ru

Чэнь Юйцюн – аспирант, Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 15754326288@163.com

Шевченко Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, speranza249@mail.ru

Научное издание

**Современная русская лексикология, лексикография
и лингвогеография. 2024**

Оригинал-макет подготовлен О.Н. Крыловой

Подписано к печати 28.12.2024 г.

Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. 10 усл.-печ. л. Заказ №

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

iliran@mail.ru

<https://iling.spb.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона» 190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного
канала, д. 199